

В. П. Павлов

ДЕТИ ЛИХОЛЕТЬЯ

Владимир Павлов
Дети лихолетья (сборник)

«Издательский дом “Белорусская наука”»

2017

Павлов В. П.

Дети лихолетья (сборник) / В. П. Павлов — «Издательский дом “Белорусская наука”», 2017

ISBN 978-985-08-2152-2

В предлагаемом издании показаны судьбы детей Беларуси в годы Великой Отечественной войны: эвакуация детских учреждений на восток, жизнь детских коллективов на новых местах в советском тылу. Значительная часть книги посвящена трагической жизни детей Беларуси и России на оккупированной территории. На материалах архивных источников, периодической печати, научных исследований и в основном на воспоминаниях участников событий базируется правдивое повествование о тех, кого спасали и кто спасал. Предназначается людям, перенесшим трагедию войны, современному молодому поколению, не изведавшему войн, широкому кругу читателей.

© Павлов В. П., 2017

ISBN 978-985-08-2152-2

© Издательский дом “Белорусская наука”, 2017

Содержание

От автора	6
Введение	8
Эшелоны шли на восток	15
На гостеприимной земле сестер и братьев	20
С самых западных границ: друскенинкайский пионерский санаторий	32
Дошли: областной пионерский лагерь «Лысая гора» под Гродно	35
«Мы нашли свое счастье»: Ошмянский детский дом	36
В детском городе: ратомский санаторный пионерский лагерь	38
«За три года войны мы не потеряли ни одного ребенка...»: детский сад № 6 г. Минска	51
Из пылающего Минска: детские сады № 7, 15, 20, 38, 65	56
Единственная?: детский сад № 8 г. Минска	78
Опаленное детство: детский сад № 27 г. Минска	79
Живи и помни: сад-изолятор № 43 г. Минска	81
Долгая дорога в Бугуруслан: дошкольный детский дом № 4 г. Витебска	95
«Дорогая тетя Катенька...»: Зароновский детский дом витебского района	99
Сквозь огонь и смерть: детский дом поселка Коханово толочинского района	101
Смена – три долгих года: пионерский лагерь г. Орши	103
Взрослели рано: пионерский лагерь «Родник» Бобруйского района	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Дети лихолетья (сборник)

© Павлов В. П., 2017

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2017

* * *

От автора

«Дети лихолетья» – документальные очерки и повести, посвященные судьбам детей Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Аналогичных изданий нет не только в нашей республике, но и в странах бывшего Советского Союза.

В книге рассказывается об эвакуации детских учреждений с охваченных войной районов на восток. Благодаря самоотверженному героизму, труду и усилиям прежде всего сотрудников детских учреждений были спасены от войны 110 (из 190) детских домов, 50 детских садов, 30 пионерских лагерей, 6 спецшкол и детских санаториев. В общем количестве в глубь СССР были вывезены свыше 16 тысяч детей. В книге описывается жизнь детских коллективов в новых для них местах – областях России, Казахстана, Узбекистана, куда их забросила военная судьба.

Часть детских учреждений в обстоятельствах военного времени не было возможности вывезти в советский тыл, и они остались на оккупированной территории Беларуси (более 100). Кроме того, несколько детских учреждений, так называемых приютов, в которых содержались дети из Беларуси и захваченных районов России, были созданы оккупационными властями (более 20). Значительное место в книге отведено показу трагической жизни находящихся в этих учреждениях детей: воспитанники были донорами крови для немецких госпиталей, труд детей использовался при выполнении тяжелых работ. Только благодаря мужеству, верности, профессиональному долгу воспитателей, помощи партизан и подпольщиков, местного населения были спасены жизни многих детей.

Книга написана на основе архивных данных, материалов периодической печати, малочисленных исследований ученых. Однако главным источником являются воспоминания воспитателей и воспитанников детских заведений, собранные и записанные автором в течение более тридцати лет в результате поездок по республике, переписки с детьми войны, разбросанными волей судьбы по всему пространству бывшего СССР. Их воспоминания – документы, с огромной силой обличающие фашизм, мракобесие; свидетельство того, что нес гитлеризм народам.

Пользуясь документами, письмами, записями бесед, автор воссоздает типичную картину эвакуации детей на восток страны, жизни маленьких заложников войны на оккупированной территории. Но принцип документальности, заявленный в самом начале повествования, побуждает говорить и свидетельствовать самим очевидцам, конкретным фактам. И пусть из них, этих частных эпизодов и сугубо личных впечатлений, общая картина сложится в вашем воображении.

В воспоминаниях детей наблюдается не только пронизательность, способная отразить всевозможные нюансы детской психологии в отношении того, чего в реальной действительности не должно быть, но и то, что роковым образом повлияло на психическое здоровье и развитие ребенка, что легло печатью на долгие годы и в ряде случаев формировало, а иногда и деформировало жизненные стереотипы личности. Дети и их воспитатели, оставшиеся на оккупированной территории, вынужденные жить в условиях, не соответствующих законам природного предназначения, и приспособляться к социальной среде, вместе с тем показали твердость человеческого духа, позволяющую противостоять любым трудностям, сохранять и развивать в себе генетически заложенные устремления к прекрасному – добру, неизменно теснящему зло. В детских воспоминаниях на практике реализуются идеи великого знатока человеческих душ Ф. М. Достоевского, показавшего, что «люди везде люди» и «Человек есть существо, ко всему привыкающее», – все живут по общечеловеческим законам, если даже из-за жизненных обстоятельств оказываются в условиях унижения и оскорбления своего человеческого достоинства. Именно такими – самоотверженными, стойкими,

а не страдающими, как это может показаться на первый взгляд, мы старались представить детей военного времени.

Материалы книги не историческое исследование в полном смысле данного слова. Скорее это рассказ о тех, кого спасали и кто спасал. Названы сотни фамилий детей и их воспитателей, но нет ни единого факта, вызывающего сомнение. Все приведенное на страницах происходило на самом деле.

Автор понимает, что воссоздать полную историю судеб спасенных детей Беларуси периода Великой Отечественной войны почти невозможно в связи с трудностью «добычи» материалов. Издание книги вызывает надежду ее дополнить и дописать, так как после выхода статей, опубликованных ранее в журналах, автор получил около 60 писем-воспоминаний, что позволило значительно доработать соответствующие очерки. Собраны списки 420 детей и 129 сотрудников детских учреждений, эвакуированных в советский тыл, а также установлены фамилии более 530 детей, оставшихся на оккупированной территории, имена и фамилии более 100 их воспитателей, тех, кто делил с детьми трагические дни войны.

Издание данной книги – это человеческая обязанность и долг перед теми, кто пережил ужасы войны, потерял жизнь или подорвал здоровье, не по годам состарился.

Введение

Последними свидетелями назвала Светлана Алексиевич в книге «Последние свидетели. Книга недетских рассказов» (М., 1985) тех, чье детство растоптано тяжелыми последствиями Второй мировой войны – самой жестокой и кровопролитной в истории человечества. Тех, кто выжил в этой чудовищной мясорубке, но на всю жизнь сохранил в себе страх, подавленность и беспомощность; кто умер преждевременно, так и не изведав счастья материнской ласки; кто и сейчас, далеко не в старческом возрасте, страдает от нажитых в те детские годы болезней и ран. Они, бывшие дети войны, остаются последними свидетелями самого страшного преступления XX столетия – массового детоубийства.

С первых дней вражеского нашествия особое внимание уделялось спасению дошкольных заведений, пионерских лагерей, санаториев. Из Минска и восточных областей республики были эвакуированы свыше 16 400 детей. Однако более 80 детских домов и некоторые другие детские учреждения остались в тылу врага на оккупированной территории.

Судьба воспитанников трагична. Многие из них были уничтожены, вывезены на принудительные работы в Германию. А сколько погибло в пунктах забора крови для немецких госпиталей, во время медицинских экспериментов?! Сколько умерло от болезней, полученных в болотах во время блокад партизанских зон?!

На мемориальной стене в Хатыни выбито название д. Домачево Брестского района. Осенью 1942 г. там были уничтожены все воспитанники местного детского дома вместе со своей воспитательницей Пелагеей Грахольской, которая спустя месяц повторила подвиг Януша Корчака, погибшего с воспитанниками детского дома в варшавском гетто.

Среди лагерей смерти, созданных фашистами, были и предназначенные для уничтожения детей, которые раньше содержались в детских домах. В один из таких лагерей, находящийся в литовском городе Алитус, что недалеко от Каунаса, были вывезены дети из Витебской области.

На уничтожение были осуждены многие детские заведения. Одни из них (Семков-Городокский, Полоцкий, Скобровский) были спасены благодаря специальным операциям партизан, другие – усилиями патриотов-воспитателей.

Следует отметить, что книга не претендует на полное раскрытие темы «Дети лихолетья». Нужны исследования о геноциде немецких властей в отношении юных граждан Беларуси, вывозе их в Германию на принудительные работы, в концентрационные лагеря, об использовании малолетних узников в качестве доноров, подопытных для научных экспериментов фашистских эскулапов. Отдельная тема – это судьбы детей еврейской национальности, их массовое уничтожение в гетто, на местах расстрелов еврейского населения, в концентрационных лагерях.

Первые подходы к раскрытию указанной выше темы уже сделаны. Так, в 2005 г. нами была издана книга «Дзеці ліхалецця. Дакументальныя нарысы» (Мінск, 2005. – 416 с.). Некоторые очерки, опубликованные в ней, в настоящем издании опущены, на них последовательно даются ссылки. Автор опирался в своей работе на исследования профессора Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка Е. Г. Андреевой (Дошкольное воспитание в Беларуси в годы Великой Отечественной войны: учеб. пособие. – Минск, 1999. – 87 с.; В те грозные годы // Дошкольное воспитание. – 1975. – № 5. – С. 13–16; Опаленное войной детство // Там же. – 1985. – № 5. – С. 17–18; Подзвіг аба вязку і дабрыні // Польша. – 1984. – № 10. – С. 170–174) и др. Е. Г. Андреева уделила много внимания проблеме эвакуации белорусских детей на восток страны, мужеству и самоотверженности воспитателей, сотрудников детских заведений, органов народного образования, всех тех людей, которые принимали непосредственное участие в спасении юных граждан республики. Про-

фессор исследовала жизнь белорусских детей на новых для них местах, особенности размещения, быта, учебы. Автор отмечает большую помощь местных властей, простых граждан России, республик Средней Азии, оказанную белорусским детям в организации и налаживании их быта и жизни.

Анализ тяжелой работы по эвакуации детей в начале войны провел М. Г. Жилинский в своей статье «Эвакуацыя дзяцей з тэрыторыі Беларусі ў пачатку Вялікай Айчыннай вайны» (Грамадазнаўчыя навукі: метадалогія, праблемы, перспектывы. – Мінск, 2001. – Вып. 1. – С. 42–50).

Большой вклад в изучение судеб детей военного времени внес В. Б. Разин. Ребенком он был отправлен родителями на летний отдых вместе со своим детским садом в поселок Городище. Вывезенный в г. Хвалынский, давший приют сотням белорусских детей, потеряв родителей, он навсегда остался в этом городе, ставшем ему второй родиной. Здесь он вырос, возмужал, стал солдатом, рабочим, майором милиции. После ухода на пенсию нашел свое призвание на литературном поприще. Им написана интереснейшая книга «От Минска до Хвалынска: Дети Белоруссии на земле саратовской: 1941–1945 гг.», вышедшая в свет в издательстве «Саратовский писатель» в 2003 г. В ней В. Б. Разин выступает в качестве историка-исследователя, про следившего как военные, так и послевоенные судьбы детей из его родной Беларуси, эвакуированных в Саратовскую область. Он разыскал в архивах области и впервые опубликовал уникальные документы: справки об эвакуированных детях, акты приема-сдачи воспитанников детских домов, садов, яслей, пионерских лагерей; списки детей-белорусов – узников Лодзинского детского концлагеря, доставленных в 1945 г. в г. Хвалынский; записал многие воспоминания своих братьев по детским учреждениям; собрал редкие фотографии военной поры. Меньше всего В. Б. Разин пишет о себе, хотя ему есть что сказать о своей нелегкой военной жизненной дороге, которую он прошел с достоинством и честью. Книга В. Б. Разина – очень ценный вклад в изучение судеб белорусских детей, увезенных от войны на восток страны.

Судьбе белорусских детей, эвакуированных в г. Хвалынский, в частности жизни хвалынца Д. П. Захарова, который будучи прикованным к постели тяжелым недугом сумел отыскать, собрать и организовать встречу бывших воспитанников детских домов города, посвящена статья В. С. Липского «Салдат і дзеці» (Маладосць. – 1983. – № 9. – С. 153–163).

Интересная и содержательная книга «Свет наших очей» о работе в годы войны Ташкентского детского эвакуационного пункта, через который прошли и юные жители нашей республики, подготовлена А. Алматинской и А. Авдеевой (2-е изд., доп. – Ташкент, 1971. – 171 с.) А. Авдеева, долгое время работавшая начальником эвакуационного пункта, и А. Алматинская собрали материалы из архива Министерства просвещения республик и, письма бывших воспитанников детских учреждений Узбекистана, свои воспоминания и подготовили интересную книгу о той большой работе, которая проводилась в годы войны по приему и размещению детей Ташкентским детским эвакуационным пунктом.

Этой же теме, самоотверженному труду и героизму узбекского народа по спасению детей, эвакуированных в республику, посвящено документальное повествование Г. Марьяновского «Книга судеб», опубликованное на страницах журнала «Звезда Востока» (1976. – № 7. – С. 5–115). Автор подробно и детально рассказал о работе государственных, партийных, комсомольских органов, общественных организаций республики по приему, размещению и жизни прибывших в Узбекистан более чем 100 тысячам детей из разных уголков единой тогда страны. Значительное место в работе Г. Марьяновского отведено простым людям – узбекам, русским, проживавшим тогда в Узбекистане и, несмотря на трудности, взявшим на воспитание сотни эвакуированных детей, заменив многим из них погибших родителей.

Особо значимыми для нас являются воспоминания непосредственных участников тех событий. К сожалению, их очень мало. Обычно такие люди умалчивают о себе. В этой скром-

ности их характер. Они неохотно рассказывают о том, что выпало на их долю, и на трибунах ощущают себя неуютно. На то, по-видимому, есть свои причины. Среди таких редких воспоминаний отметим очерки П. С. Дракиной «Дом дзіцяці» (Работніца і сялянка. – 1946. – № 4–5. – С. 5), П. В. Дыло «Это было в июне сорок первого» (Советская Белоруссия. – 1964. – 2 авг.), Н. А. Королёвой и Я. Г. Марцынкевич (Чучко), которые хранятся в фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны.

Создана также определенная историографическая база по изучению и исследованию жизни и быта детей, которые остались на оккупированной территории Беларуси. Выделим статью ведущего научного сотрудника Бело русского государственного музея истории Великой Отечественной войны Н. А. Яцкевич «Детские дома Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» (Сообщения Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. – Минск, 1999. – Вып. 1. – С. 20–32). В нем впервые на основе архивных материалов сделан анализ состояния детских домов, преимущественно Минска и Минского района, показана политика оккупантов по отношению к детям-сиротам.

Резко и полемично пишет на страницах периодической печати Я. Басин, приводя много ценного материала о жизни и судьбах детей войны на оккупированной врагом территории Беларуси, поднимая вопросы о долге государства перед брошенными и забытыми обществом бывшими узниками – воспитанниками детских приютов.

Отметим коллективную работу А. Д. Зубар, С. С. Садовской, Б. В. Стрельцова «Операция “Звездочка”: Документальная повесть» (Минск, 1966. – 240 с.), книгу В. С. Липского «Подснежники в небе» (Минск, 1977. – 366 с.), посвященные спасению Полоцкого детского дома. Интересный материал, много новых подробностей о жизни этого детского дома, спасении их витебскими партизанами, послевоенной судьбе детей, их встречах привел в своем очерке «Бесстрашные» Л. Сапожников (Юность. – 1983. – № 10. – С. 37–67). Об этой необычной операции белорусских партизан писали и вспоминали В. Е. Лобанок в книге «В боях за Родину» (3-е изд., доп. – Минск, 1964. – 411 с.), Б. Алещенко, В. Барминский, А. Болотов, Ламсадзе, В. Латко, И. Мисуно, И. Тверской, Б. Шнейдман и др.

Большую поисковую работу по воссозданию истории Новоельненского детского приюта провел И. И. Васюкович. В своей работе «Трагедия белорусского “Артека”». (Минск, 1998. – 266 с.) он подробно рассказал о большом гуманистическом подвиге обслуживающего персонала детского приюта, местных жителей-патриотов, подпольщиков и партизан, о трагической судьбе детей Беларуси, России, многих зарубежных стран, которые оказались в начале войны в пионерском лагере или были брошены в этот уголок нашей страны военным ненастьем, установил фамилии десятков воспитанников и воспитателей. О международном лагере в Новоельне писали московские историки и публицисты Ю. Анохин, В. Томин, а также белорусские журналисты И. Заяц, Т. Мижигурская, В. Миколайчук, С. Суковичин, Е. Едловский.

О том, что общество равнодушно к судьбам детей войны, свидетельствуют также следующие книги, вышедшие в свет в столичных и республиканских издательствах Беларуси. Так, с большим интересом общественностью встречена книга бывшего малолетнего узника Дроздов и Острошиц ко го Городка, потом угнанного в Германию Марата Тимофеевича Кузнецова «Это тоже наша история. Национал-социализм глазами малолетнего узника. Исповедь о пережитом» (Могилев, 2004. – 386 с.). Страдания и муки малолетне го узника фашизма показываются автором сквозь призму профессионального осмысления врача-психиатра (кем в послевоенное время стал главный персонаж и автор книги. Довольно редкое в историко-мемуарной литературе авторство). Тем самым М. Т. Кузнецов, как пишет рецензент книги профессор В. К. Коршук, «осветил одно из трагических по следствий Второй миро вой войны – то, что проделывал с психикой малолетних узников национал-социализм. В этом, по сути, и приоритетное достижение отечественной медицинской науки –

существенный фрагмент нашей истории в виде живой иллюстрации того, что несет война мирному населению, не только физически, но и психологически, – уродуя его юные поколения».

В 2008 г. вышли воспоминания братьев Климентия Эдуардовича и Владимира Эдуардовича Соколовских «Детский дом в тылу врага» (Минск, 2008. – 79 с.) о тяжелом, трагическом детстве, проведенном в годы войны в детских домах д. Дрозды и Острошицкого Городка. Ребята проявили себя как юные патриоты, связались с партизанами, выполняя все их поручения, боролись с врагом. Подробно, с большой любовью и теплотой рассказывают братья о своих боевых товарищах, их героизме и патриотизме в годы войны, тяжелом военном детстве.

О своем недолгом пребывании в Минском детском доме № 5 повествует в своей книге «Последний из группы “Джек”»: Документальная повесть» (Минск, 2005. – 136 с.) юный белорусский партизан, впоследствии разведчик группы Генерального штаба Красной Армии Г. В. Юшкевич. Он подробно рассказывает о «работе» так называемых инспекционных комиссий, выявлявших детей еврейской и цыганской национальностей, а также детей партийных, советских работников, военнослужащих, активистов, о проводившихся гитлеровскими и оккупационными властями «чистках» в детских учреждениях республики.

В журнале «Акно» (2003. – № 1. – С. 74–77) опубликованы воспоминания воспитанницы Червенского детского дома Н. А. Красногир (ныне – Куманяевой), ее жизни в детдоме, уgone и непосильной работе в Германии.

Существенно дополнили страницы о жизни детей в Клецком приюте воспоминания Я. Майсюк (ныне – Филоновой) и Р. Гренадер (ныне – Шикуновой, скрывавшейся в детдоме под фамилией Мороз), опубликованные в том же номере журнала (с. 77–86).

Материалы о трагической судьбе детей из санатория «Крынки» Осиповичского района, расстрелянных гитлеровцами в 1942 г., были опубликованы в периодической печати (журналистские расследования В. Хурсика и С. Лицкевич), а также в исследовании В. Киселёва «Параненыя ўспаміны. 3 акупацыйнага жыцця вёскі Дараганава». (Мінск, 2010. – 243 с.).

Трагической судьбе Домачевского детского дома Брестского района, воспитанники которого вместе со своей воспитательницей были расстреляны гитлеровскими извергами, посвящены работы В. Карамзина «Это было в Домачеве: История детдома в письмах, воспоминаниях, документах» (Неман. – 1989. – № 6. – С. 120–128) и А. Волковича «Расстреляны над Бугом...» (Неман. – 2006. – № 5. – С. 145–149).

На страницах журнала «Маладосць» были помещены очерки Я. Ивашина «Пакінутыя сіроты» (1997. – № 12. – С. 213–223) и А. Карлюкевича «“Дзіцячая вёска” ў Скобраўцы» (2003. – № 5. – С. 130–133), в которых рассказывается о трагической судьбе детей Червенского приюта и «Детской деревни» в Скобровке Пуховичского района. Очерки раскрывают еще одну малоизвестную страницу из жизни юных белорусов во время оккупации республики. Эти поиски дополняют газетные статьи В. Овчаренко, А. Валового, Н. Гошки, Г. Чирука.

Большую работу по установлению эвакуированных из Минска детских учреждений провела И. Ю. Воронкова. В своей книге «Минск: лето 1941 – лето 1944» (Минск, 2014. – 334 с.) она подробно исследовала и описала вывоз детей из охваченного пожаром города, привела много новых сведений о героизме и трудностях жизни минчан летом 1941 г.

О положении детей Беларуси в годы оккупации, трагизме их судьбы рассказывается в книге В. Я. Бездель «Дзеці на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944)», вышедшей в Витебске в 2013 г.

Публикации В. Гулидовой и А. Хилимона посвящены Ивьевскому приюту, о котором мы еще недавно ничего не знали.

Следует отметить очерк А. А. Гребенкиной «Долгий путь на Родину», помещенный в книге «Брест непокоренный» (Минск, 2005. – С. 46–54). Автор впервые рассказала обществу о трагической и необычной судьбе детей города.

Определенный материал по интересующей нас теме находится на страницах воспоминаний партизанских командиров. Эти люди были причастны к событиям, о которых идет разговор в данном издании. Отметим документальные очерки П. С. Воробьёва «Имени комсомола» (2-е изд., перераб. и доп. – Минск, 1984. – 240 с.), Р. Н. Мачульского «На огненной земле» (Минск, 1984. – 160 с.), М. С. Прудникова «Неуловимые». (Ярославль, 1964. – 207 с.).

Комиссар партизанской бригады «Штурмовая» И. М. Фёдоров поделился своими воспоминаниями о спасении детей Семковского приюта в статье «Ім вярнулі дзяцінства» (Малодосць. – 1984. – № 4. – С. 154–157). Об этом детском заведении рассказывают В. Буйнический, А. Матусевич, А. Попов, А. Владимиров, А. Шагун.

Трагической судьбе еврейских детей посвящены работы А. Гуревич «Судьбы еврейских детей в годы оккупации» (Евреи Беларуси: История и культура: сб. ст. – Минск, 1998. – Вып. 2. – С. 119–125) и Л. Смиловицкого «Судьба еврейских детей в Белоруссии в годы Холокоста. 1941–1944 гг.» (Евреи Беларуси: История и культура: сб. ст. – Минск, 2000. – Вып. 5. – С. 144–163).

Необходимо отметить книгу В. В. Гойтана «И вечный бой» (Минск, 1989. – 174 с.). Автор, сотрудник Министерства внутренних дел, значительную часть своей жизни посвятил поиску разлученных войной людей, в частности помог найти родных многим детям, которых война и послевоенное время разбросало по всему пространству СССР.

Заканчивая краткий обзор литературы по указанной теме, необходимо отдельно отметить работы С. Алексиевич, особенно книгу «Последние свидетели. Книга недетских рассказов» (М., 1985. – 175 с.), которая не только значительно дополняет то, что мы знаем о военной судьбе детей Беларуси, но и во многом впервые обращает наше внимание на трагическую судьбу юных белорусов, вызывает боль и чувство печали в сердцах людей. Работы С. Алексиевич широко освещались в печати, получили самые высокие оценки и признательность как тех, кто пережил военное лихолетье, так и простых читателей.

Большую работу по воссозданию трагедии жизни белорусских детей, в первую очередь уроженцев Витебской области, провел наш земляк из Городокского района, ныне – москвич, бывший узник гитлеровских концлагерей Леонид Степанович Аникеев. Автор изучил значительное количество архивных материалов, встречался со многими малолетними узниками концлагерей, записывал их воспоминания. Результатом его многолетнего труда стали две книги, обличающие фашизм и его действия (Аникеев Л. С. Тайна фашистских концлагерей. – М., 2005. – 352 с.; Его же. Судите сами... Книга памяти. – М., 2005. – 368 с.)

Близки по содержанию с вышеназванными изданиями работы С. С. Панизника. Он провел поиск детей родного Освейского района, угнанных гитлеровскими захватчиками в Саласпилский концлагерь. «Освейская трагедия: Книга народной памяти» (Минск, 1992. – 173 с.) – это собранные и записанные воспоминания земляков, томившихся в фашистских застенках. На страницах книг С. С. Панизника отображены трагические судьбы детей Беларуси, показана вся суть оккупационного режима, так называемого нового порядка, который нес немецкий фашизм народам мира.

Новым и отрадным явлением в изучении обозначенной темы стал круглый стол (Дети войны: материалы круглого стола «Детские дома в г. Витебске и Витебской области на временно оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», 2005 г. – Витебск, 2007. – 144 с.), который прошел в Витебском областном музее Героя Советского Союза М. Ф. Шмырёва. В его работе приняли участие сотрудники государственных музеев области, а также школьных музеев, архивов, Витебская ассоциация бывших узников фашизма «Лёс», очевидцы тех событий. Подобное научное мероприятие впервые проведено

не только в республике, но и на всем постсоветском пространстве. Участники круглого стола определили темы для дальнейшей научной работы.

Необходимо отметить, что не со всеми материалами по обозначенной теме, точнее, с некоторыми акцентами и мнениями, автор согласен. Так, Якуб Ивашин в интересном и содержательном очерке, который мы уже вспоминали, утверждает: «В глубокий тыл за короткий срок были вывезены целые заводы, многие организации, заведения... Вот только про детские дома тогда почему-то забыли и хватит пальцев на одной руке, чтобы пересчитать детдома, воспитанникам которых посчастливилось выехать на восток. Большинству же из них довелось страдать на захваченной немцами территории» (Маладосць. – 1997. – № 12. – С. 213). Официальная статистика, приводимая на страницах нашей книги, а также исследования автора показывают, что это не совсем верно. На восток было эвакуировано 110 из 190 детских домов. Дело в том, что мы очень мало об этом знаем.

В газете «Комсомольская правда в Белоруссии» (2000. – 17 марта) был помещен очерк собственного корреспондента газеты Александра Хилимона под заглавием «История о военном сиротском доме, организованном немцами в оккупированном Ивье, до нашего времени не вкладывается в проштампованную правду о войне». Автор корреспонденции пишет, что именно «потому о существовании приюта поспешили “забыть” сразу же после войны. Когда и это не помогло, был запущен “слух”, что здесь жили дети полицаяев».

Детский приют в Ивье, к сожалению, не единственный в республике, о котором мы «забыли». Таких насчитывалось на белорусской земле в годы оккупации, как отмечалось раньше, около 50. Ивьевский приют – один из них. А почему мы их забыли – это отдельная тема. В своих очерках мы стараемся дать ответ на данный волнующий нас и сегодня вопрос. Прежде всего потому, что мы в большом долгу перед детьми военной поры.

Только нами установлено 102 детских учреждения, эвакуированных на восток страны, в том числе 39 детских домов, 30 детских садов, 20 пионерских лагерей, 2 яслей-сада, 3 других разнопрофильных детских учреждения, а также 8 других детских заведений, профиль которых пока не установлен.

Сколько детей были узниками фашизма? Только Брестская областная организация общественного объединения «Белорусская ассоциация бывших несовершеннолетних узников» включает 14 тысяч человек.

Таков краткий обзор проделанной работы за послевоенные годы по теме «Дети лихолетья».

Опираясь на уже исследованное и написанное, автор провел собственное расследование по указанной проблеме, которому посвятил более тридцати лет. Это работа в архивах и музеях, но в первую очередь многочисленные поездки, встречи с воспитанниками и их воспитателями, запись воспоминаний-исповедей о событиях лета сорок первого года, жизни в эвакуации и на территории Беларуси в период оккупации и послевоенное время. Очень часто такие беседы-воспоминания заканчивались слезами. Наши собеседники не всегда могли спокойно говорить о том, что им довелось пережить, с обидой рассказывали об отношении официальных властей к их послевоенной жизни – многие имеют тяжелые душевные раны и по дорванное здоровье. Автор вел активную переписку с героями своих рассказов. Данные письма-воспоминания широко использованы на страницах издания и, по сути, составляют содержание книги.

Однако не все удалось найти, изучить и исследовать подробно. О некоторых детских учреждениях, вывезенных на восток и существовавших на оккупированной территории Беларуси, почти нет материалов, поскольку осталось очень мало очевидцев. Наше издание – это попытка привлечь внимание общественности на заданную тему. Автор надеется, что люди, прочитав книгу, откликнутся, особенно та часть населения, о которой идет здесь речь.

Нужно учитывать, что в материалах-воспоминаниях имеются некоторые противоречия, неточности. Но главное заключается не в этом. В памяти людей, в первую очередь детей, сохранилось то, что их больше всего потрясло, будто сфотографировалось, отозвалось в сердцах и душах. К тому же дети воспринимали многие события иначе, чем взрослые.

Напомним, книга носит строго документальный характер: все, о чем в ней рассказано, каким бы трагическим, невероятным это не казалось, происходило в реальности. Требуются дальнейшие поиски, с которыми необходимо торопиться. Впереди большая целенаправленная и кропотливая работа. Время уходит...

Эшелоны шли на восток

С позиции сегодняшнего дня легко судить о том, все ли было сделано, чтобы вывезти детей из охваченных войной районов. По-видимому, можно было бы сделать больше...

Надо, однако, иметь в виду, что Беларусь оказалась на направлении главного удара гитлеровского вермахта и ее территория стала ареной жестоких кровопролитных боев. О положении, сложившемся летом сорок первого года на белорусской земле, сейчас хорошо известно из исторической литературы, в которой исследовались причины трагедии первых месяцев войны. Нет необходимости подробно об этом писать, да мы и не ставим такую задачу. Подчеркнем, что западные области республики были оккупированы врагом за считанные дни и часы. На проведение эвакуационных работ времени и возможностей почти не было. К тому же налеты гитлеровской авиации мешали организованно осуществлять эвакуацию. Уже 24 июня Минск был подвергнут разрушительной бомбардировке, которая без перерыва продолжалась до 28 июня – дня полной оккупации города. Минск лежал в руинах, что не позволило вывезти из него все детские учреждения. Необходимо учитывать и такой субъективный фактор, как неверие некоторых людей и руководителей республики в быстрый захват врагом территории Беларуси. В условиях тоталитарной системы руководство БССР не могло взять на себя ответственность самостоятельно объявить эвакуацию. При этом у руководства республики, да и не только у него, была уверенность, что Красная Армия быстро начнет контрнаступление и освободит временно оккупированные районы. Идеологический тезис о непобедимости Красной Армии, что существовал в предвоенные годы, не позволил вовремя принять решение, адекватное развитию ситуации. Те, кто в этот сложный для страны период понимал, что время терять нельзя, а нужно начинать эвакуацию, объявлялись паникерами или, еще хуже, предателями. 23 июня ЦК КП(б)Б и СНК БССР приняли решение об эвакуации в двухдневный срок детей дошкольного и младшего школьного возраста из всех городов, которые подверглись бомбардировке. Что касается эвакуации минских детей, то речь в то время велась только о вывозе их за черту города. Бывший директор школы № 6 г. Минска Константин Иосифович Король вспоминает, что 23 июня он был направлен Минским областным отделом народного образования в Червень для организации приема

детей из детских садов и яслей Минска. Но вывоз был сорван из-за того, что на второй день началась бомбардировка города немецкой авиацией¹.

Положение с эвакуацией дошкольных и школьных учреждений Минска усложнялось тем, что многие из них находились в это время в загородных зонах, далеко от города и железной дороги.

Минская подпольщица Мария Романовна Ивановская вспоминает: «Работниц минской фабрики “Коммунарка” не выпускали за ворота фабрики 2 дня. У многих дети находились в пионерском лагере “Стайки”. Когда началась интенсивная бомбардировка города, многие женщины, несмотря на охрану и запрет военного времени, бросились за детьми. Транспорта для матерей не нашлось. Добежали под бомбами к лагерю, но детей там не нашли»². Представьте себе, что делалось в этот момент в сердцах матерей.

В первые же дни войны группу детей пограничников из г. Замброва (Белостокская область) вывез секретарь ЦК ЛКСМБ М. В. Зимянин, находившийся там в служебной командировке. Детей определили в минскую школу № 30. С помощью военного коменданта старшая пионерважата Анна Николаевна Немогай 26 июня 1941 г. эвакуировала детей в станицу Котовская Сталинградской области³.

Большой героизм и преданность проявили в первые дни войны сотрудники детских учреждений. Очень часто, не ожидая «команд», распоряжений и помощи, они действовали сами, спасали детей на свой страх и риск, руководствуясь чувством ответственности и душевным порывом. Это благодаря им были спасены тысячи детей, в первую очередь из западных и цен тральных областей Беларуси.

Для спасения детей и населения, несмотря на все трудности военной поры, делалось многое. Более организованно началась эвакуация населения после создания при СНК БССР 25 июня Республиканской эвакуационной комиссии. В ее состав вошли пять человек, в том числе председатель СНК И. С. Былинский. Кроме того, в областных и районных центрах на крупных транспортных узлах работали эвакуационные тройки, которые создавались из числа сотрудников советских хозяйственных органов и представителей охраны общественного порядка.

В местах наибольшей концентрации людей, а также на крупных железнодорожных узлах (Орша, Витебск, Могилев, Полоцк, Гомель и др.) было организовано 24 эвакуационных пункта. Там проводилась, насколько это было возможным, медицинское обслуживание, оказывалась помощь деньгами, продуктами питания, обувью, одеждой. На эти нужды правительство республики в централизованном порядке выделило три миллиона рублей. Одновременно СНК БССР обязал исполкомы областных и районных Советов депутатов трудящихся выделить из местных бюджетов дополнительные средства для субсидирования населения, которое отправлялось на восток.

В западных районах РСФСР, пограничных с БССР, было создано до десяти контрольно-пропускных пунктов по эвакуации, где постоянно дежурили уполномоченные СНК БССР. Они организовывали помощь беженцам, которые прибывали из Беларуси, осуществляли их отправку в дальние тыловые районы страны. Один из таких пунктов, о котором вспоминают многие дети, был создан в Москве женщинами-белорусками, эвакуированными из республики. Они считали своим долгом помочь детям, которые направлялись на восток, в первую очередь в Мордовию. Прежде всего женщины, а среди них были жены ответственных работников, провели сбор средств. Было собрано 16 450 рублей. Для детей во время

¹ Жылінскі, М. Г. Эвакуацыя дзяцей з тэрыторыі Беларусі ў пачатку Вялікай Айчыннай вайны / М. Г. Жылінскі // Грамадазнаўчыя навукі: метадалогія, праблемы, перспектывы. – Мінск, 2001. – Вып. 1. – С. 44.

² Купрэева, Г. Пакінуты народ / Г. Купрэева // Беларуская мінуўшчына. – 1993. – № 2. – С. 47.

³ Шли девчонки по войне. Книга воспоминаний. – Минск, 2005. – С. 166.

остановки в Москве они организовывали обеды, покупали продукты на дорогу, обеспечивали теплыми вещами. Все дети получали шерстяные свитера, теплое белье, носки, чулки, платья. Если позволяло время, знакомили детей с Москвой, водили в кино⁴.

Для решения проблем по размещению эвакуированных на новых местах СНК БССР направил своих представителей в Куйбышевскую, Ульяновскую, Свердловскую, Тамбовскую, Пензенскую, Саратовскую и другие области РСФСР. Они, как могли, поддерживали детей и население Беларуси, направлявшихся в советский тыл, оказывали необходимую помощь, указывали маршруты движения⁵. Но далеко не все делалось организованно. Многие эвакуируемые, в том числе дети, как это видно из их воспоминаний, часто ощущали недостаток в питании и медицинском обслуживании. Перегрузка железных дорог, бомбежки в начале пути, приоритет перевозки воинских частей заставляли гражданские эшелоны, двигавшиеся на восток страны, добираться к месту назначения, о котором они часто и не знали, на протяжении недель. В пути не всегда было организовано питание, необходимое обслуживание. Это ставило детей и сопровождающий их персонал в чрезвычайно трудные, порой трагические условия. Но благодаря верности своему долгу, необычайной любви к детям, патриотизму сотрудники детских учреждений смогли вывезти в тыловые районы сотни юных граждан Беларуси.

Часто в спасении детей принимали участие простые граждане республики, случайно оказавшиеся в эти трагические дни рядом. Они не могли пройти мимо детского горя, страданий, смерти. И. Ковальчук, проживавший после войны в г. Могилеве, свидетельствовал:

«Война застала меня в городе Белостоке. На город внезапно налетели немецкие самолеты, и началась бомбежка. Так повторялось через каждые 15–20 минут. Город был охвачен пожаром. Потеряв в суматохе свою семью, я оставил город. Фашистские самолеты преследовали беженцев и днем и ночью, поливая все вокруг из пулеметов. Утром 25 июня на шоссе в районе города Волковыска создалось скопление автомашин и людей. Налетевшие фашистские стервятники несколько часов бомбили дорогу. Очень много людей было убито и ранено. В зарослях возле дороги среди трупов погибших женщин я увидел около 40 живых маленьких детей в возрасте примерно 2–4 года с распухшими от крика лицами. Я бросился спасать их. Остановил на дороге две грузовые машины (чьи они были, я не знаю), погрузил туда малышей.

В первых числах июля после тяжелого и опасного пути я привез и сдал детей в один из детских домов Могилева. Думаю, что их удалось эвакуировать и дети остались живыми»⁶.

Хотелось бы и нам в это поверить.

Не обходилось без жертв и тяжелых потерь. Так, при попытке вывести детей к ближайшей железнодорожной станции и вывезти их в советский тыл попал под массированный удар вражеской авиации коллектив минского детского сада № 52, размещавшегося в пригороде Минска – Уручье. Дети и их воспитатели, по некоторым сведениям, погибли. Такая судьба постигла и детей пионерского лагеря Управления шоссейных дорог, располагавшегося в пригороде Минска. Несли потери дети и во время продвижения на восток, особенно в начале пути. С особыми трудностями сталкивались руководители детских учреждений, находившихся западнее Минска: им приходилось, в полном смысле слова, «прорываться»

⁴ Панамарэнка, В. Клопаты аб дзецях-сіротах / В. Панамарэнка // Работніца і сялян ка. – 1946. – № 2. – С. 10.

⁵ Павлов, Я. С. В суровом сорок первом / Я. С. Павлов. – Минск, 1985. – С. 110.

⁶ Кавальчук, І. Кім вы сталі, малышы? / І. Кавальчук // Магілёўская праўда. – 1975. – 30 крас.

через охваченный сплошным морем огня Минск, который начиная с 23 июня подвергался непрерывным налетам и бомбардировке немецкой авиации.

Эвакуация детей часто проходила в два этапа. В июне – августе часть детей была вывезена в восточные районы республики, еще не оккупированные врагом. К железнодорожным станциям в Орше, Гомеле, Витебске, Новобелице, Калинковичах стекались машины и подводы с детьми. Оттуда в пассажирских и товарных вагонах их отправляли дальше, на восток. Однако в условиях постоянных бомбардировок, боевых действий во время эвакуации возникали непредвиденные обстоятельства. Ее проведение усложнялось недостаточной организованностью, малым количеством транспортных средств, слабой медицинской базой на эвакуационных пунктах.

Некоторые детские учреждения, уже будучи на территории России или Украины, вынуждены были повторно менять местонахождение. Так, один из минских детских садов вначале был эвакуирован в Калужскую область. При приближении врага детский сад вновь снялся со своего нового места пребывания и был направлен далее на восток, в Пензенскую область. Дважды переезжал и Улуковский детский дом Гомельского района: из Донбасса в Кемеровскую область. Дважды был в пути Рогачевский детский дом и некоторые другие.

Упорное сопротивление советских войск позволило эвакуировать из восточных районов Беларуси большее число детей, чем из западных. Незначительное количество детских учреждений, эвакуированных из западных областей республики, объясняется и тем, что эти области менее двух лет на ходились в составе БССР и там не была создана столь широкая сеть детских заведений – садов, яслей, пионерских лагерей, детских домов, как в центральной и восточной частях страны.

Огромная работа была проведена в Гомельской области. Руководство Гомельского горисполкома докладывало, что с 3 по 11 июля через Гомель из западных областей прошло 445 вагонов с детьми из детских домов, садов, яслей и пионерских лагерей⁷. Для руководства эвакуационными действиями в городе был создан штаб во главе с заместителем председателя облисполкома М. Я. Карасиком. Целенаправленную работу в этом направлении вели комсомольские организации, которые помогали отправлять на восток детей. В городе был сформирован специальный комсомольский отряд, который сопровождал эвакуированных детей до Воронежа⁸.

Благодаря усилиям партийного и государственного руководства в Гомеле эвакуация детей проводилась в большей степени организованно. Так, по свидетельству жителей, еще за три дня до оккупации города по улицам патрулировали сотрудники милиции и предупреждали лиц, имеющих детей до шестнадцати лет, о необходимости эвакуации⁹.

Кроме объективных причин, связанных с развитием военных действий на территории Беларуси и повлиявших на эвакуацию детей, были и субъективные факторы, наложившие свой отпечаток на спасение детских учреждений. Нередко руководители детских домов, пионерских лагерей, детских садов, дети которых были вывезены для оздоровления на лето в загородные зоны, не могли самостоятельно принять решение об эвакуации, опасаясь ответственности за панику, ожидая распоряжений и директив «свыше». А их зачастую не было. Когда же становилось очевидным, что такие команды не поступят и необходимо срочно спасать детей, время было упущено. Руководители некоторых детских учреждений не отдавали детей приехавшим за ними родителям, уверяя последних, что дети будут вывезены на восток страны организованно. А это случалось не всегда. Тоталитарная система, жесткий центра-

⁷ Жылінскі, М. Г. Эвакуацыя дзяцей з тэрыторыі Беларусі ў пачатку Вялікай Айчыннай вайны. – С. 47.

⁸ Стрижак, Т. Н. Всегда с народом / Т. Н. Стрижак // В труде и в бою. Воспоминания ветеранов комсомола. – Минск, 1970. – С. 105.

⁹ Партизанская криничка / С. Антонов [и др.]. – Минск, 1972. – С. 5–10.

лизм, привычка жить по указаниям начальства, опасаясь за свою судьбу – как бы чего не вышло, – сыграли отрицательную роль в спасении детей от ужасов войны.

Были случаи, когда руководство детских учреждений в экстремальных ситуациях бросало своих воспитанников на произвол судьбы, заявляя: «Спасайтесь сами».

Основная ответственность за эвакуацию легла на директоров – заведующих пионерскими лагерями, детскими садами, яслями, детскими домами. Организованного вывоза детей из районов западнее Минска в документах и воспоминаниях почти не прослеживается. Необходимо иметь в виду, что детских заведений в западных районах Беларуси было намного меньше, чем в центральных и восточных областях республики. Важно подчеркнуть, что вожатыми в пионерских лагерях, яслях, других детских учреждениях, вывезенных из городов на оздоровление в сельскую местность на лето, как правило, работали студенты или старшеклассники городских школ, поскольку весь основной штатный персонал на лето уходил в отпуск. На плечи небольшого постоянного состава и их юных помощников легла основная тяжесть по спасению жизней детей. С особыми трудностями встретились воспитатели детских яслей. Если воспитанники детских домов и пионерских лагерей были постарше, то в яслях находились дети совсем маленького возраста, за которыми требовался совершенно иной уход.

Эвакуация детей из Беларуси, а именно то, что было сделано в первые недели грозного сорок первого, – это действительно величайшее проявление героизма сотрудников детских учреждений, педагогов, врачей и представителей многих других профессий. Но у нас пока недостаточно сведений о некоторых детских учреждениях и людях, спасавших детей. Требуется дальнейший поиск.

На гостеприимной земле сестер и братьев

На узловых железнодорожных станциях многих крупных городов России с первых дней войны активно работали эвакуационные пункты, выполнявшие задачу по приему и размещению эвакуированных граждан, учреждений и промышленных предприятий. На таких пунктах круглосуточно находились представители государственных учреждений и медицинские работники.

Война разбросала детей из Беларуси по многим регионам страны. Наибольшее количество детских учреждений было вывезено и размещено в РСФСР. Детские коллективы нашли приют на Алтае, во Владимирской, Волгоградской, Вологодской, Ивановской, Калужской, Кемеровской, Курганской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Челябинской областях, в Мордовии, Удмуртии, Татарии, Чувашии. Война забросила детей из родных мест в далекие Казахстан и Узбекистан.

Делалось все, чтобы создать для детей, эвакуированных на восток, надлежащие условия жизни. Под детские дома, сады, ясли отводились лучшие здания – школы, клубы, санатории, дома отдыха и т. д. Многие из них пришлось расширять, в результате чего появлялась возможность размещать большее количество детей. Вывезенные на восток СССР белорусские дети находились на полном государственном обеспечении. На человека в день по нормам РСФСР выделялось 2 рубля 75 копеек. Руководство республики неоднократно посылало своих представителей в те регионы, где находились эвакуированные из Беларуси детские учреждения. Представители знакомились с условиями жизни детей, привозили подарки и детскую литературу. В отчетах подчеркивалось, что условия жизни, питания белорусских детей в основном удовлетворительные. Трудности были с обеспечением обувью и постельными принадлежностями, но постепенно и они преодолевались, детям отдавали все лучшее. Данные мероприятия требовали немалых материальных и финансовых затрат. Советская власть не жалела денежных средств на содержание дошкольных заведений. В январе 1942 г. Совет Народных Комиссаров принял специальное постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». Этим документом СНК обязал местные органы советской власти, заводы, фабрики, колхозы проявлять максимум внимания и заботы о детях, повсеместно

открывать детские дома, сады-интернаты, приемники-распределители и другие учреждения закрытого типа. Государство поддерживало тех граждан, которые брали детей на воспитание или выражали желание осуществлять опеку или патронаж над ними.

Таким людям местные органы Наркомпроса должны были оказывать ежемесячную денежную помощь в размере 50 рублей на одного ребенка, для них были предусмотрены и другие льготы.

Представители правительства Беларуси часто посещали детские учреждения, в которых находились дети из республики. Неоднократно выезжала в специальные командировки Нарком просвещения Беларуси Е. И. Уралова, начальник управления Наркомпроса С. Я. Кунявский и другие. Они изучали положение детей в различных регионах, оказывали необходимую помощь.

Активное участие в создании детских учреждений для эвакуированных детей оказали женщины-активистки Кировской области, добрый почин которых нашел поддержку по всей стране. В период массовой эвакуации детей из прифронтовой полосы в Кировске прошло расширенное областное совещание женского актива по вопросам оказания неотложной общественной по мощи эвакуированным детям. Нарком просвещения РСФСР В. П. Потемкин в своем выступлении отметил, что забота о детях в дни войны является высоким патриотическим долгом, что в этом важном деле должна в широких и действенных формах проявляться инициатива женщин-патриоток. На его призыв горячо отозвались тысячи советских женщин.

Поддержку кировских активисток ощутили и белорусские дети. На Ура ле, в Алтае, Сибири, Казахстане, Узбекистане дети были окружены постоянным вниманием и заботой местных властей и жителей.

Многие крупные промышленные предприятия, колхозы, высшие учебные заведения Саратова, Самары, Нижнего Новгорода, Ташкента, Ашха ба да, Кустаная и других городов страны по своей инициативе брали на полное содержание и воспитание тех детей, которых на новых местах по разным причинам невозможно было разместить в детские дома или сады-интернаты. «Завод – отец, фабрика – мать», – так называли эти предприятия. Одними из первых взяли на себя такую необычную функцию Самарские сахарный и шарикоподшипниковый заводы. Строители этих предприятий срочно переоборудовали под детские сады-интернаты освобожденные помещения, а женщины-активистки организовали прачечную, баню, мастерскую по ремонту и пошиву белья, одежды, заготовке топлива и продуктов питания. В дальнейшем эти дошкольные учреждения стали одними из лучших в области как по благоустройству, так и по качеству воспитательной работы.

Вот как был организован прием детей в Узбекистане, куда направлялись и дети Беларуси.

В Узбекистан в годы войны были эвакуированы более миллиона человек. Особую заботу местные комсомольские и партийные органы проявляли о детях. В октябре 1941 г. по решению ЦК Компартии Узбекистана и СНК республики был организован Центральный детский эвакуационный пункт (ЦДЭП). В его регистрационном журнале отмечается, что с 25 ноября 1941 по 1 июля 1943 г. в Узбекистан прибыли тысячи детей из разных областей СССР, в том числе дети из Беларуси. Узбеки сделали все, что от них зависело, чтобы ребята были здоровыми и образованными. За ними был установлен хороший уход. Правительство республики вы деляло на каждого ребенка 866 рублей, что на 388 рублей больше, чем расходовалось

до войны¹⁰. Одним из сотрудников ЦДЭП работала эвакуированная из Минска библиотечка Софья Айзиковна Гурвич.

Первым начальником эвакуопункта была назначена Наталья Павловна Крафт.

Условия работы были трудные, напряженные. Сотрудникам пункта приходилось работать, не считаясь со временем, не думая об отдыхе. Согласно воспоминаниям работников, первоначально помещение для детского эвакуопункта отвели на вокзале. Оно состояло из большого «приемного зала» – довольно темной комнаты с каменным полом. Кроме деревянных скамеек и стола, в ней ничего не было. Здесь обычно собирались дети до санобработки. В этой же комнате стоял столик, за которым сидел дежурный преподаватель. Он регистрировал прибывающих. Дверь из комнаты вела в длинный узкий коридор. Первая комната направо сначала была канцелярией эвакуопункта, а потом сотрудники сумели сделать ее спальней для детей, прошедших санобработку. В уютной обстановке на чистых простынях и подушках впервые в тишине и покое ребята засыпали, забыв грохот и ужасы войны.

По воспоминаниям А. И. Авдеевой, долгое время проработавшей начальником Центрального детского эвакуопункта в Ташкенте, создавать чистоту и уют помогали общественницы города, постоянно посещавшие эвакуопункт. Большое дело делали эти женщины. Благодаря их бескорыстному труду ребята попадали в теплую, дружественную обстановку.

Контингент прибывающих ребят был самым разнообразным по возрасту, состоянию здоровья. Задача эвакуопункта состояла в том, чтобы за двое суток ознакомиться с физическим и психическим развитием каждого ребенка и определить, куда его направлять: в детский дом или больницу либо устроить на работу. А. И. Авдеева вспоминала:

«Самое тяжелое впечатление производили дети-инвалиды. К нам попадали раненые, обожженные, контуженные, слепые дети. Эти жертвы гитлеровского вторжения всем своим видом и душевным надрывом потрясали нас. Их мы отправляли в детские инвалидные дома. Но общение с ними надолго выводило из равновесия. Страдания этих детей вызывали у нас прилив ненависти к жестокому врагу, заставляли еще напряженнее работать, чтобы приблизить час победы».

В это тяжелое время на помощь сотрудникам детского эвакуопункта приходили руководящие работники республики. Много внимания прибывшим ребятам уделял член Республиканской комиссии помощи эвакуированным детям (была создана в Узбекистане и такая комиссия) всеузбекский староста Юлдаш-ака Ахунбабаев. Всегда спокойный, доброжелательный, отзывчивый, он внимательно выслушивал сотрудников ЦДЭП и немедленно принимал меры по оказанию помощи. Значительную поддержку оказывали эвакуированным детям и другие члены Республиканской комиссии – Е. И. Пешкова (жена М. Горького), Иванова (жена писателя Вс. В. Иванова).

¹⁰ Фазылходжаев, К. Ф. Боевое содружество украинского и узбекского народов в годы Великой Отечественной войны / К. Ф. Фазылходжаев // Во главе нерушимого братства: Ком мунистическая партия – вдохновитель и организатор боевого и трудового сотрудничества народов СССР в ходе освобождения Советской Украины от немецко-фашистских захватчиков: материалы респ. науч. конф., 29 окт. 1984 г. – Киев, 1985. – С. 126.

«С питанием у нас было хорошо, – вспоминает А. И. Авдеева. – Обеды готовили на своей кухне, а когда эшелон шел через Ташкент, мы организовывали обед прямо в зале вокзала.

Хуже было с одеждой, трудно было на такую массу детей срочно заготовить все необходимое. Приходилось самим изобретать, находить способы защищать ребят от холода. И выходили из положения. Когда нам выдали кошмы, мы решили пошить из них ребятам бурки. Другой раз получили шестьсот вязаных шарфов. Из них сами сшили свитера, шапки.

...Были у нас утраты, они тяжелым камнем ложились на сердце. Му чительно терять товарищей, стоящих с тобой рядом, плечом к плечу в трудной повседневной борьбе за жизнь детей. Десятилетиями не заживает такая рана. В дружном коллективе Центрального эвакуопункта только с декабря 1942 г. по март 1943 г. из тринадцати человек переболели тифом восемь. Из них умерли трое. До сих пор, как живая, стоит перед глазами наша любимица, воспитательница Валя Муштакова. Восемнадцать месяцев, не покладая рук, изо дня в день самоотверженно работала двадцатилетняя красавица Валя. Иногда приходилось работать по три – четыре дня без отдыха. Но она не сдавалась, казалось, для нее не было ничего невозможного. Надо ли добиться санобработки детей вне очереди или устроить на работу подростков – все Валя делала быстро, без осложнений. Дети очень любили ее – она умела подойти к каждому из них. И вот... Не стало нашей Вали. Сыпной тиф скопил ее в течение шести дней. Угасла молодая, яркая жизнь.

Суровым январским днем мы провожали эту чудесную девушку в последний путь. Безутешно рыдала мать, горько плакали многочисленные подруги и друзья Вали.

Вскоре сыпняк унес жизнь Любы Гукасьян. Скромная, молчаливая, незаметная, она делала большое трудное дело – была завхозом эвакуопункта. С раннего утра до поздней ночи на ногах. В мороз, в ненастье, в любой день надо было добиваться бесперебойного снабжения детей продовольствием и обмундированием. Трудный участок работы, особенно в военное время. Но эта миниатюрная женщина отлично справлялась со своими обязанностями. Ласково и любовно одевала она прибывших ребят. Снимала лохмотья, подбирала по росту одежду, а если надо было, то и ушьет, выпустит ивы. И все делала с шуткой, как будто не было трудностей. А как она бережно хранила детское продовольствие! Конфетки к чаю никто у нее не выпросит без наряда. – Детям это! Поймите!

Долго не могли мы забыть и нашего дядю Алёшу, сторожа эвакуопункта, да и был ли он только сторожем? Ездил он с Гукасьян за продуктами, ходил в разноску с пакетами по учреждениям, а поздним вечером, окруженный малышами, он рассказывал им сказки. Или вскипятит большой чайник, поставит посредине зала и угощает только что прибывших с эшелонам голодных озябших ребят горячим чаем. Вот таким был Алексей Курбатов, скромный, застенчивый и очень отзывчивый человек»¹¹.

¹¹ Марьяновский, Г. Ташкентский вокзал / Г. Марьяновский // Дети военной поры. – 2-е изд., доп. – М., 1988. – С. 23–32; Алмагинская, А. Свет наших огней / А. Алмагинская, А. Авдеева. – 2-е изд., доп. – Ташкент, 1971. – С. 5–7, 9–11.

Вот так жил и работал в годы войны коллектив Ташкентского детского эвакуприемника, отдавая все силы спасению детей, заброшенных войной в далекий Узбекистан. Также самоотверженно трудились сотрудники всех без исключения организаций и заведений, связанных с приемом, размещением и воспитанием детей, прибывших с военного запада.

Оказавшись далеко от родных мест, вывезенные в спешке, под обстрелом вражеской авиации дети прибывали в места эвакуации без самого необходимого для жизни в новых для них условиях. Не было одежды, питания, медицинского обслуживания. Так, Бавлинский райком ВКП(б) 21 августа 1941 г. сообщал секретарю Татарского обкома партии о тяжелом положении эвакуированного населения, прибывшего в район. Среди них был 261 ребенок из Беларуси. У детей не было одежды, обуви, район не имел возможности обеспечить прибывших необходимым питанием¹².

Но постепенно трудности преодолевались благодаря вниманию партийных и советских органов, заботе об эвакуированных простых советских людей.

Наибольшее количество детей из Беларуси были вывезены в Саратовскую область и нашли там себе вторую родину. Так, на железнодорожных станциях Саратова, Вольска, Балашова и Ртищево юных белорусов ждали представители органов народного образования, детских учреждений. Эшелоны встречали не только работники эвакупунктов, но и простые саратовцы, чаще всего женщины. Нередко они уводили детей в свои дома, не обращая внимания на то, какой национальности ребенок: белорус, украинец, еврей. Вот она, исконно русская душа, в полной мере проявившая себя в лютую годину.

Чаще всего эвакуированных детей принимали на эвакупункте при железнодорожном вокзале станции Саратов-1.

Маленьких беглецов от войны принимали по-братски, без задержек распределяли по детским домам городов и сел области. Раненым и больным, а таких, к сожалению, было немало, оказывали необходимую срочную медицинскую помощь. Тяжелораненых и больных, а в ряде случаев и чрезмерно истощенных направляли в детские больницы.

Город Хвалынский, в котором до войны проживали 16 тысяч человек, в годы военного лихолетья дал приют и хлеб 10 тысячам детей, эвакуированным из разных районов страны, оккупированных гитлеровскими войсками. Только Саратовским областным отделом народного просвещения по состоянию на 10 августа 1941 г. в хвалынские детские дома были направлены 487 эвакуированных из Беларуси детей.

Несмотря на то что население городка значительно увеличилось, его жители не только с пониманием создавшихся условий военного времени, но и с искренним радушием встречали беженцев из Беларуси, забирали их в свои дома, делились порой последним куском хлеба.

Все санатории и дома отдыха «Черемшаны» – первый, второй, третий, а также «Просвещенец» были переполнены. В городе был создан детский дом № 1, который в народе называли «Минским», так как он был полностью укомплектован учениками минских школ, эвакуированными из пригорода Минска – Ратомки. В его распоряжение было отдано шесть зданий, находившихся в добротном состоянии. «Минским» называли также детский дом № 7 того же Хвалынска. Он был создан в июле 1941 г. для детей, эвакуированных из пригородов Минска – Ратомки, Городища и воспитанников детских садов № 7, 20, 38 и 65 г. Минска. В акте от 19 июля 1941 г. «О состоянии дел в новом детском доме № 7 гор. Хвалынска» отмечается, что «списочный состав детей – 224 человека, из них в наличии – 219 человек и 5 человек – на лечении в Хвалынской горбольнице». А поступление детей все еще продолжалось.

¹² Белорусы в советском тылу. Июнь 1941 г. – 1944 г.: сб. док. и материалов. – Минск, 2010. – Вып. 1: Июнь 1941 г. – 1944 г. – С. 16.

Многие дети прибывали в советский тыл самостоятельно, без взрослых. Случалось, что в дороге воспитатели, другие сопровождающие погибали во время многочисленных бомбежек, терялись в трудных условиях эвакуации. Часто в числе беженцев находились добровольцы, в основном девушки и молодые женщины, которые собирали детей на дорогах войны и доставляли на эвакуопункты. Так, В. Б. Разин приводит факты, найденные им в архивах г. Саратова, что в область прибыли из г. Ба рановичи – 11 подростков без сопровождения; из Белостока – 51 подросток без сопровождения; Бреста – 5 подростков без сопровождения; Ви тебска – 23 ребенка в возрасте от 2 до 14 лет без сопровождения; Орши – 3 подростка без сопровождения; Гомеля – 4 воспитанника детдома без сопровождения; Жлобина – 2 ребенка без сопровождения; Гродно – 4 подростка без сопровождения; Лиды – 1 ребенок, шестилетняя девочка без сопровождения; западных областей Беларуси – 49 человек от 6 до 14 лет без сопровождения; Минска – 440 человек, дети разных возрастов без сопровождения (в том числе из детсада № 8 – 1 человек; детсада № 27 – 5 человек; детсада № 30 – 4 человека; детсада № 33 – 1 человек; детсада № 47 – 2 человека; детсада № 53 – 2 человека; детсада № 86 – 1 человек, детсада № 92 – 3 человека; яслей-сада № 3 – 2 человека); г. Могилева – 135 человек от 2 до 14 лет без сопровождения; г. Кричева – 87 человек от 6 до 14 лет без сопровождения.

Сейчас трудно представить, как дети в таком возрасте, в условиях страшной войны одни смогли добраться в далекий от родной земли край. Конечно, в пути им помогали взрослые, случайные пассажиры поддерживали, как могли... Но тем не менее...

Разин Владимир Борисович – минчанин, воспитанник детского дома, житель г. Саратова:

– Это – жутко, но вот такое-о... не передать словами и не представить даже во сне: из ДЕВЯТИ (!) детских садов, добравшихся до земли саратовской из Минска, – оказалось всего лишь от ОДНОГО (!) до ПЯТИ (!) детей, и – без сопровождения (!).

Господи-и! Сколько же из миллионов детей, устремившихся в бегство из Беларуси, не добрались до приютов?..¹³

Вот еще одно страшное свидетельство.

Березина Г. И. – в 1941 г. старшая пионервожатая Саратовского детского дома № 1 «Красный городок», участвовала в приеме эвакуированных детей:

– Особо запомнился такой случай. Было это к вечеру одного из июльских дней сорок первого. Раскрылись ворота и въехала машина – трехтонка с фанерной будкой в кузове. От одного вида машины не по себе стало: пробоины кругом, наверное, не менее сотни. Но еще страшнее, когда начали снимать ребятишек двух-трехлеток. Было их человек двенадцать. У одной девочки, которой мы позже дали фамилию «Неизвестная» (сама она фамилии не могла назвать, и в этом ей никто из новобранцев не помог), была рана на голове. Раненых еще было четверо. Все малыши были истощены.

В столовой шофер поведал историю, которую я слушала со слезами на глазах и от первого до последнего слова запомнила на всю жизнь.

– Наша воинская часть, – рассказывал солдат, – стояла под Витебском. Немцы так наперли, что пришлось отступить. Но мы знали, что там остался Дом ребенка. Собрались с силой и выбили фашистов. Шастаем глазами и не видим детворы. Стали искать. Малышки попрятались кто где: в дровах, сараях, чуланах, под кроватями... Собрали человек тридцать. Нашлась и воспитательница, девушка лет двадцати двух, которая тоже пряталась: оказалась под кроватью.

Командир распорядился откомандировать меня в тыл, доставить детей и вернуться.

¹³ Разин, В. Б. От Минска до Хвалынска: Дети Белоруссии на земле саратовской: 1941–1945 гг. / В. Б. Разин. – Саратов, 2003. – С. 36.

В машину набросали соломы, кое-как наспех покормили детей и воспитательницу, дали сухарей – и в путь. «Путь» – это легко сказать, что не километр – дорога в неизвестное. Сами видите... Приходилось и с самолетами «играть в кошки-мышки», и маскироваться. Ночами было легче.

После обстрелов останавливался и проверял состояние «дел»: убитых – снимал, раненым – лишь сочувствовал, не было ни бинтов, ни лекарств. Погибла воспитательница, и из тридцати малышей доставил лишь двенадцать.

Слава богу, хоть меня не задело, а то бы и этих негде было искать.

...И он, солдат, закончив рассказ, вдруг вскрикнул, заревел по-бабьи...¹⁴

В одном из документов, хранящихся в архиве Саратовской области, указывается, что Балаковским школьным детским домом № 1 приняты без путевок облоно:

«Буров Николай Васильевич – 1929 г. р. из д. Романы Белостокской области. Отец мальчика в Красной Армии, мать потерялась в дороге; Куличенко Анастасия Васильевна – 1929 г. р. из г. Барановичи. Отец девочки в Красной Армии, мать убита при обстреле эшелона; Умнов Николай Иосифович – 1930 г. р. из г. Минска. Родители мальчика в Красной Армии; Кульков Алексей Петрович – 10 лет и его брат Валентин Петрович – 8 лет из пос. Сморгонь (ныне Гродненская область. – В. П.) Отец братьев в Красной Армии, мать потерялась в дороге».

Вот еще один документ – «Выписка из сопроводительной записки эвакуационного пункта при железнодорожной станции Смоленск». В нем указывается, что «в Саратов направляются раненные при обстреле Смоленского железнодорожного узла, эвакуированные из Белоруссии подростки: Маковская Надежда Степановна – 10 лет, потеряла мать в пути; Горельник Леонид Михайлович – 7 лет, сопровождающие погибли; Михетко Леонид Евгеньевич – 12 лет, мать убита при обстреле эшелона; Вольский Михаил Викторович – 12 лет; Шевелев Павел Игнатъевич – 11 лет, потерялся при обстреле Смоленского железнодорожного узла; Мальчик двух лет – неизвестен»¹⁵.

Нельзя не привести воспоминания Н. С. Войцеховской (Рачинской). Горечь, боль, спазмы в горле вызывает ее рассказ, записанный В. Б. Разиным.

Войцеховская (Рачинская) Нина Сергеевна – с 1936 по 1944 г. работала воспитательницей детского дома № 1 «Красный городок» г. Саратова. В 1941 г. была избрана детдомовцами пионервожатой, активно участвовала в приеме эвакуированных детей. После работы в детском доме окончила Саратовский педагогический институт, десятки лет отдала школе. В 1990 г. организовала в Саратове встречу воспитанников детских домов области всех поколений, в которой приняла участие и группа бывших белорусских сирот:

– В первые два месяца войны пополнение было в основном из Беларуси. Детвору на телеге доставляли с железнодорожного вокзала, где по графику дежурили наши воспитатели. В то время в детдоме не было машин, их забирал военкомат.

Случались и неожиданности: распахивались ворота и во двор въезжала грузовая машина...

Запомнился один случай: в один из поздних июльских вечеров во двор детдома прибыл грузовик с детворой.

Новое пополнение встречали два дежурных сотрудника. В 1941 г. с первых чисел июля и до конца декабря для встречи эвакуированных в детдоме было налажено ежедневное суточное дежурство сотрудников.

¹⁴ Там же. – С. 134–135.

¹⁵ Там же. – С. 53.

В тот вечер мы, старшие девчонки, еще не спали. Мигом оделись, подняли старших мальчишек и – к машине. Нас не обязывали встречать новое пополнение, но мы не могли оставаться безучастными к такому событию.

Стоящий у открытого борта шофер-красноармеец едва слышно говорил: «Осторожно. Снимайте детей по одному. В долгом пути малыши всего натерпелись. Из Могилева мы».

Мы, старшие детдомовцы, не суетились. Распределили, кому чем заниматься. Плач, стон, хныканье малышей подстегивали, торопили. Очень хотелось побыстрее определить в тепло маленьких осиротевших человечков, настрадавшихся на опасных дорогах, не понимавших, откуда и почему на них свалилась такая огромная беда. Очень хотелось поскорее накормить их, обогреть словом. Как и все, я, протянув руки вверх, приняла с машины малыша, прижала к себе, и, осторожно ступая, пересекла двор. Я прошптала ему, кажется, все слова, которые могли бы успокоить хрупкое дрожащее существо.

Нина Сергеевна Войцеховская (Рачинская)

Перед моечной мы в печи сжигали всю одежду малышей, так как в одежде всю «хозяйничали» вши.

Вася, так звали «моего» мальчика лет четырех, голубоглазого, со слипшимися русыми волосами, ухватился крепко обеими руками за небольшой мешочек и, не выпуская его из рук, слезно просил:

– Не надо его в печку!

Я осмотрела мешочек снаружи, на нем не было вшей, взяла его себе под мышку и сказала:

– Обязательно сохраним, раз ты так хочешь. Договорились?

– Ага, – тихо, с интонацией не по возрасту ответил малыш.

Стригли малышей наголо поднабравшиеся в этом деле опыта Сережа Парфёнов, Алик Александрович и Витя Плеханов. А наши девочки, имен и фамилий не помню, – мыли-мыли и осторожно терли страшно худущие тельца дерюжными мочалками. А мы, те, кто принес малышей в баню, стояли в ожидании.

И вот они, уже лысенькие и чистенькие, протягивали ручонки к нам, детдомовкам. В спешке да при скудном свете коптилок мы порой ошибочно надевали на мальчиков платица, а на девочек – штанишки, и поскорее – в корпус.

Потом что-то вроде ужина. Запомнилось предупреждение дежурного сотрудника: «Голодных детей кормить не досыта». На расставленных столах в коридоре больнички (так называли изолятор) – металлические миски с кашей.

...Уложив малышей в постели, девчонки присели на краешки кроватей своих подопечных. Мой Вася сунул свой мешочек под подушку. Я не возражала и не любопытствовала о тайне содержимого. Понимала: в мешочке что-то важное для мальчика.

Васенька вдруг взглянул на меня с какой-то задумчивостью, спросил:

– А ты не уйдешь?

– Спи спокойно. Не уйду, – ответила.

Попыталась рассказать малышу на сон грядущий сказку, не вышло. Он закрыл глазенки и засопел.

Переместив заветный мешочек к верхнему углу подушки, я на цыпочках потихоньку вышла из спальни.

Вслед за мной осторожно удалились из спальни и девчата.

Входя в свой корпус, мы попросили ночную няню Анну Мартыновну разбудить нас пораньше, чтобы до подъема малышей оказаться вновь у их постелей.

С рассветом опять туда, к новеньким...

Васенька – почти до пояса лежал на жиденькой подушке. Вот он проснулся, пошарил глазами по стенам, кроватям, потолку, окнам и, наверное, убедившись, что не в кузове машины, а в спальне, где – ни разрывов снарядов, ни свиста пуль, спокойно-спокойненько, взглянув на меня, спросил:

– Ты не уходила?

Я улыбнулась:

– Как видишь.

И подумалось мне, вот она, святая ложь, без которой не может обойтись иной, даже самый-самый «правдивый» человек. Да, наверное, мы не очень-то покривили душой – долго говорили о наших новеньких. Мысли мои были о нем, Васеньке, и его таинственном мешочке.

В глазах малыша вдруг вспыхнул огонек. Он поднялся, присел и стал медленно развязывать мешочек – серый, потертый. Вынул из мешочка красненькие, лаковые, совершенно новые ботиночки и протянул мне, сказав полупшепотом:

– Возьми. На.

Ботиночки девичьи и явно не по ноге Васеньки. Полюбопытствовала:

– Откуда они у тебя?

– Это не мои, – ответил, – сестричкины. Она умерла в дороге...¹⁶

Уже к концу 1941 г. все семь детских домов Хвалынска были переполнены чрезмерно. Характерен рост числа воспитанников в «Минском» детдоме № 7. 1941 год: июль – 224 человека; октябрь – 247 человек; декабрь – 274 человека. Необходимо отметить, что эвакуация детей из Беларуси, хотя и в значительно меньших размерах, происходила в течение всей войны. Через «Витебские ворота» за 1942 г. на восток страны было вывезено значительное количество детей, которых потом направляли в детские дома разных областей. Всю войну эвакуировали детей и на самолетах, которые обеспечивали партизан оружием, боеприпасами, а на обратном пути вывозили раненых, больных партизан и детей. К сожалению, сегодня мы еще не можем назвать даже примерное количество детей, эвакуированных на восток страны таким образом.

¹⁶ Там же. – С. 131–134.

На первых порах белорусским детям нелегко было привыкнуть к суровому климату Урала, Алтая или Сибири, высокой летней температуре Казахстана и Узбекистана. Но со временем ребята и воспитатели адаптировались к климатическим особенностям новых для них мест проживания. Окруженные постоянным вниманием и заботой, получая поддержку от шефов – школ, заводов, фабрик, колхозов и совхозов, эвакуированные дети постепенно забывали страх, пережитый во время бомбежек, трагедии военного времени.

Немало детей за время этого ужасного пути забыли свои имена и фамилии, поэтому и нарекали их на земле саратовской неизвестными, букварями, саратовкиными и т. д. А что до имен и отчества, так это были «прихваченные займы» имена директоров детских домов и воспитателей.

Дети есть дети. Особенно мальчишки. Шла война, и многие стремились попасть на фронт. Порыв сражаться с врагом Отчизны – не описуем. Сколько же их, ребят в возрасте от десяти лет и старше, убегали из детских домов только затем, чтобы добраться до фронта и оказаться в «самой что ни на есть настоящей боевой части». В сводках Саратовского областного отдела НКВД ежедневно сообщалось о фактах побегов. Кое-кому из детдомовцев удавалось достичь цели, и они становились сыновьями полков.

Одним из таких «счастливчиков» был Игорь Александрович Шилов. Десятилетним мальчишкой он убежал из Саратовского детдома № 1 «Красный городок» в июле 1942 г. Игорь оказался в интендантском подразделении стрелкового полка. «Сыном полка» он был без малого три года, протопал с боями по родной земле, а День Победы встретил за рубежом, в Австрии. По окончании войны в сопровождении офицера Игорь прибыл в Саратов и предстал перед военкомом области, из рук которого и получил свою первую заслуженную награду – медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Паспорт гражданина СССР он получил позже, а еще позднее, спустя пять лет, был призван военкоматом на действительную воинскую службу.

Большинству же беглецов не везло: их ловили, задерживали, доставляли в областной приемник-распределитель, а затем возвращали в детские дома.

А старшие подростки?.. Пользуясь отсутствием каких-либо документов, удостоверяющих личность, они «прибавляли» себе годик-другой (в Красную Армию призыв юношей осуществлялся с семнадцатилетнего возраста), шли в рай военкоматы и добивались отправки на фронт.

В феврале 1942 г. руководство Хвалынского района приняло решение: эвакуированных детей отдавать на воспитание в семьи. А для того чтобы заинтересовать горожан и сельчан, объявили: лица, взявшие на воспитание детей-сирот, освобождаются от трудовой повинности на строительстве объектов оборонного значения, т. е. на работах весьма тяжелых, и к тому же без оплаты. Перед «выбором» – идти на строительство объектов оборонного значения или, хоть и сам гол как сокол, принимать сироту – серьезно задумывались многие горожане и сельчане.

О сути работ на объектах оборонного значения можно судить по жизненным судьбам эвакуированных из Беларуси женщин, ставших сотрудниками хвалынских детских домов. Только в детском доме № 7 обморозила руки и перешла в открывшийся военный госпиталь, в нянечки, опытный педагог Александра Ивановна Кондякова; свыше месяца провела в больнице Алина Ивановна Володько, а Хана Борисовна Рольбина умерла.

Активная пропагандистская работа во всех рабочих и сельских коллективах, а также в местной печати, на радио, но, главное, чувство сострадания и людской доброты к детям дали свои плоды. Горожанами и сельчанами были взяты на воспитание тысячи детей-сирот. Уже 25 февраля 1942 г., т. е. в самом начале этой огромной и значимой работы, районная газета «Большевицкий путь» писала о сотнях семей, взявших на воспитание детей.

Прочтем и мы с вами отрывок из статьи в районной газете:

«Замечательный почин сделали работницы завода “Красный богатырь”, взявшие на воспитание осиротевших в дни войны детей. За ними последовали сотни семей.

Трехлетний Коля радостен и счастлив. Его взяла семья Пудовочкиных. Сергей Иванович и Федосья Константиновна создали хорошие условия, окружили материнской заботой малыша.

Агроном Хвалынского садовосовхоза тов. Виталий Арсентьевич Соколов взял на воспитание маленькую Галю...

Семья рабочего рыбпункта – Гореловы Андрей Степанович и Дарья Михайловна приютили у себя и окружили ласковой заботой Валечку двух с половиной лет...

Братика и сестричку Толю и Свету взяли на воспитание заведующая отделом агитации и пропаганды РК ВКП(б) Мария Григорьевна Телина.

Нет сомнения в том, что благородный почин патриотов нашего района будет подхвачен многими трудящимися, и осиротевшие дети найдут семью и счастье».

К сожалению, в этом благородном деле по усыновлению детей-сирот случались и трудности, неувязки. Так, были разлучены воспитывавшиеся в детском доме № 7 эвакуированные из Минска брат и сестра Тромеры. Рита в 1942 г. была взята на воспитание, а Максим остался в детдоме. Нашли они друг друга лишь спустя годы¹⁷.

На восток страны были вывезены тысячи детей из охваченных войной районов СССР, поэтому в жизни детских учреждений на новых для них местах возникало немало трудностей и проблем. Например, с посудой, одеждой, постельными принадлежностями, ведь дети прибывали практически ни с чем. В первое время посудой для первых и вторых блюд служили металлические миски и большие металлические ложки. Для третьих блюд использовались металлические кружки и граненые стеклянные стаканы. Вот и весь, казалось бы, простой набор. Но сколько нужно было проявить энергии и настойчивости руководителям разных уровней, чтобы полностью обеспечить все детские дома области этой самой посудой, ведь в июле 1941 г. в Саратовской области было более 60 (ШЕСТИДЕСЯТИ) детских домов, заполненных детьми разных возрастов до предела. В одном только Саратовском детском доме № 1 «Красный городок» обрели кров и тепло около тысячи человек.

Так, в одном из актов указывается, что директор Хвалынского дома отдыха «Просвещенец» Н. И. Рыбалченко сдал, а зам. директора детского дома № 7 в Хвалынке А. П. Дятловская и кладовщик детдома Р. М. Кунцевицкая приняли:

1. Кроватей никелированных с сеткой – 80 шт.
2. Кроватей железных с сеткой – 141 шт.
3. Матрасов – 100 шт.
4. Столов кустарных метровых – 38 шт. и т. д.

Во всех вновь открывшихся детских домах, даже городских, с целью частичного самообеспечения были срочно организованы свои подсобные хозяйства, выделен скот, а также созданы производственные мастерские: не менее трех мастерских в каждом детском доме – столярные, швейные, сапожные (по изготовлению столов, табуреток, скамеек, пошиву и ремонту одежды, обуви и т. д.)

Вместе с тем – и это в такие-то годы! – да еще в условиях недостатка денежных средств – в детских домах уделялось внимание развитию интеллектуальных способностей детей. Во всех детских домах были свои библиотеки (фонд пополнялся за счет бюджетных

¹⁷ Там же. – С. 169–170.

средств и добровольных пожертвований граждан); работали кружки художественной самодеятельности, создавались агитбригады, которые специализировались на выступлениях в военных госпиталях. Кружками художественной самодеятельности руководили энтузиасты, среди которых были даже профессиональные артисты. Так, в Саратовском детском доме № 1 «Красный городок» хореографический кружок возглавлял солист Саратовского государственного театра оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского А. Петров¹⁸.

Сидорова А. Ф. – воспитатель Хвалынского детского дома № 1, местная жительница. В июле 1941 г. участвовала в приеме и размещении эвакуированных из Беларуси детей в одном из санаториев «Черемшаны», а затем в детском доме № 1:

– Все годы войны я работала воспитателем в детском доме № 1. Мы, сотрудники, как и горожане, называли наш детдом «Минским», так как подавляющее число воспитанников были дети, эвакуированные из столицы Беларуси.

Удивительные были дети, ни грубостей, ни отказов от выполнения заданий и поручений. Неуважительного отношения к персоналу и в помине не было. А 70–80 процентов в школе учились только на хорошо и отлично.

...Однажды моя подруга получила «похоронку» – погиб ее муж. Я провела у нее всю ночь, проплакали с ней, а утром – пришла на работу и, видимо, выглядела не лучшим образом. В тот день дети, как говорится, были ниже травы и тише воды. А Верочка, у которой родители погибли еще в пути при эвакуации, подарила мне сшитую из разных лоскутков куклу, и, хотя я была ненамного старше ее, обняла и прошептала на ухо: «Будьте здоровы, мама...»

...Особенно памятным и радостным для детей был поздний вечер третьего июля сорок четвертого года. Радио в тот день почему-то молчало. Новостей не слышали. Все шло своим чередом – и вдруг к детскому дому подошли несколько горожан с криком: «Веселитесь! Как можно не веселиться, Минск освободили!...»

Что тут было! – трудно и пересказать. Интернат загудел, мальчишки и девчонки прыгают, бегают, бесятся, бросаются в объятия друг друга... По целуи, смех, слезы... «Мы скоро поедем домой!» – неслось со всех сторон.

А разве забудется случай из сорок первого года. Июль – наплыв белорусских беженцев. В конце того месяца в дом отдыха «Черемшаны» номер два, где я тогда работала, поступила девочка, лет семи. В Хвалынск она прибыла с мамой, но мама ее вскоре скончалась, от ран ли, от болезни, – не помню.

Принимая девочку, записываю с ее слов в тетрадь анкетные данные, и вдруг она заплакала и, взглянув на меня, тоненьким голосочком произнесла: «Я к маме хочу».

Говорю ей: «Мама скончалась, ты же ее в гробу видела?»

Отвечает: «Мне с ней рядышком в гробу лучше...»¹⁹

Везде в советском тылу, где оказались белорусские дети, им и их воспитателям был оказан самый теплый прием. Их встречали как самых родных и близких в городах и селах России, Казахстана, Узбекистана.

Мы, белорусы, хорошо помним и искренне признательны всем народам Советского Союза за предоставленный кров, тепло, радушие, с которым они принимали маленьких граждан нашей республики. Их бескорыстная забота о детях войны спасла жизни тысячам человек.

Низкий земной поклон вам от белорусского народа!

¹⁸ Там же. – С. 60.

¹⁹ Там же. – С. 119–120.

С самых западных границ: друскенинкайский пионерский санаторий

В семейном архиве Марии Зиновьевны Райциной как самая дорогая реликвия военных лет хранится пожелтевшая телеграмма:

«Высшая пра ви тельственная тчк Директору Каракулинского детского дома товарищу Пев з неру копия воспитанникам тт тчк Анатолию Гри боедову зпт Маше Райциной зпт Виктору Кравченко тчк Прошу передать сотрудникам и воспитанникам детского дома зпт собравшим 10.915 рублей на строительство танковой колонны “За Советскую Белоруссию” зпт мой горячий привет и благодарность Красной Армии тчк И тчк Сталин».

В июне 1941 г. родители отправили тринадцатилетнюю Машу в Друскенинкай в пионерский санаторный лагерь. Здесь отдыхали дети из Белостокской области Беларуси, дети из Литвы, а также большая группа детей из соседней Польши, которые еще в 1939 г. вместе с родителями прибыли в Советский Союз, спасаясь от войны и гитлеровской агрессии. Торжественное открытие лагеря планировалось на 22 июня. К Маше на праздник должна была приехать из Белостока мать.

Воскресное утро выдалось ярким и солнечным. Занятые подготовкой к празднику, дети сначала не знали о случившемся. Но почему не едут гости? Почему у начальника лагеря и воспитателей такие встревоженные лица? Началась война! Эта весть молнией облетела весь лагерь. Могли ли вчерашние безмятежные мальчишки и девочки тогда понять, что война перечеркнет их детство, разлучит с родными, что на их участь выпадут суровые, совсем не детские испытания.

Гитлеровские самолеты обстреливали лагерь, но, к счастью, никто из детей не получил ранения.

– Дети, мы отъезжаем. Бегите скорее в столовую за продуктами! – сказала вожатая.

В сорванные с подушек наволочки складывали все, что попадалось под руку: конфеты, ветчину, сахар. Потом выяснилось, что в спешке забыли самое главное – хлеб. И вот уже все двести детей Белостокского лагеря построены в колонну. Темной ночью под вражеским обстрелом их повели на вокзал. Директор санатория С. М. Певзнер и воспитательница А. Л. Рахленко возглавили эвакуацию.

Вечером состав двинулся в сторону Поречье – Гродно. Но за Поречьем рельсы были разобраны, мост через Неман взорван. Поезд пошел в направлении Вильнюса. За станцией Мартинконис попали под первый обстрел. Самолеты со свастикой на крыльях пикировали прямо на вагоны с детьми...

В начале июля эшелон № 336 дети прибыли в г. Сарапул, что в Удмуртии. Невозможно забыть о том, что встретили здесь детей, как родных. Сарапульцы натопили бани, собрали одежду, продукты питания. Многие горожане предлагали взять детей в свой дом²⁰.

Сначала дети размещались в Сарапульском доме отдыха, но решением городского Совета пионерские лагеря были объединены в один и реорганизованы в детский дом²¹. Осенью воспитанников из Белостокского пионерского лагеря перевезли в село Каракулино на берегу Камы. Для детей были отведены лучшие дома. Так, для них, разлученных войной с родителями, Каракулинский детский дом стал вторым отчим домом.

Особое внимание руководство детского дома и местные власти уделяли польским детям. Несмотря на трудности военного времени, детский дом ни одного дня не испытывал

²⁰ Пулянова, Л. Ей было семнадцать / Л. Пулянова // Вечерний Минск. – 1985. – 10 июня.

²¹ Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сб. док. – Ижевск, 1974. – С. 32.

недостатка в продуктах питания, одежде и обуви. Не хватало теплого обмундирования, но и здесь на помощь пришли колхозники и колхозницы Каракулинского района. Они приготовили для детей валенки, теплые полушубки, носки.

Тот осенний день сорок третьего года Маша запомнила навсегда. Группа воспитанников, среди них была и она, возвратилась из Ижевска с республиканского смотра художественной самодеятельности. Встречающий директор детского дома с радостью сообщил, что нашлись родители Маши, они воевали на фронте. Девочка начала переписку с родными и просила не волноваться за нее. Рассказывала, что в детском доме ребята живут дружно, что ее приняли в комсомол.

Маше и еще двум воспитанникам детдома – Толе Грибоедову и Вите Кравченко – родители присылали денежные переводы. Из газет, от взрослых дети знали, что в стране началось патриотическое движение по сбору средств в фонд защиты Родины. А что они могут сделать для того, чтобы скорее прогнать фашистов с родной земли? Ребята решили не тратить деньги, которые получали от родителей, а отдать в фонд Победы. Пусть это будет хоть и маленьким, но их вкладом в победу над врагом. Это детское движение поддержали все воспитанники детского дома, активное участие в нем приняли и дети-поляки.

Встреча с матерью, о которой все эти годы так мечтала девочка, произошла в июле сорок четвертого года в Новобелице. Е. М. Райцина была начальником лазарета авиационного батальона аэродромного обслуживания. Маша начала здесь работать. Она стирала бинты, белье, присматривала за ранеными. Так, в семнадцать лет началась ее трудовая биография – вольнонаемной 16-й воздушной армии 1-го Белорусского фронта. Победу девочка встретила недалеко от Берлина.

В послевоенное время местом жительства Марии Зиновьевны стал Минск. Окончила медицинский институт, работала врачом, заведующей отделением в одном из городских диспансеров. К боевой медали «За освобождение Варшавы» добавились награды за труд.

А как же польские дети?

С первых дней пребывания в Каракулино все они посещали школу. В местной средней школе для них были выделены специальные классы. В «Справке о детском доме для польских детей в с. Каракулино УАССР», составленной в мае 1946 г., отмечается:

«Коллектив учителей и воспитателей добился высокой успеваемости учащихся. Неудачных в учебе не было. 28 воспитанников детского дома учились в различных техникумах, 17 человек – в институтах Москвы, Харькова, Ижевска, Минска, Свердловска и Гродно. Ричард Бакст заканчивает Московскую консерваторию. Воспитанница детского дома Татьяна Изакович скоро будет врачом, она учится в Ижевском государственном медицинском институте на 4-м курсе. В детском доме широко была организована детская художественная самодеятельность. Работали хоровой и драматический кружки. На районном смотре художественной самодеятельности детский дом для польских детей занял 1-е место, а на республиканской олимпиаде детской художественной самодеятельности ему присуждено 2-е место с вручением диплома.

Районные организации и колхозы помогли детскому дому создать подсобное хозяйство. Продукты, получаемые с этого подсобного хозяйства, являлись дополнительным питанием для детей. Все работы на огороде и по уходу за скотом в основном выполняли старшие воспитанники детского дома. Делали они это с большим увлечением и любовью. Сейчас в хозяйстве детского дома 8 лошадей, 12 коров, 33 овцы, 6 коз, 37 свиней, много гусей и кур.

...Старшие воспитанники детского дома Шмайда Тадэуш, Мартьян Кундич, Лион Чермоньчкович и другие ушли добровольцами на фронт, чтобы с оружием в руках отомстить врагу за мучения и горе, причиненные польскому народу. Шмайда Тадэуш, ставший подхорунжим, писал с фронта своим товарищам в детский дом: “Я не сложаю оружия до тех пор, пока враг не будет разбит окончательно”. И Тадэуш сдержал свое слово. Он беспощадно бил немцев сначала на советской земле, затем на польской, освобождал Варшаву и как победитель шел по земле врага.

Сейчас, в дни мира, дети также стараются внести свою долю в дело восстановления городов, разрушенных врагом. От платных концертов они собрали свыше тысячи рублей и послали их на восстановление Варшавы. Свыше тысячи рублей воспитанники детского дома послали на восстановление города-героя Сталинграда. Первая партия польских детей была отправлена на родину в 1945 г. Жители Белостока и Варшавы тепло встретили своих маленьких соотечественников. На митинге, который состоялся в Белостоке, поляки горячо благодарили Советское правительство за заботу и внимание, проявленные к польским детям. Президент Крайовой Рады На родовою Болеслав Берут наградил директора детского дома С. М. Певзнера польским орденом “Крест за заслуги”...»²²

Ниже мы приводим отрывок из письма **Т. Низинского** – воспитанника Каракулинского детского дома в обком ВКП(б) с благодарностью за проявленную заботу о польских детях. Письмо датировано маем 1945 г. Сохраняем авторскую стилистику.

«...Пребывание в СССР мне дало возможность кончить 9 классов, стать человеком, который мог бы дать в будущем для общества то, что оно давало раньше мне. Долгое пребывание (в СССР. – В. П.) дало мне возможность хорошо познакомиться с бытом и жизнью великого братского русского народа. И теперь, когда я в скором времени должен вернуться на родину, в Польшу, я пишу эти слова: беден мой язык, чтобы выразить благодарность за все оказанное мне. Я не был здесь забыт, не был покинут, а наоборот, был окружен вниманием и заботой. Теперь я могу сказать: “большое спасибо Советскому правительству, а в его лице – и всему русскому народу за его заботу”. Дома я смогу рассказать о том, что русский народ – это великий народ, который может в тяжелые дни для себя помогать другим...»²³

Много было в нашей совместной истории, взаимоотношениях с Польшей героических, а порой и трагических событий. Но были и такие, о которых говорится в этом и других очерках, помещенных на страницах книги. И не надо их забывать...

²² Интернационализм в действии. Из истории интернациональных связей трудящихся Удмуртии. Документы и материалы (1917–1977). – Ижевск, 1980. – С. 111–112.

²³ Там же. – С. 112.

Дошли: областной пионерский лагерь «Лысая гора» под Гродно

До настоящего времени нам мало известно о судьбе детей областного пионерского лагеря, который размещался под Гродно на берегу реки Неман в урочище «Лысая гора».

Сергеев Н. Ф. – уроженец д. Ростевичи Зельвенского района, ныне житель г. Киева, фронтовик-сапер:

– В первые дни войны я был свидетелем того, как отходила на восток колонна областного пионерского лагеря (120 детей и 20 взрослых). Стоит перед глазами картина того, что довелось увидеть в те июньские дни сорок первого. Сухая жаркая погода. Волнуется хлебное поле. А за этим полем – черные столбы дыма. Это после налета немецких самолетов горят крестьянские дома. Из пылающей ржи то здесь, то там выходили красноармейцы. Они отходили на восток...

В этом пешем потоке разрозненно отступающих солдат, беженцев двигалась и колонна детей. Они держали курс на Мосты. Там сели на поезд, доехали до станции Рожанка. Но, по-видимому, дальше поезда уже не шли, и колонна, пользуясь попутным транспортом, возвратилась назад, в Мосты. Собрались все в пойме реки Неман. В ночь на 24 июня подошли к парому в районе д. Куриловичи. Здесь колонна разделилась. Часть детей во главе с женщиной-врачом по правому берегу реки пошли в направлении Лиды, Новогрудка, поскольку все они были из тех мест. Остальные, переправившись на левый берег, пошли в сторону Деречена. В этой колонне находились музыканты духового оркестра – в основном беженцы из Польши, которые, спасаясь от немцев, прибыли в Западную Беларусь в 1939 г. Помнится, была в этой колонне подвода, на которой везли продукты питания²⁴.

Скорее всего, эта группа держала направление на Барановичи, где проживали родители большинства детей. Они спешили к переправе через реку Щара, где слева от Деречина находился мост.

С детьми был старший пионервожатый А. И. Мачуленко. Он эвакуировал их в Ульяновск, а затем воспитанников направили в Куйбышевскую область. Доставив детей, сам А. И. Мачуленко в сентябре 1941 г. ушел на фронт.

²⁴ Макеева, И. Шла колонна на восток / И. Макеева // Гродзенская праўда. – 1999. – 31 жн.

«Мы нашли свое счастье»: Ошмянский детский дом

В детский дом г. Выкса Горьковской области Сергея Еминова определил отец в 1941 г., уходя на фронт. Виктора Радкевича привезли с группой детворы, эвакуированной из Ошмянского детского дома. Его отец погиб в 1939 г. во время освободительного похода Красной Армии по воссоединению белорусского народа. Матери у обоих мальчиков умерли до 1939 г.

Детский дом размещался в двухэтажном кирпичном здании на окраине города, в бывшем женском монастыре, отгороженном от улиц города высокой каменной стеной. Отопление – печное, туалет – на улице, вода – из водопроводных колонок. Посреди монастыря стоял полуразрушенный в 1930-е годы собор. В монастырских кельях жили монашки.

Еминов Сергей – воспитанник детского дома:

– Мы быстро подружились с прибывшими из Ошмян воспитанниками, среди которых были белорусы, поляки, евреи, украинцы и литовцы. И зажили одной дружной интернациональной семьей по принципу «один за всех и все за одного».

Все хозяйственные работы в детдоме выполняла детвора 11–15 лет. Возили из леса дрова, пилили и кололи их, топили печки, мыли посуду, таскали воду, носили с городского склада продукты, пололи грядки.

В детдоме было большое приусадебное хозяйство. Дети сами выращивали картошку, капусту, помидоры, огурцы, лук и даже гречиху. Для единственной лошади, которую обслуживал демобилизованный по ранению солдат, сеяли овес. Руководили и обучали детей премудростям агрономии сердобольные монашки.

Дети помогали взрослым заготавливать на зиму зеленые помидоры, квашеную капусту, соленые огурцы, картошку. Осенью собирали и солили белые грузди. Благодаря этому было обеспечено более-менее сносное трехразовое питание, чего нельзя было сказать об одежде. С ранней весны до осенних холодов ноги детей не знали обуви. С наступлением первых заморозков детворе выдавали «сабо» – ботинки из брезента на деревянной, из липы, подошве. Теплой одежды у воспитанников не было. Городская детвора, узнавая детдомовцев на улице, боялась близко к ним подходить.

Все детдомовцы сначала учились в средней школе, которую в 1942 г. преобразовали в ремесленное училище по подготовке молодых рабочих кадров для металлургического и машиностроительного заводов города. А младшие стали учиться в семилетней школе. Тетрадей и учебников не хватало, приходилось выполнять письменные задания на старых книгах и газетах.

Летом 1943 г. с фронта прибыл и разместился в монастыре отдельный разведывательный батальон. Ребята быстро подружились с солдатами.

Еминов Сергей – воспитанник детского дома:

– По вечерам их солдатская столовая превращалась в кинозал. И мы часто бегали туда смотреть кинофильмы «Чапаев», «Мы из Кронштадта», «Котовский», «Любовь Яровая», про юность и возвращение Максима.

На оборудованном на опушке леса учебном полигоне солдаты разместили советские и немецкие танки, самоходно-артиллерийские установки, пушки, бронетранспортеры и другую военную технику, которую брали с эшелонов, привозивших данную технику для переплавки на Выксунский металлургический завод. Детдомовские ребята, играя в войну, облазили и ощупали все боевые машины.

Девочки детдома в двух военных госпиталях помогали медицинскому персоналу ухаживать за ранеными. Многие из них после семилетки окончили Выксунское медицинское училище.

Еминов Сергей – воспитанник детского дома:

– В зале детдома был установлен репродуктор, и по вечерам мы с жадностью слушали сводки Совинформбюро. Я помню, как мы прыгали и кричали «ура!», прослушав сводки о разгроме немецких войск под Москвой, об освобождении 6 июля 1944 г. Ошмян и особенно 9 мая 1945 г. об окончательной Победе²⁵.

После Победы Виктор Радкевич и Сергей Еминов стали офицерами Советской Армии. В. Радкевич – полковник, живет в Джебказгане Карагандинской области, С. Еминов – майор, житель г. Гомеля.

²⁵ Еминов, С. «Мы нашли свое счастье» / С. Еминов // Во славу Родины. Белорусская военная газета. – 2009. – 10 окт.

В детском городе: ратомский санаторный пионерский лагерь

Летом 1941 г. в Ратомке, что под Минском, был организован пионерский лагерь, в котором отдыхали дети из города. По воспоминаниям вожатой Галины Зиновьевны Кругер, после окончания 9 класса вместе с еще несколькими такими же ребятами она была направлена на работу в пионерский лагерь. Помнит, как грузились в автобусы на Нижнем рынке (сейчас район станции метро «Немига»). На первую смену набрали 350 детей от 7 до 12 лет. Всего было сформировано восемь отрядов. В основном вожатыми были старшеклассники из разных школ Минска, только трое воспитателей уже учились в институтах.

Кругер Галина Зиновьевна – вожатая лагеря:

– Шла обычная летняя жизнь. Гуляли, играли, ходили в лес. Погода в том июне стояла переменчивая: то солнце выглянет, то дождик пойдет. Недалеко от лагеря часто проводились маневры, поэтому никакого внимания на военных никто не обращал, особой настороженности не было²⁶.

Подходила к концу первая лагерная смена. Все было хорошо, дети активно отдыхали: пекли картошку на костре, пели любимые песни, ходили в походы.

В воскресенье 22 июня многие ребята проснулись задолго до объявления подъема от какого-то непонятного гула и со страхом задирали головы к небу. А небо – в черных крестах самолетов.

Вожатые в Хвалынске. Слева направо: верхний ряд – Марк Родов, Рэм Срагович, Анна Мурашко, Натан Годар, нижний ряд – Борис Рубин, Галина Кругер, Василий Мишаткин (директор Хвалынского детдома), Нина Добрынина

²⁶ Апарина, Е. Пионерские вожатые из сорок первого / Е. Апарина // Знамя юности. – 2004. – 25 июня.

Никто ничего не знал, в лагере не было ни радио, ни телефона. Все шло своим чередом. Прошла торжественная линейка, дети ждали родных, готовили праздничный концерт. К обеду приехали несколько родителей и сообщили, что началась война. Естественно, они очень волновались, никто не знал, что делать: забирать детей или оставлять. Начальник лагеря отправил малышей спать и уехал в Минск, надеясь получить четкие указания по поводу дальнейшей судьбы пионерского лагеря. Но назад Айзик Гальперин уже не вернулся. Как выяснилось позже, в Минске его сразу же призвали в армию.

Тем временем дети, их семнадцатилетние вожатые и несколько взрослых руководителей сидели в лагере и не знали, что делать. 50 детей родители и родственники увезли домой. 23 июня в Ратомку прорвался кто-то из родителей и сообщил, что Минск ужасно бомбят. Посоветовавшись, решили, что самое лучшее для коллектива – остаться в лагере и ждать. Опасаясь, что и лагерь может подвергнуться бомбежке, воспитатели и пионервожатые, нянечки собрали детей и увели в лес. Спрятались. Но сколько можно сидеть в лесу?

Соколова (ахрамович) Галина – воспитанница Ратомского пионерского лагеря, в 1941 г. ей было 12 лет, находилась в детском доме № 1:

– Удивительно, но никакой истерики, будто это явление не наяву, а в кино. О войне догадывались, но чтоб вот так... Все, что случилось, – нежданно-негаданно – кто же мог понять, что это и есть начало изнурительной и долгой войны! Этот и следующий день были днями ужаса и смятения. И вблизи и вдали – пожары.

Робейчиков Марлен Яковлевич – воспитанник пионерлагеря «Ратомка», в 1941 г. ему было 11 лет:

– Не слушая воспитателей, мы все равно залезали на деревья и наблюдали за воздушными боями, как будто смотрели кино. Плакали не от страха, а от жалости, когда горели наши самолеты. На второй или третий день войны была общая линейка, и замдиректора объявил, что наш пионерский лагерь эвакуируется, мы уже знали, что горит от бомб Минск, что нас повезут куда-то... дальше от войны.

Я хочу рассказать, как мы собирались в дорогу. Велели нам взять чемоданы и сложить в них только самые необходимые вещи: майки, трусы, носки, носовые платки, пионерские галстуки. Лично я галстук положил сверху. В моем воображении рисовалось: встретят немцы, откроют чемодан, а там – на виду красный галстук. Не боюсь!

25 июня заместитель начальника лагеря, которого дети звали дядя Моня, принял решение эвакуировать пионерлагерь. Он договорился с начальником станции Ратомка, что тот остановит на двадцать минут какой-нибудь эшелон и посадит туда детей. Точного времени никто не знал, поэтому продукты (к счастью, их завезли до конца лета) принесли на станцию заранее и замаскировали ветками, оставив сторожа.

Марлен Яковлевич Робейчиков

Со страхом, то и дело глядя на небо, где в любую минуту могли показаться фашистские самолеты, дети, наспех прихватив часть постельного белья и продуктов питания, сколько были в силах унести, покинули пионерлагерь и по знакомой тропинке, пока еще окаймленной васильками и ромашками, двинулись в сторону железнодорожной станции. А там их никто не ждал. Однако коллективу пионерлагеря повезло: вагонам, хоть и товарным, были все рады. Разместились быстро, без суеты.

Отправления долго ждать не пришлось. Вагоны с каким-то странным скрипом тронулись. Эшелон шел медленно, с частыми, порой длительными остановками. От Ратомки до Минска всего-то километров двадцать, но поезд шел весь вечер и ночь... Измученные дети и их воспитатели наконец-то добрались до Минска и увидели в ночи город в огне пожаров... Кое-кто из детей при подъезде к Минску намеревался сигануть с поезда и добраться домой, но, увидев пламя пожаров, поостыл.

Лейбман И. – воспитанник лагеря, бывший минчанин, ныне житель г. Саратова:

– Обычно с вокзала новый Дом правительства был не виден, но закрывающие его здания уже были разбиты, и сквозь дым я вдруг различил наш Дом правительства, только красный флаг над его крышей стал черным от копоти... Наш начальник не велел нам выходить из вагонов и сам не пошел разыскивать свою семью, а под бомбами побежал добывать для нас паровоз, и уже через час мы ехали в глубь России. В Хвалынске он сдал нас тамошним педагогам и ушел на фронт²⁷.

Соколова (ахрамович) Галина:

– У вокзала почему-то простояли до утра. Едва наступил рассвет, ока зались под бомбежкой. Началась паника. Если бы не дядя Моня, наш начальник, сказать не берусь, чем бы могла закончиться паника. Дядя Моня сумел всех успокоить. Он заставил всех лечь на пол и резко оборвал свою жену, истерично кричавшую: «Тебя на всех не хватит, нужно и о себе

²⁷ Александрова, И. Укрыла от беды шинелью / И. Александрова // Дети военной поры. – 2-е изд., доп. – М., 1988. – С. 34–35.

думать!..» Когда все стихло, он размышлял вслух: «Конечно, при бомбежке из вагонов лучше бы выскакивать, но ведь в такой суматохе недолго и детей растерять...»

Метлич (Голяшова) Елизавета – воспитанница пионерлагеря «Ратомка», в 1941 г. ей было 11 лет:

– Из сиротских лет наиболее запомнилась эвакуация. Да и как забыть, если и поныне отметины на правом плече от давней огнестрельной раны. Не воевала, а ранение имею.

В вагоне товарного поезда я была вместе с минской детворой, оказавшейся накануне войны в Ратомке. От Ратомки до Минска ехали без происшествий, но, едва миновав родной город, эшелон оказался под бомбежкой. Поезд остановился, раздалась команда: «Разбежаться!» Повыскакивали из вагонов – и кто куда. А фашистский самолет продолжал кружить.

Помню, бегу куда-то сломя голову, и вдруг – резкая боль в правом плече. Рана!.. Кровь... – присела на корточки, зубами и левой рукой порвала на себе платье и зажала рану... Слез не было.

Помню, возвращаюсь к эшелону и вижу: один их вагонов отцеплен, горит. Жуть!.. И – раненые: у кого – оторвана нога, у кого... По сей день слышу крик мальчишки: «Спасите меня! Я – живой!..»

Откуда-то появились медики – тяжелораненых укладывали на носилки и куда-то относили. Легкораненым оказывали помощь. Помогли и мне, вытащили осколок, перебинтовали. Сделали укол. Уже в Хвалынске, в детском доме, и долечивала свою рану²⁸.

До остановки в тихом Хвалынске было еще десять суток, долгих-предолгих дней и ночей голода, холода, страха... Железнодорожный состав шел быстрее войны, на тех станциях, где он останавливался, про войну знали, но еще не видели ее. Дети рассказывали взрослым о войне, о том, как полыхал Минск, как горели наши самолеты. Но чем дальше отъезжали от дома, тем больше скучали по родителям, а что у многих уже нет родителей, еще не знали.

На станции Привольской ребят пересадили с поезда на пароход «Парижская коммуна» и повезли по Волге до Хвалынска.

Воспитанников из белорусского пионерского лагеря «Ратомка» разместили в зданиях бывшего детского дома № 1. Директором нового детского дома был назначен Василий Мишаткин, местный педагог, замечательный воспитатель и человек. Весь прибывший «минский» персонал закрепили за «своими» детьми, вожатым отрядов – бывшим школьникам дали возможность окончить среднюю школу.

Кругер Галина Зиновьевна:

– Не поверите, школу мы все закончили на отлично! Жили, работали, заботились о детях. Они очень нас любили. Помню, что топили печки шелухой от семечек. А перед сном в той комнате, где у учеников не было «троек», рассказывали сказки. Сколько мы их рассказали за те дни, не пересчитать!

Робейчиков Марлен Яковлевич:

– На пароходе я первый раз снял тапочки. За полмесяца в дороге мы ни разу не раздевались. Когда я тапочки снял – они воняли, и я их стал мыть. Мыл-мыл – и выбросил за борт. Приехал в Хвалынск босиком.

Нас было так много, что разместили по нескольким детским домам. Почему я это знаю? Потому что помню, как сильно плакали те, кому предстояло разлучаться с братом или сестричкой. Когда мы были в пионерском лагере без родителей, чувствовали себя вольно, а тут все испугались. Мы же домашние дети, привыкшие к ласке, и тем самым отличались от других детдомовцев. Меня мама всегда целовала на ночь, а по утрам будила. А теперь мне надо было привыкать жить без родителей.

²⁸ Разин, В. Б. От Минска до Хвалынска: Дети Белоруссии на земле саратовской: 1941–1945 гг. – С. 129–130.

Еда для нас, подростков, была скудной. Постоянно ощущали голод. Однажды посмотрели кинокартину, в которой наши разведчики варили кашу из березовой коры. Наши девочки тоже научились варить такую кашу.

А разве можно забыть и такое: мы бегали из детдома в воинскую часть, там нам иногда перепадал черпак супа. Нас было очень много, поэтому не могли накормить всех. Успеешь первым – получишь, опоздал – уйдешь ни с чем.

У меня был друг Мишка Черкасов. Как-то сидим, он и говорит: «За двадцать километров пошел бы, если бы знал, что там дадут миску каши». На дворе – минус тридцать, он оделся и побежал в воинскую часть. Просит у солдат что-нибудь поесть, они говорят: «Беги за котелком». Он вышел на улицу, покумекал и решил: «Пока буду бегать за посудой – ничего не достанется». Возвращается назад и говорит солдатам: «Лейте!», и подставляет шапку-ушанку. Солдат взял и вылил ему в шапку весь черпак.

Пока Мишка добежал до детдома, отморозил уши, но – суп донес, и немудрено – шапка была полна льда. Вывернули лед в тарелку (тарелки были металлические), разбили его на кусочки, и каждый из обступивших Мишку сосал льдинки супа, а девочки оттирали кормильцу уши. Сейчас и представить трудно, сколько было радости, что Мишка принес еду для всех нас.

...Осенью заготавливали дрова в лесу, находившемся на горе. Деревья валили, обтесывали, потом распиливали, кололи на поленья и складывали в штабеля... Дома мы никогда не делали подобного, потому что – городские, а здесь такие толстые бревна нужно было пилить и колоть. Доставалось!

...Не удивлюсь, если «магистры» именитого телевизионного Клуба знатоков не ответят на вопрос: «Что такое “макуха”»? А, между прочим, для нас, мальчишек военной поры, «макуха» была величайшим лакомством.

Представьте, тихонько пробираешься в кладовую и запускаешь руку в бачок, где вымачивался харч для лошади, а там, глубже, находишь великолепный жмых, он же – «колоб», он же – «макуха». И потом хоть целый день жуй и соси ее...

...У нас в классе учился сын директора маслозавода. Дети есть дети, сидим на уроке, в «морской бой» играем. А он за нашими спинами ест хлеб с подсолнечным маслом. Запах – на весь класс.

Кое-кому из нас стало не по себе, но – смотрим – нет учительницы, смотрим – она на полу лежит. Она тоже голодная, услышала этот запах и упала в обморок. Наши девочки отвели ее домой.

...Однажды собралось нас несколько мальчишек, самых отчаянных, решили убежать на фронт. На наше счастье, приехал в детдом капельмейстер: его и поныне помню – капитан Гордеев. Он отобрал четверых мальчиков с музыкальными способностями, в том числе и меня.

В армию нас провожали всем детдомом...²⁹

Ковалёв Семён – воспитанник пионерского лагеря «Ратомка», в 1941 г. ему было 9 лет, воспитывался в детском доме № 1, а с августа 1944 г. – в детском доме № 7:

– Из пережитого во время эвакуации мне почему-то запомнилось не самое страшное и ужасное, а вот такой случай: сели на пароход и едем в Хвалы́нск. Изголодались чертовски, и вдруг нам сказали, что будут кормить кашей. Уже и тарелки расставили на столах палубы вдоль одного борта. Мы, не сговариваясь, ринулись к столам – пароход накренился, и каша вместе с тарелками полетела за борт.

²⁹ Там же. – С. 124–127.

Помнится, в детдоме мне приходилось учиться столярному делу. Учился этому ремеслу охотно – и доволен, в жизни пригодилось.

Пока еще не забылось, как вместе с другими детьми довелось работать на прополке в подшефном колхозе. Бывало, тянешь осот, и не под силу – зовешь кого-нибудь на помощь.

Запомнилась и сдача крови для раненых солдат и офицеров. Кровь сдавали охотно, понимали, чем быстрее поправятся бойцы нашей Красной Армии, тем скорее окончится война. Но дело в том, что сами-то мы были слишком слабыми, и случалось, что после сдачи крови кружилась голова...

Позняк Ольга – воспитанница пионерского лагеря «Ратомка», в 1941 г. ей было 10 лет:

– В июле сорок первого в Хвалынске было тихо и красиво, а нам, эвакуированным подросткам, было беспокойно и не до игр. Уж слишком одолевала тоска по родным и близким, оставшимся в родной Беларуси. Где они? Живы ли? Долго ли длиться этой ужасной войне.

По приезду в Хвалынск я с группой минчан оказалась в Третьем Черемшане («Черемшаны-3» – один из домов отдыха в Хвалынске. – *В. П.*). Помню, мы, девочки, сгучились в кружок и плачем. Были почему-то убеждены, что больше никогда не вернемся в Минск. А зачем тогда жить? Но пришла воспитательница, погладила нас по головкам и долго-долго уговаривала не поддаваться унынию. Говорила: «Подождать надо, вот прогонят фашистов, и все вернемся в родные края. Но чтобы это произошло, надо помогать Красной Армии, фронту и, главное, хорошо учиться».

Через месяц нас из Черемшан перевели в детский дом. Почти до самого начала нового учебного года остро стоял вопрос: пойдем ли в школу, так как не было ни учебников, ни письменных принадлежностей, да и с одеждой – проблемы. Но 1 сентября 1941 г. свершилось чудо!.. В школу отправились строем, с сумками и полевыми цветами в руках...

Несмотря на лишения, мы старались во всем: в учебе, в труде на колхозных полях и в детдоме – особенно в изготовлении посылок для фронтовиков.

Я была в то время неработоспособной. Донимал позвоночник. И я старалась, чтобы никому не быть обузой. Училась только на отлично: расшивала для фронтовиков кисеты, вязала носки и рукавицы. Вышивкой я занималась и дома, а вот вязать научилась в детдоме.

На работы в колхоз меня не брали. А так хотелось!.. Возвращаясь с полей, ребята рассказывали много интересного: как видели живых зверят – лисицу, зайца, как заливали норку водой, выманивали наружу суслика. Но, главное, работая на колхозных полях, по-настоящему помогали фронту. Однажды, провожая ребят в колхоз, стояла и плакала. Тут меня обняла Клава Полякович и говорит: «Оля, не плачь, я за тебя и за себя поработаю».

Спустя неделю, вернувшись в детдом, Клава вновь обняла меня и сказала с какой-то особой улыбкой: «Поработала и за тебя, Олечка», показала ладони, а ладони – с множеством кровоподтеков и ссадин...

Проведенные в Хвалынске годы незабываемы. Во многом это связано с болезнью. Я и в Минске была больной, но эвакуация усугубила мое положение. Немалую часть времени, особенно в 1941 г., я провела то в детдомовском изоляторе, то в городской больнице. Донимал позвоночник. Отнялись ноги. Лечили меня не только врачи. Горожане приносили готовые для лечебных процедур настои лекарственных трав, которые я пила, а также делала примочки и натирания. Однажды почувствовала, что сильно болят пятки, – начали оживать ноги...

Вот так и вылечилась.

Спустя десятилетия я приезжала в Хвалынск на встречу сирот войны с каким-то особым непередаваемым волнением – ведь наряду с Минском и этот город – моя родина.

Соколова (ахрамович) Галина:

– В детдоме, несмотря на все тяготы, я была жизнерадостной, что ни делала, выполняла с хорошим настроением, из-за разных неприятностей не ныла. Училась, работала в интернате (детский дом был разбит на группы, которые назывались интернатами. – В. П.) и в подшефном колхозе, куда за километры ходили пешком. Верила в победу нашей Красной Армии.

Наиболее памятно – 3 июля 1944 г. – день освобождения родного Минска от фашистских захватчиков. Радость – неопишуемая!.. Глядим на репродуктор, слушаем, обнимаемся, друг с другом целуемся – и с криком «ура!» салютуем, бросая вверх подушки.

Мне посчастливилось разыскать своих родителей и младшего брата. Они жили в Москве. Так случилось, что нас, старших по возрасту, готовили к отправке в Саратов, в ремесленное училище, а тут – такая радость: освобожден Минск!.. Сбежала из детдома. Приехала в Москву, встреча с мамой, папой, братишкой!.. Радость – словами не передать...

Пробыла с родителями и братом два-три дня и так потянуло на родину, что, не раздумывая, объявила: «Еду в Минск!»

Тут пошли уговоры, мол, ты несовершеннолетняя, город разбит, кто тебя там ждет, где приткнешься?..

Я на своем: «Без Минска не могу. Еду!»

В Хвалынске юные минчане провели все военные годы. Было трудно. В 1942 г. гитлеровцы бомбили Саратов, а это совсем рядом. Голодали. Ежедневная норма: четыреста грамм хлеба, пятнадцать грамм масла и две чайные ложки сахара – запомнилась и детям, и воспитателям на всю жизнь.

По-разному сложились судьбы воспитанников и воспитателей пионерского лагеря «Ратомка», эвакуированных в волжский Хвалынск. Многие из них стали сиротами, кому-то повезло найти своих родителей. Но главный итог – дети были спасены. Спасены силами своего ратомского коллектива с помощью добрых жителей Хвалынска и отзывчивости сотен незнакомых людей. Многие из детей после учебы разъехались по городам и весям России: некоторым просто некуда было возвращаться, их никто не ждал. Так сложилась судьба С. Д. Ковалёва. В 1948 г. он был направлен в железнодорожное училище г. Саратова. Свыше тридцати лет посвятил работе в локомотивном депо станции Пугачев Приволжской железной дороги.

Осталась на саратовской земле и Е. Метлич-Голяшова. По окончании семи классов была направлена в Саратов, в ремесленное училище при подшипниковом заводе. Работая на заводе контролером шлифовальных станков, она окончила вечернюю школу рабочей молодежи, а затем заочно и Саратовский экономический институт. Свыше сорока лет проработала в банковской системе.

Но большинство бывших пионеров лагеря «Ратомка» вернулись в родной город.

Г. И. Соколову (Ахрамович) летом 1944 г. готовили к отправке из Хвалынска в Саратов, в ремесленное училище. Но 3 июля, узнав из сообщения по радио об освобождении от фашистов Минска, она сбежала из детдома. До ухода на пенсию работала в родном городе в секретариате Президиума Верховного Совета БССР.

О. А. Позняк в 1947 г. вернулась в Минск, окончила медицинский институт. Десятки лет работала заведующей отделением 7-й детской клинической больницы г. Минска. За достигнутые успехи в труде награждена орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За трудовую доблесть».

М. Я. Робейчиков, как уже отмечалось, в 1944 г. из Хвалынского детского дома № 1 был взят в военный духовой оркестр. Потом сменил профессию музыканта на мундир военного летчика. После ухода в отставку работал ответственным сотрудником Минского горисполкома. Один из тех, кто в 1981 г. организовал в Минске слет детей-минчан, ставших в годы войны воспитанниками хвалынских детских домов на земле саратовской.

Бывшая вожатая Г. З. Кругер провела в Хвалынске год. Потом поступила в Челябинский медицинский институт. В 1944 г. вернулась в родной город. Еще в школе Галина Зиновьевна познакомилась со своим будущим мужем Исааком (он, кстати, тоже был вожатым в Ратомском пионерском лагере и в Хвалынске). Расписались в 1948 г. Свою жизнь Г. З. Кругер связала с медициной, работала главным врачом сурдологопедического диспансера в Минске.

Нашли свое место в жизни и другие вожатые лагеря и детдома. Марк Родов стал экономистом, Анна Мурашко защитила кандидатскую диссертацию, получила специальность филолога, Натан Годар стал философом, жил и работал в Санкт-Петербурге, Борис Рубин – инженером, Нина Добрынина – геологом. От туберкулеза умер вожатый Рэм Срагович³⁰.

Долгое время никто точно не знал имя и фамилию дяди Мони, организовавшего и возглавившего эвакуацию двух пионерских лагерей и детского сада № 38 (все из Ратомки), а в пути, в Городище, к ним добавились дети минских детских садов № 7 и 15, а также группа детей сотрудников минского горисполкома.

В. Б. Разин рассказывает об удивительном человеке – Дмитрие Прокофьевиче Захарове, хвалынце.

В военное лихолетье он, бывший сельский паренек, был там, на передовой, где должны быть мужчины в грозный для Отечества час, там, где каждое мгновение люди находились между жизнью и смертью.

Одна из его ран оказалась особенно тяжелой, и он долгие годы боролся за жизнь. Окончил учительский институт, чтобы воспитывать и обучать детей. Позже получил образование в Московском университете, работал в Хвалынске народным судьей.

Когда же Дмитрию Прокофьевичу бороться с недугом стало невозможно, он... не поднимаясь с постели, решил сделать то, что, по призванию, не сделать не мог: начал долгий и трудный поиск белорусских детей, оказавшихся в дни войны в детских домах Хвалынска. Но, прежде чем в 1980 г. в Хвалынске состоялась первая встреча детей и их воспитателей, потребовались годы!

С трудом можно представить, как возможно было в его положении вести поистине титаническую работу: сотни писем отправлял Д. П. Захаров не только в Минск и Саратов. Во многие населенные пункты Советского Союза летели его весточки к детям войны с просьбой рассказать о себе и своих друзьях, наиболее памятных событиях времен войны. Полученные сведения систематизировал. В местной газете «Звезда» им был опубликован цикл статей, посвященных эвакуированным из Беларуси детям.

³⁰ Апарина, Е. Пионерские вожатые из сорок первого / Е. Апарина // Знамя юности. – 2004. – 25 июня.

Хвалынец Д. П. Захаров

Именно к нему, человеку, прикованному болезнью к постели, обратились с просьбой установить имя человека, организовавшего спасение детей из Ратомки и Городища. И он взялся за трудный поиск.

Супруга Дмитрия Прокофьевича любезно передала В. Б. Разину подготовленную к печати статью «Кем и как были спасены дети из Ратомки».

Черкасов Михаил иванович – воспитанник пионерского лагеря «Ратомка»:

– Я с благодарностью вспоминаю дядю Моню и машиниста паровоза. Это они спасли так много детей, и благодаря им мы живем сейчас. В Минске, когда кругом все горело и кто-то предлагал ему бросить все и спастись самому, дядя Моня крепко выругал того человека и продолжал наводить порядок: загонял выпрыгнувших из вагонов детей, строго приказывал не покидать вагона, бегал из конца в конец эшелона, интересуясь, не нужна ли кому помощь, а потом каким-то образом достал паровоз (до этого мы сидели в вагонах, а паровоза не было), договорился с машинистом пойти на риск, и тот буквально сквозь коридор бушевавшего огня, шедшего от горящих по обе стороны составов поездов – санитарного с одной стороны, и пассажирского – с другой, вывез детей в безопасное место. Люди кричали и гибли, но наш эшелон выбрался из этого ада без потерь...

Многие дети этого пионерского лагеря помнят, что подготовка и организация эвакуации детей – заслуга прежде всего начальника пионерского лагеря «Ратомка» или его заместителя. Их помнят, о них говорят и воспитатели, и воспитанники. Но кто они? Какова их дальнейшая судьба? Об этом хотят знать многие, однако до сих пор почти никому неизвестны их имена и фамилии.

Рассказывая о том товарище, который проводил эвакуацию детей, многие очевидцы называют его не просто человеком мужественным, сильным и необычайной воли, но и достойным самой высокой награды.

Ряд воспитанников в письмах пытаются воскресить в своей памяти хорошо известные когда-то фамилии уважаемых людей, но время уже сделало свое черное дело, нужная информация о июне сорок первого стерлась.

Инженер И. Я. Олейников (минчанин) помнит начальника пионерского лагеря как «энергичного молодого человека в сером костюме». Таким он выступал перед пионерами 23 июня, когда объявил об эвакуации и объяснял детям, как нужно себя вести.

Доцент Минского (так в письме. – В. П.) университета В. Г. Пикулик рассказывает, что одним из организаторов эвакуации пионерского лагеря был его начальник, энергичный мужчина среднего роста.

Владимир и Ренард Пикулики. 1944 г.

– К сожалению, – продолжает Владимир Григорьевич, – фамилии его я не помню. Почему-то вертится в памяти фамилия Рубиков, но, возможно, она далека от истины. Запомнилось, что начальник лагеря после 22 июня побывал в Минске, вечером 23 или утром 24 июня выступил перед детьми и сотрудниками лагеря и рассказал о том, что творится в Минске и как мы должны себя вести.

Заведующая детским садом № 38 Р. Г. Хармац и ее дочь М. Г. Шапиро считают, хотя и не могут утверждать, что начальника пионерского лагеря звали Семён Гинсбург. Детский сад № 38 был размещен тоже в Ратомке, рядом с пионерским лагерем, и Рахиль Генриховна не раз встречалась с начальником лагеря, а 23 июня вместе с ним ходила к начальнику станции Ратомка хлопотать о вагонах для эвакуации детей. Но память подвела и ее.

Как мы уже упоминали выше, рабочий М. И. Черкасов (Минск) считает, что на второй день войны начальник лагеря был призван в армию, а эвакуацию проводил его заместитель, которого, как он хорошо помнит, дети звали дядей Монею. «Если бы не дядя Монея, то мы бы все погибли», – заключает Михаил Иванович.

Доцент из Челябинска И. Г. Монгернштерн уверенно утверждает, а его поддерживают его отец и сестра, что фамилия начальника лагеря – Гальперин.

Вопрос об эвакуации детей из Минска уже поднимался на страницах газеты «Известия». В статье И. Дементьевой от 27 апреля 1976 г. «Письма о спасенном детстве» были приведены слова из письма бывшего ратомчанина инженера из Саратова И. М. Лейбмана о том, как умело провел начальник лагеря эвакуацию детей. И. М. Лейбман просил отыс-

кать этого мужественного человека и от имени детдомовцев сказать ему большое спасибо. В конце статьи звучал вопрос: «Где вы, начальник пионерского лагеря “Ратомка?” Но в дальнейшем к этой теме «Известия» почему-то не вернулись.

Согласно решению Хвалынского райисполкома от 6 июля 1941 г., когда определилась судьба белорусских детей, их разместили по детским домам, в пункте пятом пятого параграфа записано: «Предложить т. Платкову сдать детей и все имущество прибывших с пионерлагерем т. Дятловской по акту». И все. Больше о Платкове ни слова.

Кто же такой Платков? На наши вопросы бывшие воспитанники и воспитатели детских домов отвечали, что человека с такой фамилией они не помнят и что у начальника пионерлагеря была фамилия, совершенно непохожая на эту.

«Ни фамилия Платков, ни фамилия Дятловская мне ни о чем не говорят и ничего не напоминают», – писал И. М. Лейбман и другие его товарищи.

Весной 1980 г. стало известно, что в поселке Узда живет бывшая пионервожатая Ратомского пионерлагеря С. В. Барталевич. Пишу ей письмо и вскоре получаю ответ.

«К сожалению, – писала С. В. Барталевич, – помочь вам в изыскании точных данных о пионерском лагере “Ратомка” за 1941-й год, о руководителях лагеря и организаторах эвакуации я не в состоянии. Было мне в то время 16 лет. Работала я в лагере пионервожатой всего лишь две недели. Фамилии начальника лагеря, воспитателей и воспитанников после стольких переживаний и стольких минувших лет позабылись. О войне мы узнали в Ратомке из передач по радио. Выступал В. М. Молотов. За некоторыми детьми в тот же день приезжали или родители, или родные.

Работники лагеря отправили детей на пригородном поезде в Минск, где формировался товарный состав для эвакуации минчан. В этих же вагонах дети и были отправлены в глубь страны. О дальнейшей судьбе детворы я ничего не знаю, так как от поезда отстала. По прибытии в Минск, предупредив начальника лагеря, я побежала домой лишь за тем, чтобы захватить с собой что-либо из вещей. Прибегаю, а вместо дома – развалины. Бомбежки, обстрелы, пожарища продолжались. Когда вернулась на станцию, поезда уже не было. Примкнула к большой группе людей, дошла до Смоленска. В Смоленске пошла в военкомат, заявила, что мне 17 лет (прибавила себе год), что хочу быть в солдатском строю. Воевать пришлось на разных фронтах. Имею боевые награды. Вот и все».

Прошло несколько месяцев, и, наконец, узнаем адрес старшей пионервожатой предвоенного Ратомского пионерлагеря Д. Л. Швейдель. Посылаем ей открытку, вскоре получаем ответное письмо. Дора Львовна поведала о том, что начальником лагеря был Айзик Абзалович Гальперин. Сразу же после объявления войны он уехал в Минск, откуда, получив необходимые указания относительно эвакуации, вернулся в Ратомку, провел с сотрудниками инструктаж и начал подготовку к эвакуации. 23 июня он был призван в ряды Красной Армии, дела передал своему заместителю Платкову Михаилу Давыдовичу.

«М. Д. Платков, – сообщала Д. Л. Швейдель, – был человеком дела, успевал всюду. Весь персонал пионерлагеря остался, хотя у каждого в Минске была своя семья. Дети в Ратомке находились больше в лесу, и, когда пролетающие фашистские самолеты сбросили зажигательные бомбы на лес, М. Д. Платков, проявив удивительную сноровку и мужество, сделал все возможное, чтобы, как можно скорей, вывести детей из горящего леса. Когда поступило сообщение, что на станцию Ратомка прибыл состав порожних товарных вагонов, по указанию Михаила Давыдовича дети,

соблюдая осторожность, цепочкой с интервалом в несколько метров друг от друга, в сопровождении старших, отправились на станцию. Каждый ребенок что-нибудь нес: одеяло, кастрюлю, подушку или другое лагерное имущество. К концу дня 24 июня все имущество лагеря, в том числе постели, посуда, музыкальные инструменты из духового и струнного оркестров, и даже – скот (несколько коров) были погружены в вагоны. Коровы были в отдельном вагоне.

Все прошло быстро и организованно. Замечу, что в этом эшелоне были дети не только из нашего пионерлагеря...»

Наконец, в начале лета 1980 г. было получено самое долгожданное письмо. Это письмо от Е. Е. Шнейдер – вдовы М. Д. Платкова. Она сообщала:

«С Михаилом Давыдовичем Платковым мы прожили шесть лет. Он был замечательный отец, любящий и внимательный муж. Он очень любил детей и все время работал с ними. Был на пионерской работе, директором детского туберкулезного санатория в Крынках, директором дизстанции в Минске. Весной 1941 года его назначили заместителем начальника Ратомского санаторного пионерского лагеря. Вместе с малолетним сыном я тоже была в Ратомке и принимала участие в эвакуации. Когда 23 июня начальник лагеря Гальперин ушел в армию, все руководство эвакуацией осуществлялось М. Д. Платковым. В Ратомке к нам присоединился еще один пионерлагерь и детский сад № 38. В Городище присоединилась детвора еще двух или трех детских садов. Но всеми коллективами детей руководил М. Д. Платков. В Минске случилось непонятное. Из Ратомки до Минска доехали благополучно, но в Минске вдруг оказалось, что паровоза нет. И Михаил Давыдович каким-то непонятным мне чудом добыл паровоз, уговорил машиниста вывезти детей. И все это делалось под бомбежкой, когда и город, и станция страшно горели. Как машинисту удалось провести состав целехоньким, для меня и поныне загадка. В пути следования Михаил Давыдович на каждой железнодорожной станции посылал телеграммы, в которых сообщал, что из прифронтовой полосы едет эшелон с детьми. Ратомчане хорошо запомнили, что на станциях местные жители приносили им продукты: хлеб, молоко, воду. Однажды принесли большой котел с горячей кашей.

При эвакуации не было ни стихийности, ни паники. Все происходило по воле и под руководством М. Д. Платкова, которого дети любили, веря ему, слушались, а почему-то называли “дядей Моней”. На станции Сухиничи в эшелон села А. П. Дятловская, работавшая до начала войны заведующей сектором культпросветработы отдела пропаганды и агитации Минского обкома Компартии, которая и стала осуществлять руководство всем эшелонном и проявлять заботу о всех детях, как из пионерлагерей, так и из детских садов. Дятловская заботилась о том, чтобы комсомольцы и пионеры далеких городов и поселков приносили своим, попавшим в беду товарищам хлеб и молоко и чтобы в Мичуринске детям, не видевшим целую неделю горячей пищи, приготовили горячий обед. И мичуринцы сделали это. В Хвалынске детей распределили так: старших – в детские дома и в “Черемшаны” – первые, вторые, третьи, а младших – в Дом отдыха “Просвещенец”. Потом был образован новый детский дом под номером семь – для дошколят Минска. Первый детский дом тоже стал “Минским”,

тех, кто был в этом детском доме, расформировали: младших – в другие детские дома Хвалынска, а старших – на учебу в ремесленное училище и школы ФЗО.

В Хвалынске М. Д. Платков был призван в Красную Армию, воевал на разных фронтах, награжден орденом Отечественной войны второй степени. Погиб летом 1944 г. при освобождении родной Белоруссии...»

Вот и восстановлено имя человека, которому сотни белорусских детей обязаны жизнью.

Несколько слов о Дмитрие Прокофьевиче Захарове.

В дни первых встреч детей войны в 1980 г. двери его квартиры не закрывались. Бывшие детдомовцы шли и шли лишь за тем, чтобы склонить перед ним голову и высказать слова благодарности за огромный труд по розыску их – детей войны. Письма Д. П. Захарова неоднократно печатались на страницах белорусской прессы.

Обращения Дмитрия Прокофьевича к участникам встреч зачитывались в Хвалынске в 1980 и 1981 гг. в Минске.

«Я помог Вам найти друг друга. Берегите дружбу, дети!» – выдержка из послания в 1980 г. А вот обращение к участникам встречи в Минске.

«Дорогие дети огненного сорок первого!

В день Вашей встречи я мыслями и сердцем с Вами. С берегов великой Волги, из города Хвалынска, ставшего для Вас родным, буду минута за минутой следить за Вами, буду думать, где Вы, что делаете, что говорите.

Я счастлив, что через сорок лет Вы опять нашлись, собираетесь вместе и дружите. Радуясь, что брошенная моей слабой рукой искра поиска объединила Вас, превратилась в пламенный костер Вашего товарищества, обогатила Вас встречами и воспоминаниями...»

...В 1982 г. Дмитрия Прокофьевича не стало, и собравшиеся на очередную встречу в Хвалынске белорусские воспитанники пришли к нему, другу-покровителю, – на могилу³¹.

³¹ Разин, В. Б. От Минска до Хвалынска: Дети Белоруссии на земле саратовской: 1941–1945 гг. – С. 220–228.

«За три года войны мы не потеряли ни одного ребенка...»: детский сад № 6 г. Минска

19 июня 1941 г. минский детский сад № 6, или, как его называли студенты, практикантский, выехал на дачу в Уручье, что в самом пригороде Минска. Здоровые и веселые 124 мальчика и девочки прибыли в этот чудесный лесной уголок.

В воскресенье 22 июня многие родители приехали навестить детей. Однако были они чем-то взволнованы, невнимательно слушали малышей, тихонько советовались с воспитателями. В детские сердца, которые так чутко отзываются на все, закралась тревога. Родители принесли весть о начале войны.

«Здесь для малышей более безопасно, – решили старшие. – Лес спрячет».

В ночь с 22 на 23 июня руководству детского сада было приказано срочно освободить здание школы, где жили дети, потому что там должен был развернуться госпиталь для раненых красноармейцев. Детям выделили здание клуба в глубине леса. Всю ночь взрослые переводили детей, а самых маленьких переносили на руках, переправляли в клуб постельные принадлежности, продовольствие, кухонную и столовую посуду – все, что было необходимо для нормальной работы детского сада. Но долго жить здесь не пришлось.

На следующее утро стали слышны первые разрывы бомб. А еще через день от грохота, стрельбы повывлетали стекла из окон клуба, где жили дети. Стало ясно, что немцы вот-вот будут в Минске. Оставаться здесь уже было нельзя.

С детьми находился весь коллектив детского сада: заведующая Анна Мироновна Кауфман, воспитательницы Мария Ивановна Разыно, Рива Григорьевна Маковская, няни Софья Борисовна Шабловская и Надежда Михайловна Матусевич, повар Мария Павловна Тамилко и одна из матерей Мария Родионовна Ломако – педагог средней школы № 15. 20 июня она приехала на велосипеде навестить свою дочь. Ей разрешили остаться в саду до воскресенья. Когда началась война, Мария Родионовна решила помочь коллективу сада.

Заведующая детским садом Анна Мироновна Кауфман и воспитатели неоднократно пытались дозвониться родителям, чтобы забрали детей, но телефонная связь не работала. Коллектив сада не знал, что творилось в Минске. Было принято решение спасти детей от войны своими силами. Ребята стояли притихшие, сразу как-то возмужавшие. В лесу встретили военных. Те посоветовали разместить детский сад в четырех километрах, в свободном здании. Наконец добрались туда, и измученные дети свалились прямо на пол. Но и здесь прожили недолго. Дом все время сотрясался от близких разрывов бомб. Надо было как-то спасаться. Истомленные физически и душевно, женщины ночью начали копать блиндажи-укрытия. Маскировали их досками, ветками, дерном. Малышей размещали по 5–6 человек, а когда заканчивался налет, их, полузасыпанных, приходилось откапывать. Так прошло несколько дней. Воспитательницы искали воинские части, чтобы с их помощью вывезти детей. А повар Мария Павловна на костре в трех километрах от дома, чтобы дым не привлекал внимание врага, готовила из остатков продуктов еду, носила из болота воду. Женщины думали только о детях, об их спасении.

На чем вывезти детей? Обратились за помощью в колхоз д. Уручье, надеясь получить лошадей и подводы. Но там таковых не нашлось.

Связи с городом не было. Как добраться с детьми к своим? Чем накормить их завтра? Решили выходить из этого леса и пешком двигаться в сторону Смолевич, надеясь найти воинские части. Только вышли на открытое место – их заметили немецкие летчики. Если бы Анна Мироновна поспешно не спрятала всех в ручейке, фашисты расстреляли бы их, как расстреляли у них на глазах большую группу людей. Такая же трагическая судьба постигла и детский сад № 52, который передвигался совсем неподалеку от сада № 6. Вместо того чтобы

спрятаться в лесу, дети побежали вперед, и на них обрушился бомбовый удар. Разве можно представить себе такое?

Снова возвратились в свои укрытия. Снова воспитательницы и матери ночами ходили за много километров искать своих. Измученные и голодные дети терпеливо ждали. Наконец женщинам удалось найти армейские части. Это были воины прославленной 100-й стрелковой дивизии, которая отличилась в первых боях с гитлеровскими захватчиками в районе Минска. В боях под Ельней дивизия удостоилась почетного звания 1-й гвардейской, первой в Красной Армии. А. М. Кауфман и М. Р. Ломако попросили, чтобы им помогли вывезти осиротевших детей. Командир дивизии генерал-майор Иван Никитич Руссиянов приказал капитану Михаилу Горанскому найти машины для детей.

В ночь на 30 июня к месту расположения детей подъехали три грузовые автомашины, на которых были лейтенант и трое солдат. Военные привезли с собой и кое-что из так необходимого саду продовольствия. Красноармейцы помогли погрузить в машины детей, часть самого необходимого имущества. Водители накрыли детей матрасами, забросали сверху зелеными ветками, и двинулись в путь.

Потом каждой женщине виделся во сне одинаковый ужас: машину в очередной раз резко подбрасывало в воронке от бомб и снарядов, и кто-то из детей выпадал за борт. В действительности они никого не потеряли, хотя реальность была страшнее сна. Минут через двадцать натолкнулись на вражеских солдат, но водители вовремя свернули в лес. Проезжая юго-восточными окраинами Минска, видели, какие разрушения нанесли городу бомбежки.

Особенно тяжело было на душе у Гиты Лазаревны Михалец, Екатерины Петровны Бондарович и Серафимы Сафроновны Нестерович: в этот момент каждая из них была в двух шагах от своего дома. Но не оставишь же этих малышей, которые в минуты опасности прижимаются к тебе и шепчут: «Мне страшно». О судьбе своей дочери Гита Лазаревна узнала только после возвращения из эвакуации. Немцы забрали девочку в детский дом, где она пробыла несколько дней, а потом ее как еврейку застрелили прямо в кровати.

На Могилевском шоссе появились немецкие самолеты. Машины быстро свернули в лес. Опять обошлось. До Могилева гнали во весь опор. Но под городом уже стояли немцы. Двинулись в объезд. Там встретили красноармейцев и отыскивали командира. По его указанию детей отвели в ельник, дали хлеба, галет. Но вдруг началась бомбежка. Взрослые успокаивали напуганных малышей, все делали для того, чтобы фашисты не заметили детей. Шесть воронок насчитали неподалеку, но жертв и на этот раз не было, потому что женщины позаботились, чтобы немцы не выявили скопление детей.

Обо всем, что довелось пережить тогда коллективу сада, не расскажешь.

В городе случайно встретили отца воспитанника Гены – Жаврида Павла Александровича. Он сказал детям: «Мы защитим вас и всю страну от врага и обязательно вернемся в Минск». К сожалению, ему не было суждено вернуться: схваченный гитлеровцами, П. А. Жаврид был замучен.

В Могилеве с большими трудностями удалось добиться, чтобы дали вагоны-теплушки. По дороге детей не раз высаживали, загоняли вагоны в тупик. Наконец отъехали от линии фронта. Сообщения о том, что из Минска везут детей, опережало эшелон. На каждой остановке к вагонам шли люди, несли сало, яйца, бидоны с молоком, пирожки.

7 июля добрались до Казани. Эшелон должны были отправить далее, но воспитательницы видели: дети не выдержат тяжелого пути. Десятки незнакомых женщин приняли на руки обессиленных детей, умыли в бане, дали чистую одежду, накормили... Потом малышей направили в детское общежитие. Так закончился этот необычный рейс, который спас жизни 124 маленьких минчан.

8 Казани удалось дозвониться до белорусского правительства, которое находилось здесь в эвакуации, в результате чего получили помощь и новое место жительства. Детский сад направили на полустанок Займище, что в 30 километрах от города.

В этом небольшом поселке прожили всю войну. Начались суровые будни, появились новые заботы: где достать витамины, во что одеть детей зимой (приехали же в летней одежде)? Воспитатели, няни превратились в швей, а также постоянно успокаивали детей, носили заболевших на руках, рассказывали сказки. А как все радовались каждому письму, полученному с фронта. А когда провожали в армию Риву Григорьевну Маковскую, дети, будто чувствуя, что она погибнет на фронте, плакали, прощаясь с самой лучшей рассказчицей сказок.

Дети росли. Старшим настало время идти в школу. Из Казани прислали буквари, а педагогами стали сами воспитатели. И первоклашки не подвели – без троек перешли во второй класс, а потом в третий.

Большой удачей было разрешение, полученное от казанских властей, на получение имущества ликвидированного детского дома. Но за ним необходимо было поздней осенью переправляться через Волгу. Набрали! И валенки, и шапки-ушанки, и теплое белье, и шерстяные носки, и еще много чего. Связали все в большие узлы и, сгибаясь под тяжестью груза, направились к переправе. Лодочник сначала не соглашался перевозить, мол, уже темнеет, но, когда узнал, что и для кого несут эти женщины, сразу же сказал: «В лодку».

Кауфман Анна Мироновна:

– Думать, что детский дом № 6, расположенный на полустанке Займище, был оторван от жизни и варился в собственном соку, было бы ошибкой. Несколько раз дети выступали с концертами в госпиталях. Там к нам привыкли. У каждого воспитанника был «свой папа».

О детях заботилась, как только могли, считали своими родными, устраивали праздники. Один из концертов дети подготовили в честь своего знаменитого земляка, академика, полярника Отто Юльевича Шмидта и его товарища – знаменитого летчика Михаила Васильевича Водопьянова, которые приехали сюда на лечение. Сохранился фотоснимок, на котором маленькая девочка задорно пляшет огненную лезгинку, а известный полярный исследователь смеется в бороду. Счастливо улыбаются дети, обступив его... Потом О. Ю. Шмидт еще не раз приезжал к детям, привозил подарки.

Кауфман Анна Мироновна:

– И вдруг большая радость – актриса Нина Николаевна Гейц отыскала своего сына Лёню Гурецкого. Боже, как бегали и кричали дети: «За Лёней мама приехала! Скоро и за нами приедут!» Обнимая Нину Николаевну, просили: «Скажите и моей маме, чтобы приехала за мной». Самым трогательным был момент, когда Нина Николаевна с сыном оставляли детский дом. Дети несли Лёне свои самые ценные «сокровища»: кузнечиков, бабочек, осколки от чайной посуды, красивые камешки.

Анна Мироновна Кауфман

– Брат почему-то не любил вспоминать эти годы своей жизни, – рассказывала младшая сестра Леонарда Гурецкого Татьяна. – Наши родители накануне войны были в Одессе, где гастролировал театр им. Я. Купалы. Когда началась война, дедушка сразу же поехал на велосипеде в Уручье искать садик Лёни, но никого на месте не застал.

Наконец Минск освобожден. Дети возвратились домой. Благодаря заботам персонала сада многие ребята отыскали своих родителей. Ставших сиротами тоже не оставили на волю судьбы, без опеки и заботы. Коллектив этого же детского сада, те же женщины и девушки, которые заменили своим воспитанникам мам, заботились о них, как о родных. Разве не подвиг совершили они, подвиг длиною в три года, не потеряв ни одного ребенка?! Назовем их поименно и расскажем, как сложилась их жизнь в освобожденном Минске, вернуться в который они мечтали все эти долгих три года:

Кауфман Анна Мироновна после войны не рассталась со своей довоенной специальностью и долгое время возглавляла детские сады № 4 и 229 – одни из лучших в Минске. Некоторые из воспитанников, которых она спасла в суровые годы Великой Отечественной войны, приводили в этот сад своих детей. Ее до сих пор помнят как преданного своему делу человека;

Михалец Гита Лазаревна была заведующей детским садом № 4;

Томилко Мария Павловна работала поваром в детском саду № 4;

Шабловская Софья Борисовна – сторож детского сада № 102;

Ломако Мария родионовна по возрасту ушла на пенсию;

Нестерович (Рубина) Серафима Сафроновна работала на Минском часовом заводе;

Бондарович Екатерина Петровна работала на Минском почтамте;

Матышкевич Нина Андреевна – медицинская сестра 1-й клинической больницы;
Разыно (Рахманчик) Мария Исааковна – воспитательница детского сада № 70;
Бурштейн Евгения Львовна ушла на пенсию;
Матусевич (Журавлёва) надежда Михайловна осталась в Казани;
Москалёва Анна Алексеевна осталась в Казани;
Маковская Рива Григорьевна ушла на фронт и погибла в бою.

Благодаря труду и заботам этих высокородных и преданных своему делу женщин многие из бывших их воспитанников нашли свое место в жизни после войны. Леонард Гурецкий работал начальником учебного отдела учебно-тренировочного отряда Белорусского управления гражданской авиации, Леонид Казючиц – радиомонтажником, Яков Точицкий – конструктором, его брат Эдуард – научным сотрудником Института физики. В разных проектных институтах и организациях работали Клара Розовская, Циля Эпштейн, Софья Лягум, Григорий Серман, Наум Ваол...

Многие уехали в другие города и страны, некоторые оставили нас навсегда. Но верю, что в семьях тех, кто был спасен, и тех, кто спасал, воспоминания о незабываемых трех годах будут жить еще очень долго. Поклонимся же и мы памяти этих людей!

Из пылающего Минска: детские сады № 7, 15, 20, 38, 65

Утром 22 июня, после завтрака, воспитатели вывели детей во двор. Не так давно минский детский сад № 65 (он находился в центре Минска в так называемом Доме специалистов) двумя группами выехал на дачу в Ратомку. Заведующая пока осталась в Минске. Старшей на даче была Наталия Алексеевна Королёва, или просто Наташа, ей тогда было двадцать девять лет.

Сад был на даче всего третий день, поэтому забот по благоустройству территории хватало. В этот воскресный день ждали родителей, уповая на их помощь. Но из города никто не приехал.

О войне слышали вечером от местных жителей, а на второй день ощутили ее отголосок. Это был гул самолетов, которые затмили небо. Заведующая садиком Г. Л. Альтман тотчас уехала в Минск за «инструкциями»: что делать с садиком? Уехала – и не вернулась. А в Ратомке остались ее трое детей вместе с другими шестьдесятю воспитанниками.

Настал третий день войны, наконец-то приехали родители, человек десять. Восемь из них забрали своих детей, а двое... сказали, что уходят в Красную Армию, выразив надежду, что их дети будут спасены. Детей осталось пятьдесят девять. Позже, в пути, добавился еще один мальчик четырех лет.

Что же происходило в Минске в те дни, если матери не смогли вырваться за своими детьми? Город горел.

Во имя спасения детей, которые в одночасье оказались у последней черты, сотрудникам детского сада пришлось остаться, и не только остаться, но и взять на себя ответственность за судьбу детей. Кроме Н. А. Королёвой с детьми находились воспитательница Александра Ивановна Кондякова, повар Вера Сергеевна Кручонок и няни – несовершеннолетние девочки Вера Радюк и Маша Далидович.

Дача сгорела, продуктов питания не было. То и дело с угрожающим ревом пролетали армады самолетов с пугающими черными крестами на крыльях, мимо них, к Минску. Небо становилось свинцовым и таким тяжеленным, что казалось, вот-вот рухнет. Дети прятались в лесу, а Наташа, преодолевая страх, забиралась на высоченный дуб и смотрела на родной Минск с горечью. Казалось, вся столица в огне и пожарах.

Наталья Алексеевна Королёва и Александра Ивановна Кондякова. 1941 г.

О, Господи! Взяла на себя ответственность, всем об этом объявила, а что делать – не знала. Пока ясно было одно: в Минск возвращаться было нельзя. Лес – вот он, рядышком, в нем от самолетов можно скрываться, но как долго? Чем кормить детей? На чем спать?.. Дети... Малыши, а взгляды такие, что чувствуешь их спиной, даже в кратковременной дреме.

Наташа разослала сотрудников – кого куда: Александру Ивановну – на железнодорожную станцию, чтобы узнать, когда можно подойти, чтобы уехать поездом; нянечек – в д. Ратомку за продуктами и бельем для постелей; повара – в воинские части, коих объявилось в округе немало.

Чем-то помогли сельчане, чем-то – военные. Начальник станции обещал помочь, просил подождать, но говорил как-то неопределенно: «Попробуем, подумаем...»

В лесу у разбитой дачи коллектив провел четыре дня и три ночи. Дети удивляли. Вдруг все так повзрослели, поумнели, стали очень серьезными, никаких капризов. И это при том, что было и голодно, и холодно, и, шутка ли, приходилось днествовать и ночествовать в лесу... А еще – вой в небе страшных фашистских самолетов...

На четвертый день они вывели после завтрака детей на проселок. Навстречу вдоль железной дороги двигалась колонна солдат. Они шли быстро. Свернутые шинели, противогазы, винтовки... Спины солдат мокрые от пота. Когда хвост этой колонны приблизился к детскому саду, из нее неожиданно выбежал мужчина и помчался к детям. Малыши замерли, сердце Наталии едва не выпрыгнуло из груди: она узнала в мужчине отца ее девочек – Ханы и Сони Вольминских. Он закричал, девочки тоже. Подхватил младшую трехлетнюю Хану, присел, обняв Соню, спрятал лицо в детском платице. Плечи мужчины тряслись. И Наташа, которая плакала очень редко, а при детях – никогда, не выдержала.

Вольминский старался взять себя в руки, отрывал от гимнастерки Соню, пытался успокоить Ханечку. Наташа бросилась ему помогать, почти слепая от слез. Он закричал: «Берегите их, Наталия Алексеевна! Спасайте детей!»

Воспитанники детского сада № 38 в Ратомке. Июнь 1941 г.

Отец девочек погиб в первые дни войны. Маму Хани и Сони немцы убили позже в Минске.

Наташа, пока смотрела вслед мужчине, бежавшему навстречу смерти, приняла решение: «Ждать, что о них кто-нибудь вспомнит и порадеет, больше нельзя». Воспитательница Александра Ивановна Кондякова, няни Вера Радюк, Мария Далидович, повариха Вера Сергеевна Кручонок не растерялись в тяжелую минуту. Они быстро собрали шестьдесят детей в дорогу, взяли коричневый пятилитровый чайник, положили в него вареные яйца, что остались от завтрака, в наволочку насыпали печенье и пошли на станцию – до нее было больше километра.

В тот день Наташа прошла самый длинный километр в своей жизни. Она и поныне, через много лет, удивляется, что они тогда дошли. Малыши то падали, то стонали, то роняли сандалии, то хотели пить, есть, писать, просились все вместе на руки или на горшок, отказывались идти, цеплялись за подол, кричали, останавливались посмотреть дохлого жука, подобрать ветку, подраться. И ко всему этому – гул самолетов в небе, дым от наших пушек, зарево над Минском. Куда идут? Куда поедут? Под бомбы? Где заведующая? Где родители? Люди? Кто-нибудь?!

Колонна подошла к железнодорожному полотну, через которое необходимо было еще перебраться, чтобы попасть на платформу. А это значит, почти каждого ребенка нужно было перенести через пути. Это была война. Разве фильм передаст тяжесть данного момента? Какой зритель такое выдержит? А это еще не кровь и не смерть. Просто дети, которым еще в прошлый вторник матери мыли перед обедом руки и большинство из которых забудут даже имена своих родителей, потеряют навсегда братьев, сестер, дом, родину, поскольку никого потом не найдут и некому будет их искать.

На железнодорожной станции все поезда двигались исключительно в сторону фронта. И ни одного – в сторону Минска. Впрочем, стоял товарный состав, состоящий целиком из открытых платформ и только двух вагонов для перевозки животных. Наташа оценила ситуацию. Шансов выехать – ноль. Она схватила на руки самую маленькую девочку и бросилась к начальнику. Слезы заливали лицо. Она уже не могла их остановить, лишь удивлялась,

сколько их в ней есть. Тут и ребяташки, предчувствуя страшное, взорвались ревом, да таким, что станция задрожала. Но мужчину в красной фуражке ее вид только разозлил:

– Дети! Сколько? Вы с ума сошли! В этих вагонах возили коров! Не положено!

Неизвестно, чем бы все закончилось, но тут подбежали красноармейцы. Один из них сгреб железнодорожника вместе с мундиром и форменной фуражкой и, чуть приподняв его, прохрипел:

– Начальник, четвертый и пятый свободны. Сажай детвору!

Начальник станции истерично оправдывался:

– Эти вагоны не велено заполнять. Их ждут в Минске.

– Сажай детвору, – вновь прохрипел солдат.

И начальник станции сдался. Выругавшись, махнул рукой:

– А! Хрен с ним, приказом. Сажайте.

Они пробовали самостоятельно сесть в эти два вагона, но было высоко и даже не хватало сил раздвинуть двери. Помогли солдаты. Раскрыли двери и ахнули – в вагонах навоз, смрад. Туда стали спешно поднимать детей. При этом надо было руками выбрасывать из вагона навоз, найти воду и ведро.

Из взрослых лишь нянечка Варя Радюк отказалась ехать.

– Простите, Наталия Алексеевна, – в слезах проговорила она. – Не могу уехать, останусь с мамой.

Но до самого отправления эшелона Варя не отходила, вместе с красноармейцами рвала траву и охапками бросала то в один, то в другой вагон. Она же сказала красноармейцам, что дети голодные и нет продуктов. Солдаты притащили по мешку сухарей в каждый вагон и по ведру воды...³²

Заведующая появилась в последние минуты. Наташа протянула ей руку, но та осталась неподвижно стоять на платформе. Наташа увидит ее еще дважды. Осенью в Хвалынске Саратовской области. Заведующая приедет за своими детьми (две дочери и сын поехали тогда с Наташей). И еще через десятилетие она найдет Наташу в Минске и попросит подтвердить место своей работы. Наталия Алексеевна напишет, что знала эту женщину с момента своего устройства на работу в сад до 18 июня 1941 г. Ей будет очень тяжело простить.

В Минск они приехали в потемках и даже не раздвигали двери вагона. Казалось, снаружи меньше воздуха, чем внутри. Товарная станция горела, куда-то бежали и кричали люди, свистели пули, рвались бомбы. Дети прижимались друг к дружке. Взрослые в двух товарных вагонах не сомкнули глаз. На рассвете, как только все утихло, Наташа соскочила на насыпь и едва не споткнулась о тело убитой женщины. Девушка закричала, ей казалось, что она теряет разум. А из вагонов уже доносились детские голоса.

Постепенно платформы наполнялись людьми. Наташа побежала к вагонам и вдруг замерла: дети... высовывали пальчики через дырки от пуль.

Наталия Алексеевна никогда не умела молиться, но с того мгновения она знает, что Бог есть.

Эшелон двигался к Москве. На пути состав несколько раз бомбили вражеские самолеты, а он упрямо шел вперед. Маневрировал, как мог: то остановится где-то в поле, то затормозит, то вновь тронется, то остановится. Уже несколько суток в дороге. Детей кормить надо. Спасало то, что воспитатели наловчились выпрыгивать из вагонов и, хотя и с большими трудностями, подниматься назад. Вода была основной пищей. Напоят детей – и, кажется, полегчает. На какой-то станции сотруднику удалось под навесом найти ящик печенья, а рассыпанного набрали еще и в наволочку. Это было большой поддержкой, поскольку печенье заменяло тогда и завтрак, и обед, и ужин.

³² Там же. – С. 107–111.

Однажды Наталии Королёвой удалось недалеко от станции забежать в пекарню (по запаху определила, что она где-то рядом). Женщины, работавшие здесь, с первых слов поняли, в чем дело, и дали шесть-семь караваев хлеба, теплого и ароматного. Вот это была радость!

Если вы сейчас спросите седую женщину, которая прожила много лет, что такое настоящее счастье, она ответит: это когда ты соскакиваешь на рассвете на пустой станции и слышишь запах хлеба. По этому запаху находишь пекарню, тебе там кладут на руки шесть караваев хлеба. И ты несешь все это шестидесяти изможденным детям, не выдерживаешь, издалека кричишь: «Я хлеб нашла! Горячий!» Один пятилетний мальчик, который ехал в этом вагоне, став впоследствии писателем, напишет в своей книге о том, какие в тот момент были глаза у Наташи. Дети запомнили ее такой на всю жизнь.

На небольшой станции, где-то под вечер, в вагон настойчиво начали стучаться какие-то военные. Наталия Алексеевна ответила, что вагон полный, едут дети, мест нет. Но ее слова не остановили стучавшихся: в один момент двери с двух сторон раздвинулись и человек десять в комбинезонах с вещевыми мешками влезли в вагон. Детей оттеснили в угол и по-хозяйски расположились. Сразу же начали приводить себя в порядок. Прикрыли двери, зажгли фонарики, стали бриться, мыться. Вылили из чайника воду, которая предназначалась для питья детям. На замечание Королёвой один из военных приказал: «Молчать!» Потом стали требовать у сотрудников документы. Но Наталия Алексеевна ответила, что у них паспортов нет, не успели взять, что их паспорта – это дети. Все поняли, что неожиданные гости – это не свои люди, а чужеземцы, вражеские десантники, которые продвигаются в глубь страны. Надо было что-то делать!

Королёва Наталия Алексеевна:

– Где-то часа в два-три ночи поезд остановился, и я выскочила из вагона. При этом сказала Вере Кручёнок, что не отстану от поезда, как-то подцеплюсь. Исцарапала спину, когда пролезала под вагонами. На маленькой станции сидел какой-то представительный начальник. Рассказала ему все. Спросив, из какого я вагона, приказал, чтобы никуда не отходила. Как же я могла оставить детей, ведь поезд мог уйти! Начальник заверил, что поезд пока не тронется. Минут через пять-десять он отправляет меня к своему вагону, а я говорю, что не пойду, могу погибнуть, а может уже и дети погибли. Он приказал идти. Я увидела красноармейцев с винтовками. Когда приблизились к вагону, мне приказали молча стоять в стороне. Подошли наши солдаты и прикладами постучали в дверь, раздвинули ее и приказали: «Выходи! Руки вверх, будем стрелять!» Диверсанты стали соскакивать на землю и по команде строиться около станционного скверика, оружие горкой складывали на дороге. Наши солдаты разрешили мне вернуться в вагон. Меня подхватили подруги, и все мы долго плакали. Уже стало светло, а наш состав все еще стоял, диверсантов снимали со всего эшелона. Мы многое пережили в эту ночь.

В начале седьмого или восьмого дня пути поезд остановился на какой-то большой станции. Через щель в дверях все прочитали надпись на стене вокзального здания: «Тамбов».

Наталья Алексеевна Королёва. 1970 г.

Королёва Наталья Алексеевна:

– На станции Тамбов мы все были удивлены и растроганы теплой встречей нашего эшелона. И теперь, через столько лет, нельзя без волнения об этом вспоминать. К нашему составу подбегали комсомольцы и прямо в вагоны, на платформы несли в больших кастрюлях горячую еду – борщ, мясо, а также хлеб и булки. Это была большая радость. Помогали кормить детей, спрашивали, откуда мы.

Тем временем к вагону подошли несколько солдат. Один из них держал на руках белокурого мальчика лет трех. Малыш доверчиво лънул к солдату, с готовностью отвечал на вопросы. Военнослужащие попросили Н. А. Королёву взять его в свою семью. На вопрос, откуда этот ребенок и как его имя, солдаты ответили, что это Коля Ромашкин из Беларуси. Подобрали его под Волковыском. Во время вражеской бомбежки осколками убило его мать и младшего брата. Коля, плача, ходил вокруг дерева, под которым лежали мать и брат, пока его не подобрали военнослужащие. Мальчика передали детсадовцам, оставили большой кусок сахара и немного продуктов. За время пути добавилось еще несколько детей. Все они были приняты в большую семью, стали близкими и родными³³.

Маленькие минчане все время высматривали на станциях своих родных. А Наташа выбегала на каждой остановке: найти воду, еду, спросить, куда едут. При возможности выводили детей. Ослабленные, они даже не хотели двигаться. Девушка рассказывала им о роди-

³³ Фонды Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны (ФБГМИВОВ). – Инв. № н/в 15096. – Л. 2–6.

телях – что знала, что помнила, а что выдумывала – каждому хотелось услышать о родных больше.

Наташа все время пересчитывала детей. Казалось, самое страшное – раздвинутые двери, мальчишки так и тянулись к ним. Взрослые или старшие девочки, поварихины дочери, не отходили от проема. Это было такое напряжение сил, что Шура уже потом, в Хвалынске, когда все было в прошлом, призналась Наташе: «Я сойду с ума. Я не выдержу. Очень устала». В Черемшанах Хвалынского района Шура стала работать медицинской сестрой в только что организованном военном госпитале. Больше Наташа ее не видела, но всю жизнь с тоской вспоминала. «Я очень ее любила. И сейчас мне ее не хватает».

Когда, наконец, приехали, то Наташу долго уговаривали сойти с поезда. Она подозрительно осматривалась. Какой-то полустанок, поле, лес. Наталия отрицательно качала головой, люди на платформе плакали: «Миленькие, выходите, уже приехали, теперь поезд пойдет назад, повезет новобранцев, видите, вон они прощаются с родными». Еле уговорили. Это был небольшой волжский городок Вольск Саратовской области на самом берегу Волги. Здесь их по-отечески встретили работники исполкома, отделов народного образования, здравоохранения, директор местной средней школы. Детей разместили в школьном здании, накормили вкусными домашними блюдами, душистым свежим хлебом. Перед сном малышей умыли. Местные жители принесли для них чистую одежду. После тяжелой и долгой дороги это был рай для детей и их воспитателей. Потом детсадовцев отвезли в Хвалынский Саратовской области, который находился на правом берегу Волги, в курортной зоне.

Там и пережили всю войну, делили со всеми невзгоды военного времени, вместе ждали Победу. И дождались этого светлого дня. А потом была дорога домой, на родную землю.

Алтухов Валентин Алексеевич – воспитанник детсада № 65:

– В 1941 г. мне было 3,5 года, так что начало войны и эвакуацию я не помню. Из детдомовской жизни память выхватила немного: подготовку посылок для фронта. Была куча шерсти. Мы, малыши, колотились над ней, очищали от разных ненужностей. Хорошего – мало: запах... Думалось: а чем я хуже старших мальчишек и девчонок? – тоже очень хотелось по мочь фронту, быть на перед нем крае: вязать носки и рукавицы. И – пробовал вязать. Случалось, руки были в кровавых царапинах от спиц...

А разве забудешь наших воспитателей и нянечек, каждая из них – сама доброта.

Еще помню, как перед отъездом на фронт в детдом приходили выпи санные из госпиталей военные. Это были трогательные встречи, бывало, облепим гостя, и каждый наказывает – встретить папу, сказать, что сынок его или дочка живы, что в Хвалынске сейчас, в детском доме. А еще за пом нилось лето 1944-го. В далекий город Хвалынский на Волге, где я воспитывал ся в детском доме, приехала за мной тетя, мамина сестра. Тетю я не узнал, и она меня не узнала. Я ведь и маму уже не помнил. При встрече тетя, по наказу мамы, перво-наперво взглянула на мой левый бок. Там была не смываемая примета: родимое пятно.

Валентин Алексеевич Алтухов. 1980 г.

– Валюшенька! – воскликнула она и крепко обняла. А слезы – градом...

Тем летом 1944-го война для меня и закончилась. Я – вновь в родном Минске. Город разбит, страшно, но – никто не стреляет. Под охраной наших бойцов фашисты такие смиренные – расчищают завалы.

А главное – рядом со мной снова мама.

В. А. Алтухов до ухода на пенсию работал слесарем Минского электротехнического завода им. В. И. Козлова. Мастер высочайшего класса – победитель Белорусского республиканского конкурса слесарей. Награжден медалью ВДНХ СССР³⁴.

Кулешов Владимир – воспитанник детсада № 65, в 1941 г. ему было 4 года:

– По сей день, встречаясь даже с совершенно незнакомым малышом, с ужасом представляю, что в таком-то возрасте я и увидел войну... Разве забудешь – сожженную дачу, долгую поездку в товарном вагоне. Частые остановки поезда... Если причиной остановки была бомбежка, воспитатели, помогая нам спрыгивать на землю, предупреждали: кучковаться опасно, и мы – врассыпную... А потом нас собирали...

Зимой 1942 г. меня хотели взять на воспитание: пришла в интернат женщина, беседовала со мной. И тут воспитательница Александра Ивановна сообщает, что меня разыскивают мои дорогие мама и папа. Было столько радости, но – по тянулись томительные дни ожидания – сутки, еще сутки, и еще сутки... Месяц!.. Заболел, лежал в больнице. Со мной в больнице был еще детдомовский мальчик. Он – скончался. Я так переживал: неужели и я умру, и мама с папой так и не увидят меня?

³⁴ Разин, В. Б. От Минска до Хвалынска: Дети Белоруссии на земле саратовской: 1941–1945 гг. – С. 128.

И вдруг, ма-ма!..

Она привезла с собой одежду, обувь, а главное – любимую мной матроску. Я еще не вырос из нее. К счастью! Переоделся, попрощался с пацанами и воспитательницами. И – прощай сиротство!

В тот же день, перед отъездом из Хвалынска, мы с мамой сфотографировались. И поныне эта фотография – самая волнующая³⁵.

После войны В. Д. Кулешов жил в г. Череповец Вологодской области, работал инженером-металлургом.

Владимир Кулешов с мамой

Сарви́ро (Хомич) таисия – воспитанница детсада № 65, г. Москва:

– Помню, во время бегства из родной Беларуси, в последующей жизни в Хвалынском детском доме я очень была привязана к воспитательнице Наталии Алексеевне Королёвой. Называла ее мамой. И эта любовь была искренней, на всю жизнь.

В начале 1944 г. меня разыскал отец, комиссованный из действующей армии по инвалидности. Он приехал за мной в детдом. Со слезами на глазах отец сообщил, что мама погибла во время эвакуации.

А я ему:

– Папа, а я нашла маму.

От этих слов его, кажется, покорило.

– Как нашла? – прошептал он. – Я – свидетель ее гибели.

– Подожди, – сказала я – и убежала.

Вернулась, держа за руку воспитательницу Наталию Алексеевну. Сказала:

– Смотри, папа, вот моя мама...

³⁵ Там же. – С. 142–143.

Папа с Наталией Алексеевной вступили в зарегистрированный брак. Мы всей семьей переехали в г. Энгельс (через Волгу, напротив Саратова), где после госпиталя папа устроился на работу в прокуратуру. Он – юрист по образованию.

После освобождения от фашистских захватчиков Минска мы вернулись в родной город.

В Минске Наталия Алексеевна «подарила» мне сестренку Таню. После окончания школы-десятилетки и успешной сдачи вступительных экзаменов во ВГИК (Всесоюзный государственный институт кинематографии) я переехала жить в Москву.

С сестренкой мы очень дружим. И хотя я живу в Москве, а она – в Минске, мы регулярно общаемся: переписываемся, как минимум раз в неделю разговариваем по телефону, два раза в год – встречаемся³⁶.

Даже после ухода на пенсию Т. А. Сарвино (Хомич) работала на «Мосфильме» в киностудии кинохроники. Постоянно сотрудничала с редакцией белорусского журнала «Вясёлка», публикуя рассказы для детей.

22 июня 1941 г. на летнюю дачу в Городище, что восточнее Минска, вывезли садик № 15 – 74 ребенка. Вместе с ними отдыхали 49 детей сотрудников Минского горисполкома. Зимой садик размещался по ул. Интернациональной. Заведующей садиком работала Янина Гавриловна Марцынкевич (Чучко). Обслуживали детей сотрудники Нина Исааковна Гелимсон, Дора Михайловна Хазанская, Елизавета Максимовна Войтешеня, Алина Павловна Володько, Ида Окунь, Хана Павловна Ривкина, Агафья Павловна Зимник, Софья Лапотко и Нина Ситамань.

В одном из детских садов, расположенных в Городище, находился и будущий автор книги «От Минска до Хвалынска» Владимир Разин, куда выехал на период «летней оздоровительной компании».

Разин Владимир Борисович:

– А мама... Она осталась в Минске.

В мирное время между Минском и Городищем расстояние пустынное, с железнодорожного вокзала, кажется, всего-то две или три остановки поезда. А в суматохе вражеского нашествия, бомбежек, пожаров, когда кругом лишь огонь...

На третий день войны, будто на безудержной волне цунами, уже зайкой, я был втиснут в вагон товарняка – и в путь. Но куда?.. В пока еще неизвестную мне «эвакуацию»...

Спустя свыше десяти дней и ночей, показавшихся вечностью, вместе со своей детсадовской пацанвой и воспитателями, да с прихваченными в пути вшами, совершенно опустошенным, я причалил на чужбине – к городу Хвалынску Саратовской области – к детскому дому.

А мама, как говорят и пишут, – «пропала без вести»... Но руки, ее руки я вижу подчас во сне и наяву. Они протянуты ко мне из дальних далей, со станции «Война» – тянутся, тянутся да вот никак обнять не могут...³⁷

25 июня все дети организованно были посажены в товарные вагоны, и состав двинулся в сторону Москвы. В этом же эшелоне эвакуировались на восток детские сады № 7, 20, 38, воспитанники которых летом отдыхали в районе станции Ратомка. Всего в эшелоне ехали 226 человек. Несмотря на тяжелый путь, бомбежки и обстрелы вражеской авиации, потерь среди ребят не было.

Эшелон дошел до Можайска, потом повернул на Мичуринск.

³⁶ Там же. – С. 118–120.

³⁷ Там же. – С. 19–20.

Владимир Борисович Разин

Марцынкевич (Чучко) Янина Гавриловна – директор детского сада № 15:

– Нас хорошо встретили комсомольцы со станции Сухиничи. Они при несли кашу, бутерброды и чай. Одна армейская часть дала нам мешок сухарей и ящик вяленой рыбы.

Дальше эшелон держал путь на волжский город Вольск. Там, как вспоминает директор детского сада, секретарь горкома партии оперативно организовал посадку детей на пароход «Парижская коммуна». Команда парохода приняла непосредственное участие в обслуживании детей, помогла сотрудникам их умыть, накормить и согреть душевным теплом.

В Хвалыинск пароход прибыл на рассвете 3 июля. Несмотря на раннее время, жители города уже ждали детей, тепло встречали. Всех ребят и сотрудников четырех минских садиков разместили в летнем доме отдыха «Просвещенец». Вскоре к ним присоединился минский детский сад № 65, который самостоятельно добирался из Ратомки.

На базе вышеназванных детских учреждений был создан детский дом № 7, директором которого стал бывший директор дома отдыха Николай Ильич Рыбалченко. Человек он доброжелательный, ласковый, проявлял особое внимание и заботу о детях и сотрудниках, за что весь коллектив детского дома № 7 очень его любил и уважал. Территория вокруг была очень ухоженная, располагающая к отдыху и спокойствию: много зелени, цветов, здания интересной архитектуры на берегу Волги. В корпусах имелись столовые, было очень чисто, в комнатах кровати большие – для взрослых.

Из минских сотрудников воспитательницами детского дома № 7 были Наталия Алексеевна Королёва, Янина Гавриловна Чучко, Нина Исааковна Гелимсон, Дора Михайловна Хазанская, Слава Андреевна Орловская, Елизавета Максимовна Войтешеня, Алина Павловна Володько, Рахиль Генриховна Хармац, Нина Ивановна Мазуренко, Рахиль Исааковна Айала, Белла Иосифовна Лазарава, Эсфирь Яковлевна Гельберштадт, Барценева, Ольга Лап-

цевич, Зимник, Лапотка, Хана Борисовна Рольбина (умерла во время строительства оборонительных сооружений), врач Мария Львовна Борисова и другие. В соответствующие учреждения сразу были поданы списки детей и сотрудников.

В «Просвещенце» дети прожили до осени. С наступлением холодов, поскольку дома отдыха были рассчитаны только на летнее время и не отапливались, детский дом № 7 переехал в г. Хвалынск, где его разместили по специально выделенным для этих целей учреждениям. Бывший сад № 65 разместился по ул. Советской, остальные сады (№ 7, 15, 20, 38) – по ул. Красноармейской, у самого берега Волги. Там же находилась и дирекция детского дома.

Детский дом жил и работал, как и подобает детскому учреждению с учетом военного времени. Воспитатели делали все, чтобы дети росли здоровыми и, по возможности, счастливыми.

Королёва Наталия Алексеевна:

– Новый 1942 год для детей сотрудники детдома сделали праздничным. Настоящие ели в той местности не растут, поэтому довелось наряжать сосну. Игрушки делали воспитатели. Сосна получилась шикарной, принесла много радости детям. На свои средства приобрели для детей скромные подарки. Помещение, где установили сосну, было красочно, со вкусом оформлено. Очень много сделала Янина Гавриловна Чучко, которая отличалась хорошим художественным вкусом. Под ее руководством воспитатели до поздней ночи рисовали, вырезали, красили, склеивали, развешивали. Было приятно слышать восхищение директора и других гостей, что такой красавицы-сосны они не видели никогда. Дети были хорошо подготовлены к празднику, выступали в костюмах, пели, читали стихотворения, играли в интересные игры.

Сотрудники детского дома жили одной жизнью со страной, помогали, чем могли, фронту. Райком партии доверил коллективу детского дома вязать фронтовикам перчатки, носки, шить кисеты. Воспитатели принимали активное участие в субботниках по задержанию на полях снега.

Гуль (Соскина) Лилия Борисовна – воспитывалась в минском детском саду № 7, в Хвалынске была определена в детский дом под таким же номером – семь. В 1941 г. ей было 8 лет:

– Из детдомовской жизни мне особо запомнились два случая: со сдачей кала на анализ и... встреча с мамой.

...Однажды для выявления «глистоперов» в интернате провели «мероприятие»: сдачу кала на анализ. Суть «мероприятия» состояла в том, что в одночасье всем было велено испражняться, но не в туалете, а на землю во дворе интерната.

Выдали: кому – пустые спичечные коробочки, кому – пузырьки, а кому – по клочку газеты.

Многие мальчишки и девчонки, не ощущая нужды в освобождении кишечника, воспользовавшись отсутствием во дворе взрослых, взяли кал у своих товарищей.

Результаты анализов оказались удручающими. В интернате объявили карантин. Только проведенная под строгим контролем воспитателей и нянечек повторная сдача кала выявила настоящих больных – их оказалось всего трое.

...Когда мне сказали, что приехала моя мама и ждет меня (в то время я была на берегу Волги), я сразу же бросилась к своему детскому дому. Открыла дверь комнаты интерната и увидела женщину, а рядом с ней – младшего братишку Леву. Не сразу, но узнала в этой женщине маму. «Мама! Мамочка! Наконец-то!» – я бросилась к родненькой, к братишке... С мамой мы плакали от радости встречи. Потом – всю ночь не смыкали глаз, смотрели друг на друга. Казалось, что все это сон, что стоит лишь закрыть глаза – мама исчезнет...

В Минск снова довелось возвращаться в товарном вагоне, и опять в эшелоне с солдатами. Но на сей раз обстановка была совершенно иной. Солдаты наперебой кормили нас хлебом, консервами и сгущенным молоком.

Когда мы оказались в Минске, то стало жутко: Минска-то и не было – кругом одни руины³⁸.

Соломянская Софья – воспитанница минского детского сада № 20, в Хвалынске была определена в детский дом № 1. В 1941 г. ей было 6 лет:

– Я помню наше нелегкое военное детство. Наш детский сад был где-то под Ратомкой. Помню бомбежки, как нас сажали по три человека под дерево в лесу и объясняли, что это военная игра, как ночью мы спали одетыми, готовые вскочить в любую минуту. Очень ясно передо мной стоят девять дней поездки в товарном вагоне. Духота, а нас из-за боязни потерять даже на стоянках не выводили на воздух. Исключение было лишь во время бомбежек.

Я была очень впечатлительным ребенком и ночами не спала: широко открытыми глазами смотрела вверх. А полки в вагонах, на которых мы спали, были из свежеструганных досок. Однажды мне насыпались опилки в глаза. Я ослепла. На каждой остановке меня выводили в медпункт, где промывали глаза. А из-за того, что я была на воздухе, дети мне завидовали.

И вот мы на земле саратовской.

Волга, тучи мошкары. Впервые в жизни я увидела пароход и впервые – плыла на нем. Помню, на пароходе нам устроили завтрак: дали манную кашу. Какой же она была вкусной!..

Потом – Хвалынск, дом отдыха «Просвещенец», затем – детский дом № 1, хотя почти все детсадовцы, которые находились в «Просвещенце», были переведены в новый дошкольный детский дом № 7. Ведь и мне было тогда лишь шесть лет.

В основе детдомовской жизни был физический труд. И это, с учетом военной обстановки, правильно. Но труд детдомовцев был подчас не по возрасту тяжелым: мы сами запасали хворост, рубили его, делали кизяки (топливо из навоза), летом работали на огороде около детдома. Самое трудное – носить воду из колонки (ведер не считано много). Помню и такое: ходили за семь километров (!) в поле, чтобы полоть горох и чечевицу или собирать колоски.

А разве забыть досаждающие нам болезни, особенно малярию и дизентерию. От дизентерии были и летальные исходы.

А побеги из детдома...

А можно ли забыть обувь: сверху – брезент, а подошва деревянная. Это – кошмар!..

А вечное желание чего-нибудь жевать?.. У нас даже свои поговорки были: «Лапшинка за лапшинкой бегают с дубинкой» – это по поводу супа; «Из-за хлеба Москву видать» – на стол подавали тоненькие-тоненькие ломтики.

И все-таки насущнее всего были передаваемые по радио сводки Совинформбюро. Едва раздавался знаменитый голос Левитана, как все группировались и застывали у радиоприемника.

Помнится и такое: дороги в Хвалынске были вымощены камнем. Летом – нестерпимая жара, камни – раскалены, а мы – босиком, приходилось не ходить, а прыгать.

Помню и необыкновенный патриотизм детей. В восемь-девять лет мы прекрасно разбирались в международном положении, следили за событиями на фронте. Особенно хорошо помню все события Сталинградской битвы. Будто политики, мы обсуждали проблемы открытия Второго фронта. Выступали с концертами в госпиталях. Для отправки на фронт вязали носки и варежки с двумя пальцами.

³⁸ Там же. – С. 121–122.

А как мы учились? Писали между строк на старых книгах, в чистых местах старых тетрадей. Один учебник был на двадцать детей. И ведь учились-то хорошо: «Каждая пятерка – удар по врагу» – таков был наш девиз.

А разве забыть принципы нашего самовоспитания (неписанные!): а) обещал – сделай; б) решили все – выполняй; в) взаимовыручка, взаимопонимание, поддержка. На этих принципах рождалась дружба, цену которой ощущали при наших встречах в Хвалынске и Минске, – слезы, объятия, долгие, непрерывные беседы, в последующем – письма, звонки, поездки друг к другу³⁹.

С. А. Соломянская с детским домом простилась после семи классов. В Хвалынске окончила педагогическое училище. Возвратилась в родной Минск, там училась в педагогическом институте, много лет до ухода на пенсию работала директором Дома пионеров.

В 1942 г. коллектив детдома № 7 оказывал помощь своим сослуживцам, эвакуированным из Ленинграда. Их разместили в школе № 3, где ди ректорам была белоруска, также эвакуированная Анна Семёновна Бельская.

Самое активное участие коллектив детского дома принимал в оказании помощи раненым бойцам и командирам Красной Армии. Сотрудники встречали пароходы с ранеными на пристани, помогали им сойти на берег, некоторых выносили на носилках и отправляли в госпиталь Черемшан. А дети постоянно выезжали в госпиталь, давали концерты для раненых. Это было очень волнующе: бойцы всегда с нетерпением ждали своих маленьких шефов. Дети рассказывали стихотворения, пели, танцевали, дарили фронтовикам рисунки, напоминая бойцам родные семьи.

Летом сотрудники детского дома регулярно выезжали на уборочные работы в местные колхозы. Об этом каждый раз писала районная газета, отмечая трудолюбие белорусских женщин. Особенно отличались Анна Балашова, Мария Далидович, Марфа Пустошило и другие сотрудники.

Королёва Наталия Алексеевна:

– Возвращаясь с работы в колхозе, мы всегда везли детям на быках несколько мешков подсолнухов в шапках. Дети с нетерпением ждали меня, на пальцах считали дни, когда приеду. Однажды довелось возвратиться поздно вечером, потому что по дороге распряглись быки, а мы, женщины, сами не могли с ними совладать. Дети спали, но, услышав мой голос, проснулись, как один заговорили. Я для них была родным человеком, а они для меня – еще роднее. Наперебой рассказывали, как себя вели. Выказав все, уснули, каждый с подсолнухом в руке. Жизнь нас сроднила⁴⁰.

Были и приятные минуты. Еще летом 1941 г. многих детей отыскивали родители, которым удалось эвакуироваться на восток, и увезли их с собой. Так, из детского сада № 65 забрали Сергея Позняка, Эрика Рутенберга, Бел лу Тышлер, Вову Колосовского, Альтманов, Валерия Беляцкого, Нину Голубь, Джемму Фриндланд и др.

В течение войны детский дом вел переписку с родителями, сражавшимися на фронтах Великой Отечественной войны. Многие раненые после выздоровления перед отправкой на фронт заезжали к детям. Так, к воспитаннице Лёле Тыманович зимой после лечения в госпитале приехал отец. Лёля была на седьмом небе от счастья, ей все завидовали.

Королёва Наталия Алексеевна

– С первого дня директору очень понравился наш приемыш Коля Ро машикин. Друг директора, человек известный в городе, по его совету решил усыновить парнишку. Своих детей у него не было, и мужчина усыновил мальчика, согласовав все необходимые вопросы и собрав документы. Мы представили ситуацию так: дескать, приехал папа Коли и заберет

³⁹ Там же. – С. 138–140.

⁴⁰ ФБГМИВОВ. – Инв. № н/в 15096. – Л. 9.

его домой. Наступил день, когда директор с приемным отцом пришли к нам в группу. Коля с радостью подошел к невысокому человеку и назвал его папой. Многие радовались за судьбу мальчика, а я долго не могла успокоиться. Очень сильно к нему привязалась и любила как родного. Бывало, на прогулке с детьми идем по улице, а он, как встретит военного в форме летчика, с восхищением говорит: «Мой папа также носил такую фуражку, ремень». Увидев рисунок летчика – настойчиво и убедительно скажет: «Как у моего папы». У приемных родителей Коле было хорошо⁴¹.

Каган Михаил – воспитанник Хвалынского детдома № 7:

– Несмотря на тяжелые годы войны, дети постоянно были окружены заботой и вниманием. И в этом большая заслуга воспитателей, которые отдавали нам всю теплоту своей души. Эти замечательные люди заменили ребятишкам родителей.

Особенно памятен был день 3 июля 1944 г. Тогда в Хвалынском детском доме был настоящий праздник. Впервые за все годы войны детей досыта накормили хлебом. «Кушайте, детки, кушайте! – повторяли сияющие от радости воспитатели. – Сегодня наши войска освободили от проклятых фашистов наш родной Минск».

3 июля 1944 г. в Хвалынск приехали первые сорок родителей из освобожденной Беларуси за своими детьми. Потом стали приезжать чаще. Одна ко значительная часть детей оставалась в детском доме, они возвратились в Минск осенью 1945 г. Воспитывались в разных детских учреждениях, в том числе и в тех, которыми руководили после войны Н. А. Королёва и Я. Г. Чучко.

Их воспитанница Лилия Анатольевна Пушкина стала врачом, работала в Минске. Этой же профессии посвятил себя и Валерий Александрович Чучко. Леонид Сергеевич Морщенок – инженер. Владимир Борисович Разин живет в Саратове, окончил юридический институт, работал в органах внутренних дел, а после ухода на пенсию нашел свое призвание в творческой литературной работе, издал более десятка книг о детях и для детей. В. Б. Разин – автор нескольких поэм, на его стихи композиторы написали музыку, создав несколько песен. Лилия Каплан работает товароведом в Хвалынске. Это все воспитанники бывшего детского сада № 15.

Самая дорогая вещь в доме Наталии Алексеевны Королёвой – письмо из Новосибирска, датированное 1981 г.:

«Дорогая Наталия Алексеевна! Среди спасенных Вами детей из Минска был и наш сын Вова. В начале войны ему было 3,5 года. Мама Вовы эвакуировалась со старшим сыном в Тамбовскую область, где и занималась поисками сына. На многочисленные запросы приходили отрицательные ответы, и наконец был получен счастливый: “Уважаемая товарищ Кулешова А. Е.! Ваш ребенок, Кулешов Вова, жив и здоров, в Хвалынске. Он посылает привет своей матери. Воспитательница ребенка Королёва Наталия Алексеевна”.

Радость матери безмерна. Отец был на фронте и не знал о судьбе своей семьи. Окончилась война, и мы все вместе оказались в Новосибирске, все благодаря и Вам, Наталия Алексеевна. Спасенный Вами мальчик Вова, сегодня Владимир, инженер-металлург, в настоящее время по приказу Родины работает за границей. Почти через 40 лет после большого нашего горя, мы шлем Вам, дорогая Наталия Алексеевна, низкий поклон... Профессор Даниил Азарович Кулешов и инженер Александра Евгеньевна Кулешова».

⁴¹ Там же. – Л. 10.

Нашли Н. А. Королёву по газетной статье. Дети, особенно маленькие, мало что запомнили. Джемме Григорьевне Фридман также было 3,5 года: она помнит какое-то пламя, вагон, чувство голода и что Наталию Алексеевну называла мамой. А потом, через год, приехала ее родная мать, нашла. Мать Гали Полянкой, сегодня известный биолог, профессор, пришла однажды к Наталии Алексеевне с цветами, чтобы поблагодарить за дочь. Благодаря усилиям чудесного человека, фронтовика Дмитрия Захарова, который собирал о хвалынских детдомовцах сведения, они встретились в начале 1980-х годов, написали коллективное ходатайство к белорусским властям о назначении своей общей маме Наташе персональной пенсии.

Живут в родном городе и многие воспитанники детского сада № 65. Среди них Софья Семёновна и Хана Семёновна Вольминские, Нона Шатитко, Галя Чаркун, Лёля Тымакевич и другие. Минчанка Лилия Борисовна Гуль (Соскина), эвакуированная вместе с минским детским садом № 7 и разысканная мамой в июле 1944 г., вернулась в родной город, окончила строительный техникум. До ухода на пенсию работала старшим архитектором Минского проектного института легкой промышленности.

Все они хорошо помнят свое военное детство и тех, кто не дал им пропасть в огненной буре войны.

Что такое подвиг? Думала ли Наташа о том, что то, что она делала тогда, – это героизм? Конечно, нет. Но выбор у нее был. Она могла остаться и ждать, а потом все жертвы списались бы на войну. Она могла уехать одна в конце концов. Через три дня после отъезда детдомовцев немецкие танки были уже в Минске. Ни один из шестидесяти вывезенных Н. А. Королёвой детей не погиб, никто не потерялся.

Чествование Н. А. Королёвой в посольстве Российской Федерации в Республике Беларусь. 1999 г.

А что же Родина? В 1992 г. Наталия Алексеевна пошла в собес, обратилась за помощью. Она принесла документы, старые статьи. Инспектор растерялся: «Отчего же вы раньше не обратились? Вы же заслужили награду!» В горсовете у председателя тряслись от волнения руки, когда он вручал ей медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Сейчас Наталия Алексеевна живет в двухкомнатной квартире на пятом этаже «хрущевки». Недавно в доме отремонтировали кровлю, которая протекала. При прокладке проводки рабочие нарушили стену ее квартиры, да так и оставили. В ЖЭСе ответили, что капитальный ремонт предусмотрен через 10 лет. Странно, как у нас умеют унижать человека. Живи, старуха, в полуразрушенной квартире да радуйся, что хоть такая есть. Квартиру ей когда-то выделил стройтрест № 4, в саду которого она проработала 25 лет. Строй трест мог бы и отремонтировать, но там уже и знать не знают, кто такая Королёва и отчего они должны для нее это делать?

А вот Дмитрий Федорович Аяцков знает. Саратовский губернатор, когда был в Минске, вручил Н. А. Королёвой почетный знак «За милосердие», чтобы вознаградить ее за спасение белорусских детей. Наталия Алексеевна все еще не может опомниться. Достает фотоснимки, вглядывается в лица красивых мужчин и женщин, какими стали ее малыши из детского сада, – плачет. Она говорит: «Мне теперь так хочется пожить!»

Хорошо все же, что награды находят тех, кто их заслужил. Хотя и довольно поздно. Пускай позаботятся о них. По-видимому, мы еще не поднялись на определенную ступень человеческой доброты. Накануне Дня Победы Владимир Борисович Разин, осиротевший мальчик из вагона Н. А. Королёвой, написал: «Для кого-то 9 Мая – торжество! А сироты, давно уже по седевшие, в этот день плачут. Их слезы вот уже столько лет никого не беспокоят. Их не слышат, ведь плачут сироты тихо».

У главных ворот бывшего «минского» детского дома № 7. Хвалы́нск, 1980 г.

Слово о замечательном завуче⁴²

Янина Гавриловна Марцынкевич (по мужу – Чучко) прибыла в Хвалы́нск 3 июля 1941 г. во главе коллектива сотрудников и воспитанников детского сада № 15 г. Минска, в котором до эвакуации работала заведующей. На работу в Хвалы́нске была определена в детский дом № 7 – сначала воспитателем, а с июля 1942 г. – заведующей учебной частью (завучем).

Из всех сотрудников детского дома № 7 Янина Гавриловна была самой яркой личностью, незаурядной, душой коллектива. Держалась с достоинством, но уж если улыбалась – светилась! К тому же она была весьма симпатичной: не слишком высокой, хрупкой на вид.

⁴² Записано В. Б. Разиным, печатается с небольшим сокращением.

Волосы темно-русые, туго стянутые в одну длинную косу, которая лежала то на груди, то за спиной.

В 1941 г. в Хвалыинск прибывали не только сироты, но и эвакуированные с фронтов раненые солдаты и офицеры, направленные в открывшиеся госпитали.

Янина Гавриловна понимала, что очень важно согреть души не только осиротевшей детворы, но и на время выбывших из строя фронтовиков, поэтому с первых дней создания госпиталей поспешила организовать из на шего детдомовского коллектива концертную бригаду.

Янина Гавриловна Марцынкевич (Чучко) – директор детского сада № 15

Дети – дошколята, мал мала меньше. И Янина Гавриловна внушала нам делать все, что в наших силах, для фронта, для Победы.

В годы войны тексты песен и стихов публиковались в каждом номере поступавших тогда к нам газет. По радио ежедневно исполнялись песни. Янина Гавриловна тщательно подбирала репертуар. С ней под аккомпанемент рояля (в детдоме и в госпиталях рояли были) мы пели любимые песни фронтовиков, среди которых и появившаяся в первые месяцы войны «В землянке» (музыка К. Листова на стихи А. Суркова), и давние песни Руси – «Варяг», «Там вдали за рекой»; разучивали и танцы.

Наша агитбригада, в которой и мне довелось состоять, была частым гостем в госпиталях.

Встречи – незабываемы... Нас слушали с каким-то содроганием; нам аплодировали даже перебинтованными руками; нас обнимали, целовали со слезами на глазах... Не обошлось и без подарков.

Однажды – такое разве забудешь? – нам подарили буханку белого хлеба, душистого! – так мы ту буханку тотчас же растерзали по кусочкам и на глазах дорогих слушателей съели.

Янина Гавриловна, выучившись новому для себя ремеслу – вязанию, учила этому и нас. Почти каждую неделю на фронт из детского дома отправлялась посылка с теплыми носками и необыкновенными, с двумя пальцами, варежками. Принесут, бывало, нам шерсть, а уж дальше – все сами. Кто – на очистке, кто – сучит нить на веретено, кто – вяжет: всем дел хватало.

Под ее наставничеством многие из нас, даже мальчишки, научились шить и расшивать кисеты. В посылках на фронт расшитые кисеты смотрелись очень здорово.

И в каждой отправленной на фронт посылке – письма. Сочинение писем – удивительное действо!.. Шум, крик – не от озорства – по вопросу серьезному. Дело в том, что каждому хотелось, чтобы и его слово было в письме. Писала за нас, конечно, Янина Гавриловна. Пишет, и каждую строчку читает вслух.

«...Дорогие бойцы, здравствуйте! Пишут Вам детдомовцы – дошколята из города на Волге Хвалынска на земле саратовской. Наши воспитатели говорят, что детям на фронте нечего делать, что мы должны помогать Красной Армии хорошими делами в тылу. И мы стараемся, чтобы Вы были довольны нами. Этим летом старшие из нас пропололи в колхозе “Россия” семь гектаров пшеницы. Мы участвовали и в ударниках по сбору колосков, за что получили благодарность.

Дорогие бойцы! Крепче бейте проклятых фашистов, гоните их с нашей земли...»

И так в каждом письме.

Особые споры, доходившие порой до временных обид, были потом, когда лишь пятерым предоставлялось право от имени коллектива интерната поставить под письмом свои подписи. Оно, безусловно, лучше бы всем разом подписаться под одним письмом, но ведь с бумагой было туговато, а нас слишком много. Вот и устанавливали очередность. Правда, посылок было столько! – чуть ли не каждую неделю по одной, так что письма от имени коллектива детдомовцев удостоверить своей подписью посчастливилось всем.

Эх, малыши-малыши, каждому невтерпеж проявить себя, пусть даже в подписи в письме на фронт, и не когда-нибудь, а непременно тотчас...

А подписи, как потом вспоминала Янина Гавриловна, были удивительные: то лишь одна четко или коряво выведенная буква, а за ней, в подражание взрослым, закорючки; то аккуратно выведенная фамилия, а то – и обведенный палец.

Ответные письма фронтовиков – тоже были праздниками, будоражили сиротские души.

Все мы, малыши, да и те, еще не ставшие сиротами, звали Янину Гавриловну мамой.

Детский дом – дошкольный. Первые «счастливыцы» должны были пойти в школу в сентябре 1942-го.

С июля того года в связи с подготовкой детей к школе Янина Гавриловна была назначена заведующей учебной частью (завучем) детского дома, а в августе 1944-го уехала в освобожденный от немецких захватчиков Минск.

Со слезами на глазах провожали ее до пристани сотрудники и детдомовцы.

По возвращении в Минск Янина Гавриловна стала работать в открывшейся музыкальной школе. Проработала там лет тридцать. Труд ее по достоинству был оценен присвоением почетного звания «Заслуженного учителя БССР»⁴³.

В Минске записали выборочно воспоминания Я. Г. Марцынкевич (Чучко). – Спасенных детей мы знали с трех лет, и знали их родителей. С первых дней войны мы жили одной семьей, и другой семьи у нас не было. Дети стали частью нашей жизни. Мы отдавали им все, что может подарить ребенку мать: ласку, внимание, заботу. Если ребенок заболел, мы не отходили от его кровати.

...Многие из нас, в том числе и я, жили при детдоме. Работали день и ночь. Две няни и два воспитателя были на 35–38 детей. В страдную пору в группе постоянно находились двое взрослых, так как другие двое, тоже постоянно, находились в колхозе.

...Несмотря на то что из сел Хвалынского района ушли на фронт многие колхозники, посевные площади в районе не сокращались, а поставки хлеба государству даже увеличились. Ушедших на фронт сельчан заменили детдомовцы. Мы сменами работали в закрепленных за детдомом колхозах. К труду в колхозе привлекали наших воспитанников с восьмилетнего возраста, в основном к прополке пшеницы. Несладка эта работа. Пшеничные поля были заросшие колючим осотом.

...Из города в колхоз и обратно ходили за много километров.

...Те, кто оставался с детьми в Хвалынске, обрабатывали при детдоме огород, сажали овощи и хлопотали по их выращиванию.

...Зимой с детьми ездили на лошадях через замерзшую Волгу на заготовку дров. Взрослые рубили дрова, а дети укладывали дрова в сани. Истопники не жалели дров. Во всех интернатах, несмотря на сильные морозы, было тепло.

...Неописуемы были сцены сдачи ребятишками крови для раненых, находящихся в госпиталях. «Мероприятия» эти не из приятных. Кровь сдавали и взрослые – сами тоже ведь полуголодные. А что делать – война и есть война, одна на всех.

...Трогательными были и посещения детского дома выписывающихся из госпиталей солдат и офицеров перед отправкой на фронт. Ребятишки висли на еще не очень крепких фронтовиках, настойчиво просили найти отца, мать и рассказать об их жизни в детдоме. Один солдат, помню, спросил: «Да где ж я найду твоего отца?» А в ответ: «Ты же солдат! А фронт, что детдом, кого хочешь найдешь».

...Детям-дошкольникам читали письма от родных с фронта. Читаешь, а у них – глазенки светятся.

...Бани своей в детдоме не было. Детей водили в городскую баню. От детдома она была далековато. Строй наш выглядел примерно так: няня

Надя Сушко тащит большой узел с детским бельем, а я несу кого-нибудь из малышей на руках. А за нами тянется шеренга детей-дошколят. Они держатся друг за друга, а первые – за мое платье. Все прохожие останавливались и с грустью смотрели на нас.

А сколько труда, пока всех детей перемоешь!

...От усталости порою слипались глаза. И все-таки, себя я чувствовала счастливой: такая богатая. У меня – столько детей!..

...Когда работала завучем, тоже забот хватало. Много времени отнимала различная переписка по розыску родителей детворы, по передаче детей хвалынцам и приедем, изъявившим желание взять сироту на воспитание.

...И мои двое детей находились вместе с детдомовскими. Было одно стремление, чтобы все дети были здоровыми, чтобы могли встретить День Победы⁴⁴.

⁴³ Разин, В. Б. От Минска до Хвалынска: Дети Белоруссии на земле саратовской: 1941–1945 гг. – С. 256–259.

⁴⁴ Там же. – С. 256–262.

И когда Янины Григорьевны не стало, среди провожавших ее в последний путь было немало бывших ее горячо любимых сыновей и дочерей.

Единственная?: детский сад № 8 г. Минска

Об эвакуации на восток страны минского детского сада № 8 мы пока совсем ничего не знаем. Не упоминается он и в различных списках и отчетах. В. Б. Разину удалось найти и записать воспоминания С. Д. Ковалёва, бывшего воспитанника пионерского лагеря в Ратомке, вывезенного в Хвалы́нск, воспитывавшегося в детском доме № 1, а с августа 1944 г. в детском доме № 7. Возможно, его воспоминания позволят воскресить еще одну трагическую историю детей войны.

Ковалёв С. д. – воспитанник:

– В 1980 г. в моей жизни произошло самое волнующее событие послевоенных лет: с разных концов Советского Союза в Хвалы́нск съехались степенные мужчины и женщины, бывшие в годину войны детдомовцами. Всех нас роднил не только Хвалы́нск, но и Беларусь, откуда мы были эвакуированы.

На встрече я испытал столько эмоций, сколько не испытывал за всю жизнь. Казалось, это было так давно, что прошлое скрыто где-то за семью замками, и вдруг... Один рассказывает, десятки – плачут...

В дни эвакуации мне было девять лет, а сестренке Нелле, тоже ставшей хвалы́нчанкой, – пять. К счастью, мы вдвоем после эвакуации оказались в Хвалы́нске, хотя добирались – порознь. Нас в конце концов в 1944-м судьба свела в один детский дом № 7.

Эвакуация сестренки – намного трагичней моей. То, что я пережил, по сравнению с ее бедами – цветочки, потому и вспоминать не хочется. А она – не перестаю удивляться: как она-то, пятилетняя кроха, устояла!.. Из всего садика, оставшись одинешенькой у сожженного фашистским летчиком железнодорожного вагона, – не растерялась, и это в пять лет!..

Выбралась из кутерьмы, да еще сохранила в памяти кровные фамилию, имя, название родного города и номер своего детского садика...

Сестренка уехала в эвакуацию вместе со своим минским садом № 8. В пути их эшелон дважды оказывался мишенью фашистского летчика. Кончилось тем, что из всего садика она осталась одна. Она настырно лезла в уходящие на восток другие эшелоны.

При приближении к Тамбову девочку допек голод, и, когда поезд остановился на станции, она рискнула – взяла да сбежала из вагона, но сон ее свалил, брякнулась на пол...

Очнулась в поезде. С незнакомыми детьми добралась до Саратова.

В эвакуопункте, принимавшем ее, ответила на все интересующие вопросы. Направили в Хвалы́нск, в седьмой детский дом. А я тоже был в Хвалы́нске, но в первом детском доме, эвакуировался из Ратомки Минской области с пионерлагерем...

Удивительной была наша встреча в Хвалы́нске. Сестренка пришла ко мне в первый детдом. Стоим на крыльце, гляжу на нее, явившуюся будто во сне, и не в силах сдержать слезы. Реву!.. А она, словно не младшая, а старшая сестра, – прижалась лицом к моей левой руке и шепчет: «Что плакать, Сёма, встретились, и ладно. Может, еще и маму с папой разыщем...»⁴⁵

Это пока и все, что мы знаем о минском детском саде № 8.

⁴⁵ Там же. – С. 122–124.

Опаленное детство: детский сад № 27 г. Минска

Об этом детском заведении мы тоже долгое время ничего не знали, не было сведений о его военной судьбе. Но отыскалась одна из воспитанниц.

Сморовская Марина – воспитанница минского детского сада № 27. С группой малышей и подростков из Беларуси оказалась на приемном эвакуопункте при железнодорожном вокзале Саратова в середине июля 1941 г. Направили ее сначала в Саратовский детский дом «Красный городок», а спустя два месяца оказалась в детском доме № 6 г. Хвалынска.

Вернулась в родной Минск в октябре 1944 г. Десятки лет, до ухода на пенсию, работала телефонисткой на городской телефонной станции.

Сморовская Марина:

– До войны я жила в Минске, ходила в детский сад № 27. Детей из нашего садика на третий или четвертый день войны посадили в товарный вагон. Едва отъехали от Минска, эшелон был атакован немецкими самолетами. По жар!.. Было так страшно: кто успел – выпрыгнул из вагона... Помню, бегу сломя голову, а куда бегу?.. Поймала меня женщина, тащит вновь к железнодорожному полотну. Я с ревом иду за ней неохотно, будто на поводу, и брюзжу:

– Пустите меня, я в лес хочу.

– Там – звери, – пугает меня женщина.

Я в ответ:

– А мне все равно.

Потом каким-то образом я оказалась в военном санитарном вагоне. И тут не повезло. И этот эшелон был разбит фашистскими летчиками. Кто успел – выпрыгнул из вагона, а кто не успел... Я оказалась в числе «счастливчиков».

Выпрыгивая из вагона, зацепилась за что-то, порвала платье. Выглядела не лучшим образом: скуластая, костистая, да еще в рванье. А в дальнейшем пути случилось всякое: шла пешком, ехала на повозке, в деревнях просила милостыню. Вновь оказалась в эшелоне, на сей раз с совершенно незнакомыми подростками из разных мест Беларуси. За пом нился мальчонка лет десяти с перебинтованной головой. Говорили, что он из Минска, что раненым его подобрали на железнодорожной станции. На некоторых остановках его выводили на перевязку.

С этой группой детворы я оказалась в середине июля 1941-го на эвакуопункте при железнодорожной станции Саратова...

Эпопея с поездкой по дорогам войны завершилась в маленьком приволжском городке – Хвалынске.

В 1941 г. в школу я так и не пошла. Опять – невезение. А все из-за чрезмерного наплыва детворы. В детском доме не сумели подготовить первоклашек к первому сентября.

Хвалынск запомнился необыкновенной тишиной, красками и очаровательным по весне запахом. Разумеется, запомнился и детский дом. В первую очередь дружбой ребят.

С огромным желанием я приезжала в Хвалынск на встречу с однокашниками по войне. Была на встречах в 1980 и 1982 гг.

Война есть война, всякое бывало. Что интересно, меня раза два пытались взять из детского дома местные жители, удочерить, но я категорически отказывалась, заявляя, что мне и в детском доме хорошо.

Я ждала маму, свою маму...

Но позади уже 1941, 1942, 1943 и 1944-й на исходе. И вдруг... Письмо!.. От мамы! От родненькой!.. Пришло второе письмо, третье. Я радовалась письмам, перечитывала их десятки раз, берегла, храня у изголовья кровати. Но когда приехала мама, случилось, каза-

лось, невообразимое. Я не узнала ее, не бросилась в объятия. Эта встреча поначалу казалась трагедией. Думалось: «Не обманывают ли меня? Кто на сей раз передо мной?.. Не очередная ли, желающая меня взять на воспитание тетя?» Боялась покидать детский дом, друзей. Мол, уйду, а что дальше? – ни детдома, ни друзей, ни мамы. Мама беседовала со мной подолгу, в течение целой недели, вспоминала и рассказывала об отдельных моментах из моего детства...

Наконец-то, 20 октября 1944 г. маме выдали на руки справку, заготовленную, как оказалось, еще 12 октября, т. е. неделю назад. В справке указывалось:

«Выдана настоящая Сморовской Марине в том, что она с довольствия детского дома снята с 20 октября 1944 года, ввиду отъезда к матери в г. Минск».

Эту справку как самую дорогую реликвию я хранила десятки лет и привезла с собой в Хвалыньск в 1980 г. на первую встречу детдомовцев войны⁴⁶.

⁴⁶ Там же. – С. 143–145.

Живи и помни: сад-изолятор № 43 г. Минска

Над землей занималось июньское утро. Шел третий день войны.

Пётр Васильевич Дыло после окончания медицинского института (1927 г.) возглавил сад-изолятор № 43, который находился по ул. Ямной (сейчас ул. Краснозвездная). Правда, сад этот был не совсем обычным, скорей специализированным. Здесь содержались и одно временно лечились дети, больные чесоткой и конъюнктивитом.

Пётр Васильевич спешил на работу. По радио объявили, что над Минском появились вражеские самолеты. А в яслях дети и дежурная медсестра Мария Иосифовна Адамович. Что она сможет сделать одна, когда налетят фашистские стервятники?

– Я с тобой, папа! – решительно заявила шестнадцатилетняя дочь Таня. – Мне все равно дома нет дела! – А ты куда? – спросил он у жены.

– В школу, – ответила Евгения Николаевна. – Со вчерашнего дня установлено круглосуточное дежурство. Сегодня моя очередь.

– Подождите чуть, – крикнула вслед Евгения Николаевна. – Послушайте, что я вам скажу. Помню, что еще в Гражданскую, выходя из дома, некоторые на всякий случай обменивались адресами. Все может случиться. Война есть война. Вдруг доведется разлучиться на многие дни или даже месяцы. Куда писать? У меня есть несколько адресов здесь, в Минске и в Борисове. Запишите их.

– Тогда запишите и адрес моей подруги Ольги Кирик, – вмешалась в их разговор Таня. – Помните, мы с ней учились с четвертого класса. Вы еще дружили с ее родителями. А после переезда ее семьи в Нижний Новгород мы с ней начали переписываться. Вот адрес.

Думали ли тогда взрослые, что ребенок, каким-то невообразимым чутьем, принял единственно правильное на тот момент решение? Как пригодился им вскоре тот адрес...

Часов около одиннадцати утра первые бомбы посыпались на мирный город. Вздрыбились земля, вспыхнули пожары.

Пётр Васильевич Дыло

Пётр Васильевич Дыло с женой

Вблизи двухэтажного здания сада-изолятора был подвал. Едва успели перевести туда детей, как все вокруг загрохотало, загремело. Застонала земля, задрожали бетонные стены – это во дворе дома разорвалась бомба.

Когда поутихло, вышли на улицу. Ужасающая картина открылась перед глазами. Здание засыпано песком и землей, битым кирпичом. Ни единого целого стекла. Столетний тополь, росший во дворе, рухнул, а рядом – огромная воронка от бомбы. Черные клубы дыма поднимались ввысь. Все вокруг было охвачено огнем.

Что теперь будет с малышами? Куда девать их? Эти мысли не давали покоя главному врачу и директору. Он попробовал было связаться с городским отделом здравоохранения. Но телефон молчал. И здесь больше нельзя оставаться. Здание и так чуть держится. К тому же снова могли налететь фашисты... Единственный выход – скорей вывезти детей за город, выхватить их из этого ада. Только на чем? А здесь еще прибежали врач и нянечки из соседнего Дома грудного ребенка, прихватив с собой детишек. Их так же не бросишь здесь.

Пётр Васильевич вышел на улицу. Мимо изредка проносились грузовики. Остановил один. Однако шофер категорически отказался помочь, ссылаясь на какое-то ответственное задание. То же было и со вторым, треть им... И тогда директор решил действовать иначе.

– Вот что, женщины, – обратился Дыло к медперсоналу и нянечкам. – Пока я буду разговаривать, вы усаживайте детей в кузов. А там увидим.

Показался большой грузовик. Пётр Васильевич, не слушая грозных сигналов, бросился едва ли не под колеса. Шофер вынужден был остановиться. Врач вскочил на подножку и начал что-то объяснять водителю. Пока тот уже в который раз доказывал, что едет выполнять какое-то важное поручение, женщины успели посадить почти половину детей. Увидев это, шофер махнул рукой, дескать, что с вами сделаешь, садитесь все, только скорей!

Через несколько минут в кузове было так тесно, что вещи пришлось оставить. В машину посадили малышкой Раю Адамович, Милу Снегирёву, Валю Махонь, Вову Карпенко, Колю Иванова и других. Потом «погрузили» маленьких пациентов Ларису Левкович, Женю Дерибо, Женю Саруль, Мишу Шульмана, Майю Андрееву, Алика Пинхасика, Сару Розенфельд, Зою Володину, Полю Шустерович, Лёню Синкевича, Мишу Свентаржицкого, Бори са Пресс, Геню Фишкину, Мотю Ротмана, Катю Микитенко, Витю Пусикова, Нелю Летунину, Фиру Русак, Алика Майкина, Жанну Жилинскую, Мишу Ключко, Валю Кривец, Тамару Литвинову, Ваню Кабермана, Женю Синякова, Нели Лопухину и других детей⁴⁷. Перед этим престарелая родственница известной артистки Марины Дмитриевны Троицкой привела двоих ее детей: Юру Дедовича и Ксению Троицкую. Сама артистка в это время была где-то на гастролях. Старушка попросила прихватить детей. Ведь сама она уже не может смотреть за ними, да и дом разбомбили. Взяли и этих. Всех набралось столько, что и прилечь негде было. Самых маленьких держали на руках. Так и двинулись в дорогу.

Минск пылал. Зловещие тучи дыма застилали небо. Иногда все происходящее напоминало какой-то жуткий сон, с одной только разницей, что сон этот не заканчивался.

Шофер вышел из кабины, осмотрел кузов, в котором находились более 60 детей и 14 взрослых. У него, по-видимому, было доброе сердце. Посмотрев на ребят, он махнул рукой, сел в кабину, и машина тронулась.

Вот и Могилевское шоссе. Оно забито народом. Словно человеческая река разлилась почти на всю ширину проезжей части. И конца не видно тому живому течению. За Тростенцом шофер хотел было остановить машину. Пётр Васильевич еле уговорил его доехать до ближайшего населенного пункта. Не выгружаться же с детьми в поле.

Вот и деревня Апчак. Она забита беженцами⁴⁸. У школы шофер остановил машину.

– Все! – решительно заявил он. – Или разгружайтесь, или я снова повезу назад в город, столько времени затратил. А меня же ждут. Если не выполню распоряжения, начальство по головке не погладит.

Подожли жители деревни. Помогли разместить детей в одной из школьных комнат. Кто соломы принес, кто одежду, кто хлеба, молока... Кое-как устроились на ночлег, накормили детей.

Тревожная, страшная ночь. На западе красные сполохи растекались по всему небосводу – горел большой город. Где-то там осталась мама. Что с нею? Таня еле сдерживала слезы.

Бодрствовал и Пётр Васильевич. Десятки раз перебирал в мыслях многие варианты. Нет, в городе оставаться нельзя. Хорошо, что удалось вывезти детей. Иначе бы погибли. Но надолго ли это затишье? Вражеские самолеты и сюда долетят. Фашисты никого не жалеют.

⁴⁷ Дыло, П. Это было в июне сорок первого / П. Дыло // Советская Белоруссия. – 1964. – 2 авг.; Забегай, М. Страницы найденного журнала / М. Забегай // Советское Зауралье (Курган). – 1964. – 11 сент.

⁴⁸ Кисина, З. Спаси и сохрани / М. Кисина // Медицинский вестн. – 2005. – 13 мая.

Сам видел, как их летчики расстреливали из пулеметов мирных людей. Значит, выход один: везти детей еще дальше, на восток. Но на чем? Нет машины. И в этой суматохе найти ее будет непросто. Беспокоила и судьба жены.

Утром 25 июня Пётр Васильевич начал искать транспорт. Зашел к председателю местного колхоза. Тот руками развел. Только лошади остались. Потом вспомнил, что вчера вечером в деревне объявился шофер из Минска. Будто по дороге у него разбомбили машину, а сам он каким-то образом остался живым.

Нашли шофера. Это был Михаил Денисович Марченко. Договорились вместе искать машину.

Уже хорошо припекало. По дороге на Смолевичи потянулись беженцы. Они прибывали и прибывали.

У колодца Дыло обратил внимание на женщину, которая сиротливо присела у замшевого сруба. Подошел поближе. Позвал. Женщина спохватилась, подняла голову. Всю жизнь потом Пётр Васильевич будет вспоминать это мгновение. Странная судьба! Еще несколько минут назад ему казалось, что она надолго, а может, и навсегда разлучила его с женой.

Это был первый за последние дни светлый лучик. Вспыхнул, осветил омраченные горем и бедой души. Каким образом Евгения Николаевна выбралась из пылающего города? Накануне побывала около сада. Горы кирпича. Плач и стон матерей. Сказали, что все там, под руинами... И пошла, куда глаза глядят. Почему пошла по этой дороге? Как остановилась в этой деревне? Счастливая случайность...

Перебросились каким-то десятком слов – и каждый за свое. Евгения Николаевна подалась в школу, помогать женщинам, а Пётр Васильевич с Марченко продолжили искать машину. Нашли какой-то старый грузовик. В обычных условиях на нем со двора не рискнули бы выехать, а здесь в дорогу... Но что же делать?

Пока шофер осматривал машину, мотор, кое-что подправлял, Пётр Васильевич взял ведро и пошел искать бензин. Возможно, военные выручат. Увидел командира, который стоял на перекрестке дорог. Объяснил, что к чему. Тот остановил грузовик и приказал шоферу налить бензина.

Уже и солнце зашло на небосводе. Детей необходимо было срочно вывозить на восток. С запада все слышней доносилась артиллерийская канонада.

– Смотрите, смотрите, – воскликнула вдруг Татьяна Дыло. – Парашютисты!

На фоне голубого неба кружили гитлеровские парашютисты. Они, правда, были пойманы и обезврежены, но этот случай еще больше насторожил Петра Васильевича⁴⁹. Наконец, в седьмом часу двинулись из деревни. Медленно, километр за километром они ехали по дороге.

Только часов в одиннадцать добрались в Смолевичи. Остановились у больницы. Весь медперсонал высыпал на улицу. Осмотрели детишек. Те, хоть и устали, держались.

И опять та же проблема: ждать здесь или двигаться дальше? Старый грузовик окончательно сдал. Что ни делал с ним Марченко, мотор так и не завелся. Выручили военные. Отдали почти новую машину, но со сломанным кузовом.

Почти всю ночь Дыло с Марченко провозились, пока заменили кузов. Зато теперь – гора с плеч. На такой машине можно хоть на край света. Запаслись бензином, кое-каким провиантом – и снова в дорогу. Здесь, в Смолевичах, подобрали Алика Малкина вместе с матерью. Большая семья еще увеличилась.

Вот и Борисов. Он также горел. А за городом происходило нечто жуткое. Над дорогой появились фашистские самолеты. Низко-низко, едва не цепляясь за верхушки придорожных деревьев, проносились они над землей, посыпая ее пулями. Что делалось с детьми! Их крики,

⁴⁹ Семянюк, М. Пад разрывамі бомбаў / М. Семянюк // Мінская праўда. – 1987. – 29 крас.

казалось, заглушали рев самолетов. Шофер гнал и гнал машину дальше, к недалекому уже лесу. Скорей туда, под зеленую сень деревьев.

27 июня прибыли в Ярцево. Там Михаил Денисович от усталости уже не мог выбраться из кабины. Пётр Васильевич едва оторвал его от руля, начал массажировать занемевшие пальцы. Единственное, что предложили ему: «Терпи, братец».

Машину окружили люди. Несли все, что было. Дети за дорогу очень ослабли. Особенно плохи были грудные младенцы. Начались кровавые поносы.

– Подержите моего малыша, – решительно сказала одна из женщин, передавая своего ребенка кому-то на руки. Потом взяла чужого и поднесла к груди. Малый жадно засосал. За ней молча взяли на руки маленьких подружки женщины с грудными детьми. В комок сжалось сердце врача. «Спасибо вам, дорогие», – шептали его обветренные губы. А слезы застилали глаза. Для грудных детей материнское молоко, хотя и чужое, было тем самым эликсиром, без которого они вряд ли бы выжили.

Недалеко от Смоленска дети и их спасатели задержались на трое суток. Здесь, в лесу, километрах в 15–20 от города, сопровождающие детей люди с тревогой наблюдали страшную картину пожарищ и столбов дыма над городом. Все попытки П. В. Дыло разместить детей и младенцев в учреждениях Смоленска окончились неудачей из-за сложной военной обстановки в городе, и мученики вынуждены были продолжать свой путь дальше на восток⁵⁰.

Дыло Татьяна Петровна:

– В райздраве города Ярцево, где мы остановились через несколько часов, нам посоветовали ехать в какой-то поселок, который расположен довольно далеко от шоссе и где, по словам местных жителей, можно будет пристроить наших детей. Мы послушались и поехали. Однако, чем дальше отъезжали от дороги, тем настойчивей мучила меня мысль о том, что, израсходовав топливо, мы потеряем возможность выбраться из этой глуши. Следует остановиться и, взвесив все за и против, принять окончательное решение. Начался дождь, и мы отвели детей в сарай, в котором, на нашу беду, протекала крыша. И мы, промокшие, вынуждены были вернуться в машину и провести там ночь. Утром наш грузовик поехал назад, в сторону шоссе и дальше на восток.

Стояла страшная жара – до 30 градусов. Ехали в мокрой одежде, сменить ее не могли, так как выехали из Минска без вещей. Одежда сохла прямо на тельцах детей и наших плечах. Мы радовались. Мы были счастливы, что, наконец, отделились от линии фронта и не слышали ни разрывов бомб, ни пулеметных очередей.

В Вязьме Михаил Марченко сказал категорически:

– Все, Пётр Васильевич! Дальше не могу. Я – военнообязанный. Мои товарищи на фронте. Сегодня же иду в военкомат.

И пошел. Провоевал почти четыре года, с боями дошел до Берлина.

Довелось идти к начальнику вокзала. С трудом, но выделили им вагон. Прицепили к эшелону. Обещали, что часа через три отправят. Хуже было с продуктами. Надо было хоть что-то достать в дорогу⁵¹. В Пензе на вокзале он опять пошел к начальству. Пока оформлял документы, поезд ушел. Бросился к дежурному по вокзалу. Там ему объяснили, что эшелон идет в Куйбышев. Добрался туда – ни поезда, ни вагона. С ним даже разговаривать не хотели. После кто-то сжалился, сообщили, что эшелон расформировали, а вагон прицепили к какому-то поезду. Ищи теперь.

Поехал в Саратов, устроился на работу. И только здесь вспомнил адрес, который дала ему дочь. Не откладывая, написал туда письмо. Начал ждать. А вдруг...

⁵⁰ Пыск, Н. За жизнь детей боролись / Н. Пыск, Ю. Яцкевич // Вестн. Белорус. гос. мед. ун-та. – 2005. – 4 июля.

⁵¹ Семенюк, Н. Трудный рейс / Н. Семенюк // Вечерний Минск. – 1986. – 14 марта.

Татьяна Петровна Дыло

Вагон с беженцами тем временем двигался на восток. Их цепляли то к одному, то к другому составу. Утратили счет дням.

Приехали в далекий город Курган. Там малышей определили в детский дом, туда же устроились на работу и те, кто сопровождал детей. Младенцев направили в Дом грудного ребенка.

Только для матери с дочерью приключения на этом не закончились. Паспорта же их остались у Петра Васильевича. А без документов, да еще в военное время... Словом, остались без работы, без средств к существованию и крыши над головой. Хорошо, что еще в городском отделе народного образования Евгении Николаевне как бывшей учительнице выдали небольшой аванс. Но вскоре от тех пятнадцати рублей остались копейки. Купив на последние гроши тарелку супа, Е. Н. Дыло со страхом думала о том, что ждет их завтра. И какое счастье! В этот же день почтальон принес телеграмму из Нижнего Новгорода. Подруга сообщала, что нашелся отец.

П. В. Дыло начал работать врачом-ординатором в кожно-венерологической клинике Томского медицинского института, заведовал горвендиспансером, преподавал в зубоврачебной школе. В 1943 г. по вызову Министерства здравоохранения БССР приехал в г. Ярославль, принимал непосредственное участие в возрождении Минского медицинского института. После освобождения Беларуси возвратился в родной город, где защитил диссертацию, стал кандидатом медицинских наук⁵².

⁵² Памяти Петра Васильевича Дыло // Здравоохранение Белоруссии. – 1987. – № 10. – С. 17.

Весь далекий путь от Минска до Кургана вместе с детьми были медсестры сада-изолятора № 43 Мария Иосифовна Адамович (после возвращения в родной город она долго работала в лучевом отделении 1-й Минской больницы). Татьяна Петровна Дыло работала врачом-гинекологом, преподавала в Минском медицинском училище № 2. Заведующая хозяйством яслей-изолятора Софья Наумовна Вишня в Абчаке встретила мужа, троих детей и внучку, но не осталась с ними, а поехала с детьми и до конца выполнила свой долг. По-матерински относилась к малышам работница яслей Мария Степановна Подпалистая (сейчас Ерошикова), Полина Каравая (место жительства неизвестно). Трудолюбивыми, добрыми и внимательными к детям были работницы Дома ребенка: врач Файнберг (имя, отчество, место жительства неизвестны), Галина Демьяновна Гришук (работала в гостинице «Минск»). Большую заботу об эвакуированных детях проявляли учительница школы № 4 г. Минска Евгения Николаевна Дыло, медицинская сестра Мария Немытькова (умерла в Кургане в 1942 г.).

– Всем этим работникам, – говорил П. В. Дыло, – приношу глубокое признание и до последних дней моей жизни буду помнить об их благородном подвиге⁵³.

Заведующая курганским Домом грудного ребенка Анна Дышкантюк вспоминала, как, приехав в город, три минчанки Мария Адамович, Мария Подпалистая и Татьяна Дыло сутками не отходили от малышей и часами держали их на руках.

Дышкантюк Анна – заведующая Домом грудного ребенка:

– Тяжелое это было время. Старый Дом грудного ребенка располагался в небольшом помещении. Когда прибыли белорусские дети, на них страшно было смотреть: кости, кожа да не по-детски серьезные лица.

Несмотря на невзгоды военного времени, на месте были приняты все меры, чтобы спасти детей. Переселили в более просторное помещение, выделили в наше распоряжение трех коров, лошадь на хозяйственные нужды. Детвора была окружена отеческой заботой и лаской⁵⁴.

В сентябре 1944 г. семья Дылов возвратилась в Минск. Пётр Васильевич сразу же обратился в Министерство здравоохранения БССР с просьбой вернуть детей из Кургана. Ему отказали, ведь за годы войны родители многих погибли. Почти год Пётр Васильевич, его жена и дочь писали и расклеивали по городу, особенно на домах по ул. Ямной, объявления. В них сообщалось, что дети, которые в июне 1941 г. лечились в саду-изоляторе № 43, живы. Семья Дылов оставляла на объявлениях свой адрес, но тогда откликнулись немногие. Позже к поисковой работе были подключены Министерство внутренних дел республики, белорусские средства массовой информации, Центральный архив Министерства обороны СССР. Удалось отыскать родителей нескольких детей. Но этого было очень мало. И тем не менее, это был тоже результат. Во-первых, где гарантия, что при тех колоссальных человеческих потерях, которые понесла страна за четыре военных года, смогли уцелеть родственники малышей? Во-вторых, надо признать, что наиболее активная часть поиска приходилась на то время, когда большинство довоенных жителей Минска продолжали оставаться за пределами республики и не могли в полной мере обладать той информацией, которая размещалась в белорусской печати. И последнее, попытки выйти на союзного читателя закончились безрезультатно. Последнюю такую попытку курганский журналист Михаил Забегай сделал в 1964 г. Он предложил тогда аджубеевским «Известиям» свой материал о спасенных детях. Думал, что многомиллионное издание сможет донести во все уголки Союза нужную информацию и поможет тем самым в поисках родителей и их детей. Но публикация не прошла. Поблагодарив автора за добротный очерк, а сотрудников яслей за их героические действия,

⁵³ Куц, Н. Поезд из сорок первого / Н. Куц // 7 дней. – 1995. – 6 сент.

⁵⁴ Забегай, М. Страницы найденного журнала / М. Забегай // Советское Зауралье (Курган). – 1964. – 11 сент.

московский журналист сделал короткое, но категорическое резюме: «Тема на сегодняшний день неактуальная».

Напомним, произошло это в период хрущевской «оттепели». Больше с просьбой о помощи к центральным изданиям никто из соратников Дыло не обращался.

Победу в Великой Отечественной войне называют всенародной. На нее работали все: старики и молодежь, атеисты и верующие, мужчины и женщины. Кто как мог и умел. Белорусский журналист Николай Куц метко и образно заметил (он также внес свой вклад в поиск детей сорок первого года):

«Я знал немало заслуженных людей, которые, не сделав на фронте ни единого выстрела, были тем не менее отмечены самыми высокими государственными наградами – за вклад в разгром врага. Знал немало слу чаев, когда человек всего одним поступком делал бессмертным свое имя. Инвалид с детства Пётр Дыло со своими помощниками сохранил их более шестидесяти. Как же отметило государство их подвиг? А никак. В это тяжело поверить, но ни один из команды Дыло не удостоен не только государственных наград, но и хорошего слова со стороны властей как союзных, так и республиканских».

Тихо оставили жизнь Пётр Васильевич и его жена Евгения Николаевна, не стало чудесного человека – шофера Михаила Денисовича Марченко. Он прошел всю войну, имел боевые ордена, а тот его первый и едва ли не главный подвиг летом сорок первого остался за кадром. Незвестной завершила свой земной путь Софья Наумовна Вишня.

На сегодняшний день в Минске живут некоторые участники той героической эпопеи. Живут скромно и тихо, как большинство пенсионеров. По-философски относятся к сложностям быта, стойко переносят болезни, которые дают знать о себе уже не первый год. На судьбу не жалуется, ни о каких привилегиях не думают. И только где-то в глубине души, как и у всякого нормального человека, осталось чувство горечи и обиды.

На то есть причины. Все попытки хоть как-нибудь помочь П. В. Дыло и его единомышленникам терпели неудачу за неудачей. Сначала этим делом занимался журналист Владимир Гойтан, потом к нему подключился один из спасенных детей, курганец Матвей Ротман. Наконец, в поход за спра ведливостью отправился ветеран войны, полковник в отставке Николай Семенюк. Куда только не приходилось обращаться этим людям: в Верховный Совет БССР и СССР, в горком партии и горисполком, к районным властям – везде глухо. В отделе наград Верховного Совета республики ходокам заявили, что, дескать, нет такой награды, которая предусматривала бы те обстоятельства, в которых оказались работники яслей-изолятора. В Мингорисполкоме откровенно намекнули, что «поезд Дыло ушел и теперь уже решить вопрос не представляется возможным»⁵⁵.

Это и намек, и упрек. Если бы был Пётр Васильевич человеком более ловким и хватким, он бы еще в сороковых годах порадел о себе и своих коллегах. Но Дыло проповедовал другие принципы и главным считал дело, а не решение личных задач. Тех же взглядов придерживается и его дочь. На вопрос о награде Татьяна Петровна ответила лаконично:

– Главная награда для нас – живые дети. Все оставшееся – мелочи.

Нет, что б ни говорили, а характер передается по наследству.

Как же сложилась судьба спасенных детей? Многих из них, кто остался без родителей, воспитало государство. Некоторых после войны нашли родные. Например, Виктор Яковлевич Пусиков и Валентин Игнатьевич Кривец работали шоферами в Минске. Свою дочь

⁵⁵ Куц, Н. Поезд из сорок первого.

Ларису из Кургана привезла в Минск Стефанида Бенедиктовна Левкович. М. Д. Троицкая встретила со своими детьми в Кургане еще в 1941 г.

Некоторые бывшие воспитанники нашли свою вторую родину в Кургане, других городах России. Нередко в Дом грудного ребенка приходили местные жители и забирали в свои семьи детей. Просили отдать хотя бы на время, уверяя, что вернут малыша, как только отыщутся родители, что в семье будет ему лучше. И это несмотря на суровые условия военного времени. Какое же благородное сердце у русской женщины!

Взяла на воспитание мальчика и Ирина Петровна Верховская.

Верховская Ирина Петровна:

– На самом деле я воспитала приемного сына, Юрием зовут, – рассказала И. П. Верховская, – семерых сама родила, этот восьмым был. Помню, зашла в Дом ребенка маленьких отведать, взяла на руки Юрку, а он припал к груди. Так и пошла домой. Можно ли отрывать его от материнского молока? Вырастила мужчину. В люди вывела. Сейчас на бетонном заводе работает. Недавно сам отцом стал.

Майя Андреева была отдана на патронат семье Михаила Ивановича Усольцева. После войны они выехали из Кургана, и девочка с ними. Мы не стали искать Майю, достаточно было узнать, что с помощью добрых людей она вышла на самостоятельный жизненный путь.

Бывшая учительница школы № 11 г. Кургана Анна Дмитриевна Серовикова взяла на воспитание Мишу Свенторжицкого.

Серовикова Анна Дмитриевна:

– Сколько лет прошло. Вот здесь стояла его кровать, – рассказывала Анна Дмитриевна. – Быстрый был малый. Около года прожил в нашем доме.

Сейчас Михаил Свенторжицкий живет в г. Барановичи.

Через сорок лет после войны встретился Борис През со своей матерью. Все это время мать неутомимо искала сына. Теперь бывший воспитанник живет и работает в Хабаровском крае. Несколько раз приезжал в Минск Матвей Ротман, рабочий из Кургана. Его усыновила сотрудница Курганского Дома ребенка Анна Наумова⁵⁶. Там живут и некоторые другие воспитанники из Минска.

Боль все годы не отпускает тех, кто утратил в военном ненастье своих родителей, детей. И все это время люди ищут своих родных. Надеются...

...В кабинет Александра Михайловича Деревянко, сотрудника Министерства внутренних дел, зашла женщина. В глазах – невысказанная боль, тревога, а еще столько усталости. И слезы...

– Слушаю вас, – еще раз обратился Деревянко, приглашая женщину к разговору.

– Думала, что все уже выплакала тогда, – растерянно развела она руками. – Да вот опять откуда-то взялись. Не знаю, с чего начать. Фамилия моя Цимбай, зовут Марией Осиповой. Живу в Минске. На днях попалась мне на глаза заметка в «Вечернем Минске». Так впервые узнала, что дети в яслях тогда, в сорок первом, не погибли. Оказывается, их вывезли на восток. Среди эвакуированных, наверно, находился и мой сын Борис. А я считала его погибшим...⁵⁷

Война ворвалась в жизнь минчанки Марии Осиповны Цимбай, как и в миллионы других жизней. Июньским днем она отвела трехлетнего сына в сад по ул. Ямной (Борис болел трахомой).

⁵⁶ Невядомаў, Н. Жыві і помні / Н. Невядомаў // Чырвоная змена. – 1984. – 4 крас.

⁵⁷ Деревянко, А. Через 39 лет / А. Деревянко // На страже Октября. – 1980. – 3 окт.

На третий день войны, когда женщина возвращалась с работы, Минск пылал. Прежде всего – к сыну. Как он там? Вот и знакомая улица. И вдруг ноги будто приросли к земле. Где же ясли? На месте двухэтажного дома зияла огромная воронка. На дне еще клубился дым.

– Борис! Сыночек! – воскликнула женщина и как подкошенная рухнула на землю.

В тот день беда постигла многих. А вскоре в город пришли фашисты. Она расспрашивала у жителей ближайших кварталов, не видел ли кто-нибудь детей? Нет, не видели. В здание попала большая бомба. Скорее всего, они остались там...

Цимбай Мария Осиповна:

– Вот так война почти в первые же дни забрала у меня сына. Когда Минск освободили, я продолжала поиск. Но безрезультатно. Потом у меня родилась дочь Валентина. И вот недавно прочла в газете, что дети были эвакуированы в г. Курган. А вдруг Борис живой? Знаю, что отыскать его через столько лет – дело почти невозможное. Три дня не могла успокоиться. Столько передумала. И вот не выдержала, пришла к вам за советом. Поймите меня правильно. Я же мать...

Александр Михайлович внимательно слушал женщину, делал необходимые пометки. Сколько людей обращаются за помощью в Министерство внутренних дел, просят кого-нибудь отыскать. Как правило, имеются точные данные. В первую очередь, где и когда родился, жил, работал. В данном случае только фамилия и имя. Следы затерялись более сорока лет назад (разговор происходил в начале восьмидесятых годов). Война вон как перевернула человеческие судьбы... Вывезли в Курган, разместили в детском доме. Только был ли там Борис През?

Деревянко хотелось помочь женщине в ее горе. Найти сына, которого забрала проклятая война. Только как?

Начались поиски. Нашелся Пётр Васильевич Дыло и члены его семьи. Через несколько дней Александр Михайлович подготовил письмо на имя заместителя начальника управления по поискам исполкома Союза Товариществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР.

«По просьбе гражданки Цымбай М. В., 1912 года рождения, которая проживает в городе Минске, улице Коржа, дом 5, квартира 29, мы разыскиваем ее сына Преза (Пресса) Бориса Антоновича, 1938 года рождения, который находился перед войной на лечении в яслях-изоляторе № 43 по улице Ямная города Минска. Согласно с напечатанным материалом бывшего врача сада-изолятора П. В. Дыло, Борис През был вывезен в город Курган и помещен в один из детских домов. Просим проверить и сообщить, какие у вас есть сведения по этому делу».

Почему он обратился за помощью в исполком Союза Товариществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР? Давно налажены тесные связи с этим учреждением. Происходил обмен необходимой информацией, сведениями о поисках людей. Может, у них есть данные насчет сада-изолятора или детского дома в Кургане, где воспитывались маленькие беженцы? А двойное написание фамилии сделал умышленно. Допустил, что во время переписи детей «з» могли изменить на «с».

Примерно такого же содержания письмо А. М. Деревянко подготовил и на имя начальника паспортного отдела Управления внутренних дел Курганского облисполкома. В частности, просил сообщить, в какие детские дома были направлены эвакуированные дети, и среди них През (Пресс) Борис.

Быстро пришло сообщение из Кургана. В краткой, всего несколько машинописных строк, записке сообщалось следующее:

«Необходимый Вам През (Пресс) Борис Антонович, 1938 года рождения, по бюро прописки не значится».

И несколько строк от руки:

«В архиве сектора учета детских домов облоно През (Пресс) Б. А. с 1941 по 1945 годы по Курганской области не значится».

А вскоре приблизительно такого же содержания ответ пришел и из Москвы.

Конец надеждам? Немало довелось А. М. Деревянко получать вот таких лаконичных сообщений: «Адресат не значится». А может, это начало? Отсутствуют в одном месте, значит, надо искать в другом. Сколько раз, казалось, совсем в безнадежных ситуациях вспыхивал огонек надежды. Возможно, и здесь не все потеряно. Надо ждать ответа на другие письма.

А. М. Деревянко посмотрел на обратный адрес, на штемпель. Вероятно, произошла ошибка, могли и просмотреть курганские товарищи необходимую фамилию. Словом, время покажет, что к чему. Такая уж у них служба. А вдруг Борис живет в соседней Челябинской области? Когда-то Курган входил в ее состав. Пошли письма в Челябинск, Пермь и другие города. И повторное – в Курган, на этот раз на адрес городского отдела здравоохранения:

«Просим проверить по журналу учета детей за 1942–1944 гг. и сообщить нам, в какой детский дом был переведен През (Пресс) Борис».

Наконец пришло первое обнадеживающее письмо:

«Сообщаем, что по данным архива Курганского облоно значится Пресс Борис Михайлович, 9 мая 1939 года рождения, который находился в Довговском детском доме Долматовского района. 25 апреля 1951 года направлен на учебу в ремесленное училище № 23 города Чебаркуль Челябинской области».

Откуда мог знать А. М. Деревянко, что не только милиция ищет Бориса Преза. Делом заинтересовался журналист областной газеты «Советское Зауралье» М. Забегай. Пока сотрудники паспортного отдела Министерства внутренних дел БССР переписывались с курганскими коллегами, в областной газете был помещен очерк М. Забегая «Дети войны», в котором рассказывалось о том, как были эвакуированы из Минска воспитанники сада-изолятора, с какой сердечной теплотой встречали их жители Кургана.

Рассказ журналиста взволновал многих. С еще большей активностью сотрудники разных учреждений Кургана и области включились в поиски Бориса Преза. Но об этом Александр Михайлович узнал позже.

Пришли ответы на запросы. Значит, рано или поздно они докопаются до истины. Получено конкретное подтверждение тому, что юные минчане, и среди них Борис През, воспитывались в детском доме. Смущало, что заменены не только фамилия (През – Пресс), но и отчество: разыскивался Антонович, а здесь Михайлович. Есть расхождения и в годе рождения: 1938 г. и 9 мая 1939 г.

Словом, письмо из Кургана добавило загадок. Но какие сведения мог ли быть записаны со слов ребенка? И что конкретно мог сказать трехлетний малыш? Хорошо, что хоть имя и фамилию запомнил. Интуиция под сказывала А. М. Деревянко, что это и есть тот самый Борис.

Не откладывая, Александр Михайлович пишет в Отдел внутренних дел Чебаркульского горисполкома, просит сообщить, куда направлен после учебы Борис Пресс. И опять потекли дни, недели.

Через месяц на столе Деревянко лежал ответ из Чебаркуля:

«Б. М. Пресс в 1956 г. окончил училище и получил распределение на одно из предприятий Челябинска»⁵⁸.

И снова Челябинск. Казалось, поиск вот-вот окончится, но ответ из Челябинска еще больше запутал дело. Сообщалось, что Борис Пресс на самом деле работал на заводе. Но в 1958 г. был призван в ряды Советской Армии, где служил до 1961 г. Теперь ни в городе, ни в области не проживает.

Прошло несколько месяцев. Однако дело Бориса Пресса оставалось незаконченным. Непосредственный руководитель Деревянко на дело наложил резолюцию: «Прошу изучить весь материал и дать заключение о целесообразности дальнейшего поиска».

– Искать! – твердо ответил Александр Михайлович. – Мы же обещали, что сделаем все возможное. Да и дело достойно того, чтобы довести до конца. Сколько горя людского связано с ним.

– Тогда, что конкретно думаешь делать?

– Необходимо обратиться в Центральный архив Советской Армии. Там должны сохраняться данные.

Осень на дворе. Когда же окончится эта бесконечная переписка? Все чаще Деревянко ловил вопросительные взгляды сослуживцев: дескать, ищешь ветра в поле. Были и сомнения: а вдруг напрасные надежды? Может, это совсем другой Борис? Но Деревянко гнал вон сомнения. Верил в успех даже тогда, когда, казалось, рухнула последняя надежда. Опыт, интуиция подсказывали: он на верном пути.

В ноябре на имя начальника Центрального архива Министерства обороны СССР пришло письмо. А через несколько недель получили ответ, что Б. М. Пресс в декабре 1961 г. был уволен в запас и отбыл в Челябинск. Однако и на этот раз судьба будто бы насмеялась: сведения из райвоенкомата не добавили ясности. На самом деле, сообщалось в письме, после службы Борис Пресс возвратился в Челябинск. Однако ненадолго. Вскоре он куда-то уехал.

И опять письма понеслись в разные стороны. Опять недели, месяцы ожидания. И только в марте – ровно через год со дня начала поиска – из Управления внутренних дел Хабаровского крайисполкома пришел долгожданный ответ:

«Борис Михайлович Пресс, 1939 года рождения, с 16. 10.1978 года проживает в Хабаровском крае, поселок Ванино, улица Портовая, дом 6, кв. 57».

Теперь необходимо узнать самое главное: тот ли это Борис Пресс, которого ищут? Вдруг совсем другой человек? Александр Михайлович написал начальнику Ванинского райотдела милиции. Кажется, никогда так не волновался. Сообщил, когда, где затерялся след мальчика. Попросил обязательно встретиться с Борисом, подробно расспросить его, проверить все биографические данные.

Разгар лета. По графику надо собираться в отпуск. Но о каком отдыхе может идти речь, если вот-вот должен прийти ответ. Наконец – долгожданное письмо! В нем записка от Бориса Михайловича Пресса.

Незнакомый человек писал, что очень плохо помнит детство. В памяти только, что его долго-долго везли в автомашине. Знает свою фамилию и имя. Жил в Новоухновском детском доме. Потому и в метрике написали, что родился в Новом Юхновце. Во втором классе ему дали отчество – Михайлович. А год рождения записали примерно – 1939. Что касается дня рождения, то он также условный – 9 мая, в честь Дня Победы. Сообщил и о том, что долгое время болел трахомой.

⁵⁸ Гойтан, У. Пошук / У. Гойтан // Звезда. – 1983. – 11 жн.

Еще и еще раз Александр Михайлович перечитывал письмо. Сомнений больше не было. Отыскался, наконец, тот самый Борис През. Мальчика с самого ада войны выхватили в июне 1941 г. Пётр Васильевич Дыло и его соратники, а потом отвезли в далекий Курган, где незнакомые люди встретили и обогрели как родного. Подтвердились догадки насчет возможной ошибки в фамилии. Как предложил мальчик, так и записали.

А как же мать? К этому времени она успела переехать к дочери в Ри гу. И Александр Михайлович Деревянко сел писать письма: матери – в Ригу, сыну – в Хабаровский край⁵⁹.

Всю жизнь надеялась найти своего сына – Мишу Ключко и работница минской кондитерской фабрики Ванда Ивановна Стречень. В первые годы войны она потеряла двух детей. Дочь нашлась, а двухлетний Миша, который находился в саду-изоляторе № 43, пропал. В. И. Стречень написала письмо в редакцию курганской областной газеты «Советское Зауралье».

– Дорогая редакция, – просила Ванда Ивановна, – может быть, вам удастся что-либо разузнать о моем мальчике. Очень-очень прошу помочь найти моего сына.

Большую работу по поиску Миши Ключко провел уже известный нам журналист курганской областной газеты М. Забегай. Он обратился с запросом в разные организации своей области.

В Доме ребенка нашелся «Журнал движения детей курганского Дома ребенка за 1942–1944 гг.» Если верить записям, то напротив Миши Ключко значится: «Умер от осложнения кори в г. Челябинске в январе 1942 г.»

– Мы туда детей никогда не отправляли, – говорила Анна Андреевна Дышкантюк. Главный врач Курганской городской больницы С. И. Тульчинский сообщил:

«Согласно книге регистрации больных, которые находились на лечении в Курганской городской больнице, за 1941 год зарегистрирован Клейко Миша 2-х лет, воспитанник. Дата 20 октября 1941 года, диагноз ветряная оспа, кровавка, выпадение прямой кишки».

Фамилия Клейко, а идут поиски Ключко. Не совпадает дата смерти. Также в журнале значится, что мальчик умер в Челябинске, больница утверждает – в Кургане.

Ответ должен был дать ЗАГС.

– Нет, в октябре 1941 г. смерть Миши Ключко не зарегистрирована, – ответили из курганского ЗАГСа. Не значится мальчик и среди умерших в Челябинске.

Клейко. А ищем Ключко. Допустим, что это неточность записи. А почему не совпадают дата и место смерти? Не кроется ли за такой путаницей людская трагедия и тайна? Мы знаем немало примеров, когда дети, зарегистрированные как умершие, потом находились. А кто знает, может это как раз тот случай⁶⁰.

Ванда Ивановна Стречень не так давно умерла. Сегодня очень надеется найти своего брата сестра Миши Ключко Мария Владимировна Иодо, жительница г. Минска, которая в годы войны была эвакуирована со своим детским учреждением в Саратовскую область.

Спасенные живут и помнят о тех, кому обязаны жизнью. Часто в Минск в дом по ул. Красноармейской, где жил П. В. Дыло, приходят письма. Письма-исповеди, письма-размышления, письма, в которых так много душевной теплоты и уважения. И почти в каждом строки: «Дорогие Пётр Васильевич и Татьяна Петровна, Вы подарили нам жизнь. Где найти нужные слова, чтобы высказать нашу признательность Вам?..»

Есть ли в мире что-то дороже жизни?

⁵⁹ Гойтан, В. В. И вечный бой / В. В. Гойтан. – Минск, 1989. – С. 56–58, 64–66.

⁶⁰ Забегай, М. Это было в июне сорок первого. В дополнение к напечатанному / М. Забегай // Советская Белоруссия. – 1964. – 10 окт.

Долгая дорога в Бугуруслан: дошкольный детский дом № 4 г. Витебска

Внезапно пришлось сниматься с родных мест и коллективу Витебского детского дома № 4, директором которого работала Елизавета Трофимовна Разумовская (Молоткова).

Детский дом располагался рядом со сквером и памятником героям Отечественной войны 1812 г. Под руководством Е. Т. Разумовской (Молотковой) детский дом превратился в хорошо организованное детское учреждение: имел благоустроенное жилое помещение, прекрасный сад с яблонями, грушами, вишнями, кустами смородины, крыжовника и малины. В детском доме наряду с детьми-сиротами росли и воспитывались и дети «врагов народа».

Молоткова Ирина Николаевна – дочь директора, проживает в Витебске:

– Когда началась война, мы думали, продлится этот ужас недельку, две. В один из дней мы рано встали, позавтракали. Отец был мобилизован на фронт. Мама достала семейный альбом с фотографиями, мы рассматривали снимки, на которых были все вместе. А потом стали собираться.

Елизавета Трофимовна Разумовская (Молоткова)

На вокзале нас ждал поезд: детский дом вывозили за город и мы должны были ехать одним эшелоном. Но тут моя старшая сестра Нина заупрямилась. Она была комсомольской активисткой и заявила, что останется в Витебске, а если город не удастся отстоять, уйдет в партизанский отряд. Чуть уговорили ее ехать с нами. Когда добрались до вокзала, началась

бомбежка. Мы попрятались под вагонами. Земля тряслась, я дрожала и думала: только бы бомба не попала. А воспитатели, слышала, молились⁶¹.

Логинова Зинаида Ароновна – воспитанница детдома, проживает в Витебске:

– Когда началась война, мне было 10 лет. Родители отправили меня в пионерский лагерь недалеко от Витебска. Мой отец работал директором спецдетдома № 9 в Витебске, но когда меня привезли в город, моих родителей, детского дома уже не было. Их вывезли на восток. Я могла потеряться, если бы меня не забрала Елизавета Трофимовна в эшелон с детьми детдома № 4. Так я попала в эвакуацию. Отец разыскал меня через год...⁶²

Ирина Николаевна Молоткова

Молоткова Ирина Николаевна:

– Мы не знали, куда едем. Даже из дома ничего не прихватили. Думали, переждем бомбежку за городом и вернемся назад.

Поезд после небольшой остановки продолжал мчаться на восток. На подъезде к Смоленску его еще раз попытались обстрелять немецкие самолеты.

Молоткова Ирина Николаевна:

– Мама, помню, быстренько вывела всех из вагонов и мы укрылись в кустарнике. Тогда стало понятно – это путешествие будет долгим.

⁶¹ Корбут, В. Последний эшелон / В. Корбут // Советская Белоруссия. – 2006. – 5 окт.

⁶² Логинова, З. Последний эшелон / З. Логинова, В. Корбут // Советская Белоруссия. – 2006. – 25 окт.

Две недели витебские ребята, их воспитатели, семья Молотковых добирались до Бугуруслана – городка Чкаловской, а ныне – Оренбургской области. Из еды была только сушеная рыба, поэтому детей и сопровождающих мучила жестокая жажда. Всем казалось, останемся в живых, доедем до конца нескончаемого пути – выпьем по целой бочке воды.

Но в Бугуруслане витебчан ждали не с хлебом-солью. Директору детдома уже на перроне объявили, что детский дом расформируется. Якобы нет смысла и возможностей сохранить его в прежнем виде, так как никто не сможет взять его на содержание «отдельной строкой».

Елизавета Трофимовна попросила несколько дней, чтобы подумать, прежде чем дать согласие. Но в душе женщина понимала: согласись она с этим – все годы, положенные на то, чтобы не дать вспомнить детям об их прошлом, вернуть ее детей к настоящей жизни, пойдут прахом. Хватит этой проклятой войны... И поехала в областной центр. Ей удалось убедить чкаловское начальство не расформировывать детский дом. Вот только довелось уехать из Бугуруслана в село Коровино. Там местный колхоз выделил для размещения детей здание местной школы.

Молоткова Ирина Николаевна:

– Когда мы добрались на нашу вторую родину, местные жители встретили нас едой, одеждой. Арбузы, дыни, самое главное лакомство – конопля, ее жарили и, как семечки, лутили.

Директор договорилась с колхозом, и сельчане поделились с детским домом (а на это уже была и команда сверху): выделили лошадей, коров, свиней. Помощи из райцентра, чтобы прокормить всю большую семью, было мало. Вскоре дети стали работать вместе со своими воспитателями на огородах, старшие пасли скот.

Молоткова Ирина Николаевна:

– А еще поля у нас были огромные. И когда местные ели хлеб с лебедой, мы питались довольно-таки сносно.

Хлеб насущный, впрочем, тоже не каждый день был сытный.

Молоткова Ирина Николаевна:

– Порой приходилось довольствоваться пшеницей в чугушке, запаренной без соли и жира, чтобы только желудки наполнить. Мы же и план должны были выполнять по сдаче продукции. Только остатки мяса и молока шли на стол.

Директор и воспитатели детского дома старались сделать все, чтобы хоть как-то дать детям почувствовать себя детьми, устраивали для них праздники, когда можно было полакомиться печеньем с молоком, конфетами «под у шечками».

Весь коллектив детдома каждый день – дети и воспитатели – ждали победы, возвращения домой, в родную Беларусь. А когда в 1944 г. освободили Витебск, директор организовала по этому поводу большой праздник.

Но еще некоторое время дети оставались на своей второй, хотя и временной, родине. Возвращаться было некуда, город был почти уничтожен, для проживания не было никаких условий.

В 1946 г. директору пришел уже не первый вызов из Минска: республике необходимы были специалисты, в том числе опытные организаторы детских учреждений. Елизавете Трофимовне предложили возглавить на родине дом для детей, родители которых погибли в партизанских отрядах Беларуси. Только что будет с витебскими воспитанниками, к которым она прикипела душой?..

Елизавета Трофимовна долго сдерживала в себе все эти душевные порывы. Однако все же решила вернуться в Беларусь. А витебский детский дом оставался в Коровино еще 10 лет.

Молоткова Ирина Николаевна:

– Когда мы с мамой и некоторыми воспитателями уезжали из села, за нашей машиной неслась толпа ребят. Мама оборачивалась и плакала. Дети кричали нам вслед, просили остановиться... Здесь остались наши лучшие друзья, наша вторая семья. Единственное, что нас не покидало, – вера: все можно будет начать сначала и люди после этой жестокой войны пойдут...⁶³

⁶³ Корбут, В. Последний эшелон.

«Дорогая тетя Катенька...»: Зароновский детский дом витебского района

В поселке Зароново размещался дошкольный детский дом. Накануне войны для подросших воспитанников был открыт первый класс. В детдоме работал (вероятно, директором) Михаил Левит со своей женой. Трудилась с детьми и Наталия Галина.

Воспитателем детдома работала Екатерина Степановна Межевич (по мужу – Дервоедова). Когда началась война, ее назначили директором детдома, который эвакуировали в село Новиково Тамбовской области. На руках Екатерины, тогда двадцатипятилетней девушки, был 151 воспитанник. Ей помогли 14 человек персонала и 16 членов их семей. У нас пока нет сведений о самой эвакуации, жизни детского коллектива в Тамбовской области. Но можно предположить, что детский дом жил и трудился, как и сотни эвакуированных детских учреждений. Его коллектив ждал вестей с фронта, ожидал скорейшей победы, мечтал быстрее вернуться в родные места. Старшие воспитанники уходили в армию, кто помладше – в ремесленные училища и школы ФЗО. Летом все трудились на колхозных полях, шефствовали над госпиталями.

После войны в Зароново детский дом не вернулся, его разместили в Богушевске.

Во многом о взаимоотношениях детей и воспитателей, заботе последних о подопечных можно судить по письмам воспитанников своим спасителям. Многие письма – сердечные, полные благодарности – хранятся в музее «История Зароновского края» и переданы сыном Екатерины Степановны и ее мужа Василия Мартыновича Дервоедова. После тяжелого ранения на фронте Василий Мартынович был комиссован и в начале сентября 1943 г. приехал к своей Катюше, став ее заместителем по учебно-воспитательной работе.

Бывший воспитанник Владимир Матвеевич Перменов написал своим воспитателям с фронта. Письмо датировано 11 августа 1944 г.:

«Шлю я Вам свой красноармейский привет и желаю всего наилучшего в Вашей молодой жизни. Передайте привет всему детдому, вплоть до рабочих, и опишите, как они живут».

Далее Владимир сообщал, что он освобождал Зароново. Просил написать, какой деревню они увидят, когда вернуться на Витебщину.

Воспитанница Людмила Яблонская пишет:

«Дорогая тетя Катенька, я Вас буду помнить, как родную мать. И также Василий Мартынович мне, как родной. Я буду Вам писать, не дожидаясь Вашего ответа, потому что Вам, может, не будет времени отвечать... Если поедете в Витебск, то надеюсь, что не потеряем связь».

Письмо датировано 27 июля 1944 г.

Писали письма-благодарности не только воспитанники, но и их родные: кто с фронта, кто с уже освобожденной земли.

Рукович Людмила – воспитанница:

«8.01.44 г. Здравствуйте, дорогая тетя Катя и дорогой Василий Мартынович. Шлю Вам из Смоленска горячий комсомольский привет. Доехали мы благополучно, но с большими трудностями. От Смоленска осталось одно название. Все как есть сожжено, пепел развеян ветром и все занесено снегом. Город больше похож на поле, на котором стоят скелеты каменных домов с высоко поднятыми трубами. Ночью страшно ходить».

С 10 января иду в школу. Половина книг уже есть... Когда уедете к себе на родину, то напишите свой адрес. Целую вас обоих крепко-крепко-крепко и благодарю за все...»

Такие же теплые письма получали супруги от Марии Карповой, уехавшей учиться в железнодорожное училище в Мичуринск, от дяди Нины и Толи Пышкиных. Москвичка Е. Чельшева просит директора еще хотя бы год позаботиться о своих младших сестрах Ире и Наде Татаржицких, так как она сама является студенткой и еле сводит концы с концами. Таких писем много получали директор и ее заместитель.

В Витебске живет Надежда Фёдоровна Лагуткина. В 1941 г. ей было двенадцать лет. Путешествовать ей пришлось много: Волковыск, Белосток, Зароново, Новики. В селе Зароново она пробыла всего несколько дней, но и сегодня помнит, что здание детдома стояло на берегу большого озера. Ди ректор (вероятно, Михаил Левин) довез их до Новиков и ушел на фронт. В г. Чашники Витебской области живет Екатерина Харина (фамилия девичья). Она также воспитывалась у Екатерины Григорьевны. Установлены фамилии еще нескольких воспитанников детского дома: Полина Григорьевна Шерман – живет в Новополоцке, Ольга Владимировна Куприянова – в Санкт-Петербурге. Поиск других воспитанников продолжается⁶⁴.

⁶⁴ Мурашкина, В. В каждом письме – живое дыхание... / В. Мурашкина // Народное сло ва. – 2004. – 2 ліп.

Сквозь огонь и смерть: детский дом поселка Коханово толочинского района

Инсаров П. Ю. – воспитанник детского дома, работал учителем Подберезской восьмилетней школы:

– Когда оккупанты подходили к поселку Коханово, мы все вещи погрузили на подводы, а сами пешком направились на станцию. Там уже стоял эшелон, в котором находились дети из других детских домов. Нас повезли в сторону Орши. Перед Оршей эшелон стали бомбить. Много детей погибло, часть, в том числе и я, были ранены. Некоторые вернулись назад, в Коханово. А мы через определенное время, когда подали второй паровоз, поехали дальше. В Орше к нам присоединились воспитанники Лепельского и других детских домов. Путь лежал на Смоленск. Между Витебском и Смоленском поезд остановили люди в красноармейской форме, внезапно начавшие в нас стрелять (это был вражеский десант). Машинист не растерялся и сразу же тронул эшелон. Мы были спасены. В дороге к нам присоединялось все большее количество детей, поэтому делились на группы. С кохановскими воспитанниками ехала техничка, у которой была детдомовская печать. Это нас спасало: на станциях по бумаге, заверенной печатью, нам сразу же, без задержки, выдавали хлеб, другие продукты. Благодаря такой предусмотрительности простой женщины мы в дороге не голодали.

Сначала прибыли в г. Вольск Саратовской области, потом в Качалино Сталинградской области. Начали жить в бывшем доме отдыха. Было нам там хорошо, подружились с воспитанниками детских домов Украины. Но не задержались надолго и здесь. По Волге нас повезли в Астрахань, оттуда на нефтеналивной барже поплыли по Каспийскому морю в г. Гурьев. Фашистские самолеты часто совершали налеты. Самым страшным был первый из них. Мы, беззащитные, стояли на палубе, прижавшись друг к другу, и ждали своей судьбы. Самолеты пролетали так низко, что мы боялись их больше пуль, казалось, машина раздавит нас своей массой.

Так мы приехали в Гурьев, далее ехали поездом до станции Байток Андижанской области. В селе Пайтуг и жили до конца войны. Многих детей забирали к себе на воспитание местные жители. Учеба в школе продолжалась. Летом работали на хлопковых полях. Люди жили очень бедно, питались плохо – все было для Красной Армии. Летом, когда вдоволь овощей, прокормиться было легче. Для слабых, самых маленьких и девочек дети постарше просили лепешки, бегая по дворам. Хотя и стыдно вспоминать, но если говорить правду, так лазили по садам, подкармливали таким образом самых ослабленных. Время было тяжелое. Главное было выжить, не умереть с голоду.

А учились и работали хорошо. Хотя и некого нам было ждать после войны, но делали все, как деревенские дети, – старались иметь в дневнике только хорошие отметки, чтобы показать их после Победы... но кому? И все же так устроена детская психология, что необходимо было обязательно кого-нибудь ждать...⁶⁵

Лапеко (Тренина) Клава – воспитанница детдома:

– Сиротой я стала еще до начала войны, воспитывалась в Кохановском детском доме Толочинского района Витебской области.

Четыре дня войны оставались в детдоме. 26 июня 1941 г. вместе с другими детдомовцами я была отправлена в эвакуацию, посадили нас на обычные грузовые железнодорожные платформы и повезли в Оршу. Проехали километров двадцать, и вдруг... фашистские само-

⁶⁵ З успамінаў П. Ю. Инсарава // Памяць: гіст. – дак. хроніка Талачынскага раёна. – Мінск, 1988. – С. 587.

леты. Стали бомбить. Многие ребята погибли. Оставшихся собрала воспитательница тетя Надя, и с ней мы пошли до Орши пешком.

В Калининне нас встретили, накормили, посадили на баржу и отправили по Волге в Саратов.

Поездка по Волге – совсем иное: простор, не слышно гула вражеских самолетов и взрыва бомб.

Из Саратова часть нашей Кохановской группы направили в детский дом № 2 г. Вольска. Там я пробыла шесть лет, окончив за эти годы десятилетку и поступив в том же городе в учительский институт⁶⁶.

После окончания института К. Тренина в течение 40 лет учительствовала в Урусовской сельской школе Ртищевского района Саратовской области, а уйдя на пенсию, осталась проживать в Урусово.

⁶⁶ Разин, В. Б. От Минска до Хвалынска: Дети Белоруссии на земле саратовской: 1941–1945 гг. – С. 97–98.

Смена – три долгих года: пионерский лагерь г. Орши

В истории г. Орши есть эпизод: для трехсот ребят, отдохавших в загородном пионерском лагере, смена затянулась на три долгих года.

Пионерский лагерь находился в бывшем помещичьем доме, расположенном недалеко от станции Гусино (Смоленское направление). 22 июня 1941 г. должно было состояться торжественное открытие смены. Неожиданно позвонили из Орши и сказали, что началась война. Все вожатые, врач и медсестры собрались у начальника лагеря Марии Василевич. Самому старшему из вожатых, Матвею Щуру, не было и 20 лет. Когда появились сведения, что недалеко высадился вражеский десант, вокруг лагеря выставили боевые посты. На них дежурили старшие ребята, вооруженные палками. Масштабов бедствия тогда еще не знал никто, а неопределенность очень тяготила.

Вскоре поступило распоряжение об эвакуации. Лагерь дружно собрался и двинулся на станцию Гусино, в здании которой располагался военный госпиталь. Несколько суток пришлось провести ребятам у станции, прежде чем им было выделено несколько вагонов, и поезд тронулся. Эшелон проезжал горящий Смоленск, неоднократно подвергался бомбежке. Ребята впервые становились свидетелями гибели людей, но им везло: все остались живы.

Казань встретила эвакуированных детей чистыми простынями в Доме колхозника и горячим супом. До Набережных Челнов предстояло добираться пароходом.

В Набережных Челнах местные жители накормили ребят хлебом, молоком, яйцами и картошкой, помогли погрузить на подводы их нехитрые пожитки. Городские власти обеспечили эвакуированных детей жильем, одеждой и питанием. Не остались в стороне жители города, приносившие детям еду, одежду и книги.

Была и еще одна проблема: борьба с полчищами клопов, которая проходила в виде дезинфекции.

Оршанцы довольно быстро освоились на новом месте: учились, выступали с концертами, шефствовали над ранеными, занимались сельскохозяйственными работами. Некоторые из подростков прибавляли себе год-два и уходили добровольцами на фронт, другие заканчивали школы ФЗО и работали на оборонных предприятиях.

А однажды белорусских детей взволновала радостная и тревожная новость – приехала чья-то мама из Орши. Это была Варвара Евсеевна Рыбакова, случайно отыскавшая своего сына. Она осталась в Набережных Челнах до конца эвакуации, работала директором школы.

К сожалению, не всем ребятам повезло вновь встретиться с родными: некоторые потеряли родителей, братьев, сестер, но они об этом узнали только после освобождения Орши, когда вернулись в родной город⁶⁷.

⁶⁷ Ютова, О. Л. Детские дома г. Орши 1941–1945 гг. / О. Л. Ютова // Дети войны: материалы круглого стола «Детские дома в г. Витебске и Витебской области на временно оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», 2005 г. – Витебск, 2007. – С. 16–17.

Взрослели рано: пионерский лагерь «Родник» Бобруйского района

По воспоминаниям Л. Кнюкшто, долгое время проработавшего токарем в Научно-исследовательском институте ЭВМ в Минске, он в составе пионерского лагеря «Родник», который размещался в живописном месте под Бобруйском, был эвакуирован на восток.

Летом в «Роднике» отдыхали дети не только из Бобруйска, но и из Минска. Грянула война, и дорога на Минск – домой, в родной город – была отрезана. Пионерский лагерь эвакуировали в Гомель: там детей посадили на поезд и повезли в глубь страны. В г. Урюпинске Волгоградской области их разместили в детском доме.

Вокруг все напоминало о войне. На фронт уходили мужчины, а их рабочие места занимали женщины, подростки. Детдомовцы часто выезжали на уборку урожая в колхозы. Л. Кнюкшто здесь настигла радость: он нашел своего отца. До войны отец работал главным механиком на торфогидролизном заводе, а когда враг подошел к Минску, вместе с коллективом предприятия эвакуировался на восток. Подросток переехал к отцу в д. Владимировку Волгоградской области, помогал ему по токарному делу и скоро стал самостоятельно изготавливать на токарном станке разные детали. Когда гитлеровские войска подходили к стенам Сталинграда, всех трудоспособных мобилизовали на строительство железнодорожной ветки Владимировка – Сталинград. В то время этот отрезок магистрали должен был сыграть важную роль в защите города на Волге. Работали дни напролет, почти без выходных ради одной цели – помочь Красной Армии задержать врага.

Скоро из Сталинграда всех перевели в г. Ишимбай Башкирской АССР. В то время этот район назывался «вторым Баку». Каждый из ишимбайцев тогда стремился дать фронту как можно больше нефти.

С отцом юноша начал работать на одном из заводов в токарном цеху. Парню достался станок, не соответствующий его росту. Л. Кнюкшто подставлял под ноги коробку, чтобы работать. Тут же, на заводе, в 1942 г. юноша вступил в ряды ВЛКСМ.

Кнюкшто Л. К. – воспитанник детдома:

– Отец – коммунист, сын – комсомолец, – думал я тогда. Надо нам работать еще лучше. И мы не жалели ни сил, ни времени. Ежедневно перевыполняли сменные нормы выработки. Через какое-то время я был занесен в список «двухсотников». Так называли в то время тех, кто на 200 и более процентов выполнял дневное задание.

Ударно работая, все мы жадно следили за сообщениями с фронтов, где бушевало пламя войны. И каждая радостная весть придавала нам новые силы и энтузиазм. Хорошо помню, как однажды в газете мы прочли сообщение о боевых делах белорусских партизан. И это очень обрадовало нас.

И вот призыв: «Соберем средства для строительства эскадрильи “Нефтяник Башкирии”!» Помню, как горячо были восприняты эти слова нашими рабочими. На общезаводском собрании многие выступали с речами и тут же вносили деньги из своих сбережений. Я также выступал от имени таких же, как и сам, подростков и внес в фонд будущей эскадрильи 5 тысяч рублей, которые заработал на заводе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.